

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN

№ 13 (114)

Academic Journal

Series:
“Historical Studies. General History”

Moscow
2013

ВЕСТНИК РГГУ

№ 13 (114)

Научный журнал

Серия
«Исторические науки. Всеобщая история»

Москва
2013

УДК 94(05)
ББК 63.3(0)я5

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Серия «Исторические науки. Всеобщая история»

Редакционная коллегия:

Н.И. Басовская – ответственный редактор
О.В. Саприкина – заместитель ответственного редактора
В.А. Бароне – ответственный секретарь
О.В. Ауров
Л.М. Брагина
Е.Д. Браун
В.П. Буданова
А.В. Воеводский
В.М. Володарский
Ю.П. Зарецкий
Г.И. Зверева
Н.П. Калмыков
Л.П. Репина
В.И. Уколова
П.П. Шкаренков

Номер подготовили:
В.А. Бароне

СОДЕРЖАНИЕ

Человек и общество в цивилизациях древности и Средних веков

Е.В. Бульчева

Участие оргеонов в экономической жизни Афинского полиса
в IV в. до н. э. 11

П.Н. Лебедев

Города как место манифестации императорской власти
(в сочинениях римских историков III–IV вв. н. э.). 25

И.Е. Ермолова

Война императора Валента с тервингами 38

М.Ю. Биркин

Епископ и светская власть в Толедском королевстве
в начале VII в. (по данным сочинений Исидора Севильского) . 51

Е.С. Марей

Грамматика и богословие в «Дифференциях»
Исидора Севильского 66

Г.А. Агапов

Королевство Арагон в системе англо-французских
противоречий XIII в. 78

Ю.Я. Вин

Кто «хозяин дома»? Византийский концепт «домоправителя» 87

Личность, общество и власть в XVI–XX вв.

О.Л. Акопян

Трактат Джамбаттисты делла Порта «О небесной физиогномике»
и ренессансная традиция натуральной магии 99

<i>Л.В. Клепикова</i>	
Миссия иезуитов в Китае и ее роль в распространении идей Просвещения в Поднебесной империи (на примере переписки Г.В. Лейбница и отца И. Буве)	112
<i>С.Г. Малкин</i>	
Горная страна на шкале исторического прогресса: этнография «хайлендской проблемы» Великобритании в 1689–1759 гг.	126
<i>Н.П. Танышина</i>	
Граф Ж.-Ж. де Селлон и борьба за отмену смертной казни.	144
<i>Е.Ю. Кольшевская</i>	
Национальный вариант ирландской истории в трудах ирландских конституционалистов (на примере памфлетов Дж.Э. Редмонда «Правда о 98-м годе» и «Ирландия с 98-го года»)	161
<i>Н.В. Ростиславлева</i>	
Формы государственной власти в германской раннелиберальной доктрине (первая половина XIX в.)	170
<i>С.Е. Князева</i>	
Идея свободы и инструмент «золотой середины» в теории и практике европейских либералов XIX столетия	180
<i>С.Ю. Серёгичев</i>	
Между Кораном и «Калашниковым»: особенности египетского исламизма в 1970–1981 гг.	197
<i>А.Н. Комаров</i>	
Правый консерватизм в Канаде на рубеже XX–XXI вв.: партия реформ и канадский консервативный альянс реформ в борьбе за власть на всеобщих выборах 1993, 1997, 2000 гг.	208
<i>О.В. Охошин</i>	
«Общество соучастия» как новая концепция социальной политики на примере Великобритании (1995–2005 гг.)	221

История мировых цивилизаций в зеркале исторической науки

Е.В. Балушкина

От средневекового миллениаризма к революционной утопии . . .	235
Abstracts	248
Сведения об авторах	257

CONTENTS

The person and society in the civilisations of the Antiquity and the Middle Ages

E. Bulycheva

The participation of the orgeones in the economic life of the
Greek polis in the IV B.C. 11

P. Lebedev

Cities as place of manifestation of the Emperor's power
(on the base of the works of Roman historians of the III–IV A.D.) 25

I. Ermolova

The Emperor Valent's war with Tervingi 38

M. Birkin

A bishop and secular powers in the Visigothic kingdom
of Toledo at the beginning of the VII century in the works
of Isidore of Seville 51

E. Marey

Grammar and theology in the "Differences" of Isidore of Seville 66

G. Agapov

Aragon kingdom in the system of English-French contradictions
of the XIII century 78

Yu. Vin

Who is the "Master of the house"? Byzantine concept
of "Householder" 87

The person, society and power in the XVI–XX centuries

O. Akopyan

Giovan Battista della Porta's "De coelestia physiognomia" and the
Renaissance tradition of "magia naturalis" 99

<i>L. Klepikova</i>	
The Jesuit missions in China and their role in the spreading of the enlightenment ideas in the Heavenly Empire (on the example of the correspondence of G.W. Leibniz with père J. Bouvet)	112
<i>S. Malkin</i>	
The Highlands on the scale of the historical progress. Ethnography of the “Highland problem” of Great Britain in 1689–1759.	126
<i>N. Tanshina</i>	
The count J.-J. de Sellon and the campaign for the abolition of the death penalty	144
<i>E. Kolishevskaya</i>	
National variant of Irish history in the works of Irish constitutionalists (In the pamphlets of J.E. Redmond “The Truth about ’98” and “Ireland since ’98”).	161
<i>N. Rostislavleva</i>	
Forms of the state in the German early liberal doctrine (first half of the XIX century)	170
<i>S. Knyazeva</i>	
Freedom and <i>Juste milieu</i> in the theories and practices of the European liberals of the XIX century	180
<i>S. Seregichev</i>	
Between the Koran and the “Kalashnikov”: Features of the Egyptian Islamism in 1970–1981	197
<i>A. Komarov</i>	
The right-wing conservatism in Canada at the end of the XX – beginning of the XXI centuries: The reform party of Canada and Canadian conservative alliance of reforms in struggle for power during the general elections of 1993, 1997 and 2000	208
<i>O. Ohoshin</i>	
“Stakeholder society” as a new concept of social policy on an example of Great Britain (1995–2005)	221

The history of world civilisations in historical perspective

<i>E. Balushkina</i>	
From Medieval millenarianism to revolutionary utopia	235
Abstracts	248
General data about the authors.	258

Человек и общество в цивилизациях древности и Средних веков

Е.В. Булычева

УЧАСТИЕ ОРГЕОНОВ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ АФИНСКОГО ПОЛИСА В IV в. до н. э.

Статья посвящена проблеме участия оргеонов в экономической жизни афинского полиса в IV в. до н. э. Оргеоны представляли собой религиозное сообщество граждан греческого полиса, в которое входили представители различных социальных групп. На основании данных эпиграфики из Аттики IV в. до н. э. автор проводит анализ сделок по аренде и продаже общественной земли, в которых оргеоны играли особую роль, выступая в качестве арендодателей и продавцов недвижимости. Сообщество проявляло финансовую активность, занимаясь вопросами кредитования и внесения налогов. В целом делается вывод о том, что оргеоны регулировали многие вопросы экономической жизни греческого полиса.

Ключевые слова: оргеоны, религиозное сообщество, Греция, Аттика, аренда, продажа, полис, теменос.

В древней Аттике IV в. до н. э. существовали земельные участки – теменосы, посвященные какому-либо божеству или герою, обычно примыкающие к месту культа или окружающие его¹. Теменосы находились в распоряжении территориальных объединений (демов, фил и фратрий), но в основном принадлежали храмовым организациям. Прежде всего такими организациями являлись оргеоны². Как правило, оргеоны являлись членами частных религиозных ассоциаций, группировавшихся вокруг культов богов и героев. История их создания, по-видимому, уходит в глубокую древность, но впервые они отчетливо фиксируются для времени Солона. Об этом прежде всего свидетельствует ученый грамматик Селевк из Александрии (первая половина I в. н. э.) в специальном комментарии к скрижалям законов Солона (Seleuc. Ap. Suid)³. Что представляли собой оргеоны первоначально – сказать трудно, но несомненна их связь с культом. Тот же Селевк из Александрии отмечает, что «оргеонами называются те, кто устраивают собрания в честь неких богов или героев» (Seleuc. Ap. Suid). Для дальнейшего,

более точного определения этой категории лиц, которые в Афинах назывались оргеонами, существенной представляется выступающая в древних текстах связь оргеонов с такими ячейками греческой гражданской общины, как роды и фратрии (Polux. VIII. 107). Таким образом, объединения оргеонов – одни из наиболее древних на территории Аттики, ведущие свое происхождение как минимум с архаической эпохи и достигшие расцвета уже в послеклассическое время, в период эллинизма. Как отмечает И.В. Меланченко, современная наука располагает довольно скудными и часто противоречивыми сведениями о деятельности этих ассоциаций⁴. Надписи оргеонов, которые сохранились до нашего времени, в силу своей лапидарности малоинформативны. Вероятно, причиной того, что объединения оргеонов практически обходят вниманием нарративные источники, можно считать, во-первых, их сугубо частный характер, во-вторых, отсутствие с их стороны попыток влиять на общественную и политическую жизнь, т. е. определенный замкнутый характер, что присуще некоторым религиозным организациям древности. Центральное место в рамках деятельности этих объединений занимали отправление культа и организация религиозных мероприятий в честь бога или героя, которому был посвящен данный союз оргеонов. Для этих целей оргеоны собирались один раз в год и совершали жертвоприношения, после чего устраивали пир⁵. Э.Д. Фролов отмечает, что оргеоны встречались в течение года еще несколько раз для проведения других церемоний, их деятельность была расширена⁶. Н. Джоунс считает, что с конца классической эпохи получает развитие новая тенденция – оргеоном может стать любой, кто внесет определенную сумму на нужды объединения⁷. По мнению Н. Джоунса, многие «спонсоры» получали в благодарность высшие должностные посты в руководстве ассоциации. Таким образом, члены объединения старались укрепить свою финансовую базу. Оргеоны являлись активными участниками различных экономических операций в аттическом обществе. Экономический статус оргеонов может быть выявлен с помощью указаний в надписях об их участии в различного рода сделках, прежде всего по аренде и продаже общественной земли, а также по данным документов о складных операциях с землей и другими видами имущества. Кроме того, эти документы дают представление о характере деятельности оргеонов, статусе этих объединений и содержат другие ценные сведения, позволяющие расширить наше представление о них.

Оргеоны участвовали в аренде земель, принадлежавших храмам. До нашего времени сохранились две надписи о сдаче в аренду земли святилищ оргеонами. Надпись о сдаче в аренду земельного

участка святилища оргеонов героя Иатра найдена в начале XX в. и датируется 333 г. до н. э.⁸ Обширная надпись, посвященная сдаче в аренду союзом оргеонов – почитателей героя Эгрета своего святилища, найдена в начале XX в. немецкими археологами у подножия холма Нимф (к западу от Ареопага) и датируется 307–306 гг. до н. э. (перевод текста надписи приведен по сборнику IG. II². 2499)⁹.

Об участии оргеонов в финансовых мероприятиях, связанных с куплей-продажей или кредитованием имущества, сведений гораздо меньше, чем о других организациях. Тем не менее некоторая информация содержится в источниках. К началу III в. до н. э. относится декрет, найденный на Ареонах, где указан список должников. В качестве их финансовых кредиторов выступают оргеоны. Члены этой организации являются должностными лицами, которые представляют свои денежные средства в помощь должникам, финансируя ремонт, строительство зданий и другие работы. При этом суммы указаны небольшие, что, по-видимому, свидетельствует о малом масштабе проводимой сделки (Hesperia. 1942. 11. P. 282, no. 55).

Используя данные этих надписей, а также другие документы и сведения нарративных источников, попытаемся представить статус оргеонов и их участие в экономической жизни полиса.

Оргеоны строились наподобие гражданских корпораций, в надписях они называют себя общиной или союзом¹⁰. Судя по данным надписей, они собирались на собрания и принимали совместные постановления. Так, в надписи о сдаче в аренду имущества оргеонов Эгрета сказано, что арендатор должен действовать в соответствии с определенными предписаниями (IG. II². 2499, lin. 20–25), которые скорее всего вырабатывались совместно оргеонами. Выработанные ими постановления датировались временем правления афинских архонтов-эпонимов (IG. II². 2499, lin. 20). Среди таких документов могли быть и совместные решения оргеонов о награждении отдельных членов сообщества, оказавших особые услуги (Syll³. III. № 1096; Syll³. № 1097). Формой награды мог служить золотой венок, который затем награжденный должен был посвятить обратно в святилище чтимого сообществом божества. Иногда согласно совместному постановлению оргеонов к этому добавлялось освобождение от членского взноса¹¹. При этом постановления оргеонов, по-видимому, могли приниматься как частным образом, т. е. только самими оргеонами без какого-либо вмешательства, так и совместно с полисной администрацией, что зависело от специфики рассматриваемого вопроса. Так, решения частного характера о награждении членов ассоциации оргеонов принимались ими самостоятельно (Syll³. № 1096, 1097), а вопросы о сдаче в аренду

земли святилищ они согласовывали с полисными структурами. В надписях об аренде сада героя Иатра и святилища оргеонов Эгрета сказано, что оргеоны должны поставить в святилище на всеобщее обозрение списки с соглашениями и указать время правления архонтов (Pleket. № 43; IG. II². 2499).

Судя по сведениям надписей, общины оргеонов имели своих должностных лиц: попечителей храмов, казначеев, так называемых устроителей праздничных пиров (Syll³. № 1096, 1097). Во главе администрации оргеонов был гестиатор, на которого возлагалась обязанность организации жертвоприношений и банкета¹². В зависимости от величины объединения кроме гестиатора в администрацию могли входить также эпимелеты, казначей, секретарь и, конечно же, жрецы. В надписи об аренде оргеонов Эгрета сказано об управляющих оргеонов, которым арендатор должен передавать арендную плату ежегодно (IG. II². 2499, lin. 20). Судя по этому замечанию, можно предположить, что среди оргеонов выбирались управляющие, в обязанность которых входили различные экономические обязательства, в частности сбор арендной платы.

Религиозные сообщества часто устраивали торжественные жертвоприношения и обязательные сопряженные с ними ритуальные трапезы в честь какого-либо божества.

Как часто устраивались такие церемонии – трудно сказать, возможно, один раз в год. В надписи об аренде земельного участка оргеонов Эгрета сказано о совершении жертвоприношения оргеонами Эгрета в честь своего героя в месяце Боэдромионе, когда арендатор святилища должен был предоставлять его открытым для названного сообщества (IG. II². 2499, lin. 30). Однако Э.Д. Фролов полагает, что жертвоприношения могли совершаться неоднократно, а в случае, указанном в надписи об аренде земли оргеонов, речь идет о каком-то официальном празднике, но это не должно исключать проведения время от времени каких-либо других церемоний¹³, поскольку сами сообщества устраивались для проведения таких празднеств. Средства для проведения этих мероприятий религиозное сообщество получало от различных пожертвований. Во-первых, это могли быть попечения частных лиц – членов организации оргеонов. Так, в надписи из Пирея, повествующей о союзе оргеонов – почитателей фракийской богини Бендиды (329–328 гг. до н. э.) сказано, что «Эвфийес и Дексий, бывшие попечители храма, осуществили свое попечение прекрасно, ревностно и достойно» (Syll³. № 1095, lin. 3–4). В другом документе говорится о том, что граждан следует похвалить за их честность и добродетель к богам и в отношении союза оргеонов (Syll³. № 1096, lin. 5–6). При этом не

сказано прямо, за что следует хвалить граждан, но можно предположить, что речь идет не только об их моральном долге, но и о финансовой помощи для оргеонов и их святилища.

Во-вторых, средства поступали от сдачи в аренду принадлежавшего сообществу имущества. Об этом свидетельствуют надписи о сдаче в аренду имущества героя Иатра и святилища Эгрета. Содержание этих документов дает возможность представить, какие виды собственности сдавали в аренду, какую сумму получали оргеоны в виде арендной платы. Судя по всему, в аренду поступало немалое количество имущества. Так, в договоре оргеонов героя Иатра сказано, что в аренду сдается земельный участок с хозяйственными постройками на нем (Pleket. № 43, lin. 15–21). В надписи об аренде святилища оргеонов Эгрета также говорится о передаче в аренду земельного участка с садом и многочисленными хозяйственными и культовыми постройками на нем (IG. II². 2499, lin. 5–10; 20–30; 40). В первом случае арендная плата взимается в размере 20 драхм ежегодно, во втором она составляет 200 драхм, что также позволяет судить о том, что святилище оргеонов Эгрета было весьма масштабное. При этом возникает вопрос, насколько эта плата была высока и как она могла удовлетворить финансовые потребности оргеонов. В надписи из Пирея, датированной 329–328 гг. до н. э., говорится, что оргеоны готовы увенчать попечителя святилища золотым венком стоимостью в 100 драхм (Syll³. № 1095, lin. 9–10). В другом постановлении оргеонов, принятом после 350 г. до н. э., речь идет о возможности увенчать золотым венком двух попечителей храма, при этом стоимость каждого такого венка составляет 500 драхм, т. е. в целом – 1000 драхм (Syll³. № 1096, lin. 7–8). Исходя из этого можно сделать вывод, что оргеоны располагали немалыми средствами. Арендная плата, которую назначали оргеоны в случае сдачи в аренду святилища, – 20 или даже 200 драхм – вряд ли могла являться для них важной статьёй дохода. Скорее всего, сообщество оргеонов не столько заботилось о получении больших денежных средств от аренды, сколько старалось обеспечить должный уход за святилищем. Об этом свидетельствуют условия арендного соглашения. Так, в договоре о сдаче в аренду оргеонами святилища Эгрета сказано: «Он (арендатор) должен заботиться о деревьях, растущих в святилище, и, если какое-либо из деревьев погибнет, пусть он заменит его и передаст то же самое количество» (IG. II². 2499, lin. 15–20). Забота об уходе за землей, принадлежащей храму, являлась одним из важнейших дел в различных территориально-административных и религиозных объединениях Аттики. Так, в договорах об аренде земель святилищ, которую проводят аттические

демы, арендатору постоянно предписываются требования тщательного ухода за землей¹⁴. При этом, как и в случае аренды оргеонов Эгрета, с арендатора не берется большая арендная плата¹⁵. Судя по этим данным, финансовая выгода не была основной целью сдачи священнх земель в аренду.

Отечественный исследователь В.Н. Андреев отмечает, что аттические сообщества являлись по своему характеру весьма патриархальными и для них аренда была не коммерческим мероприятием, а скорее патриархальным, выступала данью традиции¹⁶. При этом к самим оргеонам полис предъявлял финансовые требования, которые прежде всего выражались в обязанности уплачивать чрезвычайный налог – эйсфору. Так, в надписи о сдаче в аренду святилища оргеонов Эгрета сказано: «...если случится какой-либо чрезвычайный налог (эйсфора), то платить его оргеонам согласно оценке имущества» (IG. II². 2499, lin. 37–39). В исследовательской литературе уже многие годы не прекращается спор относительно уплаты эйсфоры¹⁷. Тем не менее на основе имеющихся в нашем распоряжении источников можно попытаться представить характер эйсфоры вообще и в связи с уплатой оргеонами в частности. Эйсфора – чрезвычайный налог, взимаемый афинским государством в соответствии с решением Народного собрания в условиях чрезвычайной опасности и в связи с материальной необходимостью. Первый известный случай взимания эйсфорой относится к 428 г. до н. э., когда в результате восстания на Лесбосе над Афинами нависла угроза опасности (Thuc. III. 19). Из сообщений Фукидида и Демосфена видно, что обложению эйсфорой подлежало большинство граждан (особенно состоятельные), а также метеки (Dem. XIV. 19, 27; XXVII. 7). Данные надписей свидетельствуют о том, что этому виду налогообложения подлежали не только частные лица, но и общественные организации, отдельные коллективы граждан, среди которых были демы, фратрии, а также оргеоны¹⁸. Так, в договоре о сдаче в аренду теменоса оргеонов Эгрета говорится, что эйсфору должны вносить оргеоны Эгрета (IG. II². 2499, lin. 27–29). Арендодатель указывается в качестве основного плательщика чрезвычайного налога в договоре о сдаче в аренду земельного участка пирейцами (Agoga. XV, P. 226, lin. 6–9). Это важные свидетельства, дающие представление о том, что не только частные лица, но и целые коллективы были причастны к уплате эйсфоры, т. е. это было делом общественной, можно сказать, полисной важности. Кроме того, само по себе участие оргеонов во внесении чрезвычайного налога, по-видимому, может свидетельствовать о следующем. Во-первых, поскольку налог был делом государственной важности, то, значит,

оргеоны являли собой пример патриотов, преданных делу служения полису, неукоснительно выплачивающих эйсфору. Во-вторых, поскольку среди оргеонов были иностранные граждане, то их участие в уплате эйсфоры подтверждает появившуюся в науке, но еще не совсем обоснованную точку зрения о том, что к ее выплате были причастны иностранцы¹⁹. Кроме того, интересно отметить, что в уплате эйсфоры участвовало религиозное объединение (оргеоны).

Судя по данным договора о сдаче в аренду теменоса оргеонов Эгрета, можно предположить, что за уплатой эйсфоры следила администрация оргеонов, которая была заинтересована в уплате этого вида налога (IG. II². 2499, lin. 39–40). Выплата эйсфоры являлась делом государственной важности, и потому за этим строго наблюдали специальные должностные лица²⁰. По-видимому, сначала сумма налога поступала в местную казну, а затем вместе с другими средствами отправлялась в казну полиса. В историографии существуют споры о том, какая сумма эйсфоры взималась, на основании каких критериев она определялась. Нарративные источники предлагают разные данные по этому вопросу. Демосфен сообщает, что подлежащее обложению имущество оценивалось примерно в 6 тыс. талантов (XIV. 19, 27). Полибий сообщает о цифре 5750 талантов (II. 62, 7). По-видимому, это сумма оценки не всего имущества Атики, а только того имущества, которое подлежало налогообложению. Эйсфора взималась в соответствии с оценкой имущества. При этом сведения об этом весьма противоречивы. В речах Демосфена против опекунов (XXVII, XXVIII, XXIX) говорится, что опекуны оценили имущество, оставленное отцом оратора в 3 таланта, а такая оценка соответствует имуществу в 15 талантов. Однако Демосфен противоречит сам себе. С одной стороны, он сообщает, что раз оценка стоимости имущества равнялась 3 талантам, то оставленное ему имущество составляло 15 талантов. С другой стороны, оратор приводит сумму чуть больше 13 талантов (XXVII. 7). А из этого имущества, согласно завещанию отца Демосфена, более 3 талантов получали опекуны сына (XXVIII. 44–45). Следовательно, наследникам доставалось еще меньше имущества. При этом также возникает вопрос, включалось ли в оценку стоимости все имущество или только какая-то его часть. В некотором смысле на этот вопрос отвечает содержание надписи о сдаче в аренду теменоса оргеонов Эгрета. В этом договоре сказано, что эйсфора взимается со всего имущества. При этом в договоре дано описание этой собственности: земельный участок, различные хозяйственные постройки, строительные материалы и разнообразная ритуальная утварь (IG. II². 2499, lin. 29–32; 36–40).

Таким образом, имущество, подлежащее налогообложению, было весьма разнообразно и многочисленно. Судя по содержанию надписей об аренде священных участков, оргеоны не только уплачивали эйсфору, но и выполняли ряд других обязательств перед полисом. В частности, они выступали активными участниками финансирования различных мероприятий, которые имели как локальное, так и общеполитическое значение. По всей видимости, такие мероприятия проходили во время празднования Великих Панафиней, Великих Дионисий и ряда местных празднеств. Оргеоны устраивали пиры по случаю Фесмофорий²¹. Некоторые жертвоприношения, которые финансировали оргеоны, устраивались перед началом спортивных состязаний (IG. II². 2499, lin. 30).

Кроме участия в процессе сдачи земли в аренду, оргеоны занимались также сделками по продаже общественных земельных участков. К середине IV в. до н. э. относится надпись о продаже оргеонами имущества, возможно, земельного участка (IG. II². 1599). К сожалению, текст надписи сохранился весьма фрагментарно, что не позволяет полностью раскрыть его содержание, но сохранившаяся часть договора может быть переведена следующим образом: «Общая сумма <...> От имени оргеонов <...> Эпимелеты <...> В Керамике. Однопроцентный налог: 10 драм <...> Продал <...> Покупатель: Харий, сын Хар. Однопроцентный налог <...> Алкимах <...> Харелид». По-видимому, оргеоны наряду с другими ассоциациями Атики участвовали в сделках по продаже²². При этом сложно точно установить мотивы их участия в сделке. Вероятно, один из мотивов заключался в желании организаций избавиться от некачественного имущества, в том числе и земли, которая была в их распоряжении. Данные эпиграфики свидетельствуют, что часто в распоряжении ассоциаций находились окраинные земельные участки, горные массивы, рвы и холмы, а также нуждающиеся в ремонте помещения (IG. II². 1593, 1594, 1601), уход за которыми требовал немало усилий и средств, которых могло не быть в собственности коллективов граждан. В некоторых случаях организации, наоборот, старались выгодно реализовать объект продажи, чтобы получить достойную прибыль. Так, П. Гиро сообщает, что в ряде случаев даже на заброшенных участках была вода (водоемы или колодцы), что позволяло продавцам получать немалый доход²³. Сделки по продаже, судя по данным эпиграфики, проводились по определенным правилам, с участием должностных лиц организации или полиса; по-видимому, специально подбирались ответственные за выполнение условий операции. Так, в договоре оргеонов сказано об участии эпимелетов. При этом в самой надписи не говорится об их функци-

ях, но из других документов можно почерпнуть некоторую информацию. Об участии эпимелетов в экономических делах территориальных организаций помогает судить эпиграфический материал из Хиоса. В документе фратрии клатидов (SIG. 987, lin. 36–41) сказано о том, что эпимелеты следят за организацией сделок с недвижимостью и осуществляют своевременную запись об этом на специальных стелах. Таким образом, можно предположить, что оргеоны старались точно соблюдать общепринятые в Аттике правила организации экономических мероприятий.

Документы, посвященные экономической деятельности оргеонов, позволяют сделать некоторые дополнительные (к уже имеющимся сведениям) выводы о статусе этих сообществ. Очевидно, следует отметить разницу их положения в разные периоды. Первоначально сообщество оргеонов было официальной корпорацией афинских граждан, таким же, как, например, территориально-административные подразделения полиса (филы, фратрии и демы). Такими, скорее всего, были объединения оргеонов, представленные в документах об аренде теменоса Эгрета, сада Иатра. Однако со временем наряду с сообществами государственного, официального уровня (*juris publici*) стали появляться и частные организации (*juris privati*). Сообщество оргеонов, имеющих частный характер, по видимому, представлено в договоре об аренде земельного участка героя Иатра. В самом начале текста надписи сказано, что «в аренду сдал Харопс фалереец и оргеоны героя Иатра» (Pleket. 43, lin. 1–2). Речь идет о совместном участии в аренде оргеонов и частного лица. Возможно, что в данном случае мы имеем пример возрастания частной инициативы в организации коммерческой стороны дела. Сообщества оргеонов частного характера, скорее всего, представлены в документах о продаже имущества оргеонов и их участии в кредитовании начиная с III в. до н. э. (IG. II². 1289). При этом можно предположить, что сообщества частного характера росли в числе по мере возрастания роли частной инициативы в учреждении новых ассоциаций, растущего проникновения в их ряды людей так называемого нечистого происхождения, среди которых было немало метеков и даже рабов²⁴. Еще одной причиной роста числа сообществ оргеонов частного характера могло быть распространение чужеземных культов, увлечение которыми становилось все более заметным в конце IV – начале III в. до н. э. Немало сведений об этом содержится в античных нарративных источниках. Например, у Страбона сказано: «Афиняне проявляли постоянную склонность к иноземным заимствованиям как вообще, так и в отношении чужеземных богов. Действительно, они восприняли так много чужезем-

ных богов, что за это их даже осмеивали в комедии. Это относится к фракийским и фригийским обрядам» (Strab. X. 3, 18). У Платона имеются свидетельства о том, что в Афинах начиная с конца V в. до н. э. справлялись празднества в честь фракийской богини Бендиды (Plat. Resp. I, 328 b). Об этих празднествах сообщает и Демосфен (Dem. XVIII. 259–260). Судя по данным надписей, с конца V в. до н. э. в Афинах существовали две корпорации оргеонов, почитавшие Бендиду. Одна состояла из фракийцев, живших в Афинах и имевших от Афинского полиса право на организацию священной корпорации и приобретения земельного участка, сооружения на нем святилища (ссылка на это пожалование содержится в надписи оргеонов, которая датируется началом III в. до н. э. – IG. II². № 1283 – «пусть народ Афин пожалует фракийцам обитель. Пусть у них будет право владения недвижимостью и возведение святилища...»). Другая корпорация состояла в основном из афинян и некоторых неграждан полиса²⁵. Таким образом, статус оргеонов менялся со временем, что вряд ли может вызвать удивление, поскольку в целом происходили изменения в жизни греческого полиса.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в IV в. до н. э. оргеоны принимали участие в экономической жизни полиса, являясь, как и другие ассоциации (демы, филы, родовые организации), деловыми участниками в социально-экономической сфере жизни афинского полиса.

В дальнейшем об участии оргеонов в экономических делах содержится немного информации (возможно, и из-за слабой сохранности источников). Тем не менее некоторые сведения имеются. К началу III в. до н. э. относится декрет, найденный во время раскопок на Ареонах, в котором указан список должников. В качестве их кредиторов указаны оргеоны (Hesperia. 1942. 11. P. 282, no. 55). Членами этой организации являлись должностные лица, которые представляли средства в помощь должникам, финансируя ремонт зданий и другие строительные работы. При этом суммы указаны небольшие, что, по-видимому, свидетельствует о малом масштабе сделки.

К концу III в. до н. э. относится надпись, содержащая информацию о споре, возникшем среди членов сообщества оргеонов (IG. II². 1289). Согласно тексту надписи, некоторые члены ассоциации оргеонов забирали собственность организации себе, продавали ее или сдавали в аренду. Возможно, это происходило по причине того, что у самой организации не оказывалось средств для содержания имеющегося в их распоряжении имущества, поэтому продажа или сдача в аренду были необходимы для того, чтобы поддерживать

статус оргеонов, проводить различные культовые мероприятия, которые являлись для них традиционными. Последняя имеющаяся в нашем распоряжении надпись о коммерческой деятельности оргеонов относится к римскому периоду – это фрагмент декрета оргеонов Бендиды, датированный началом I в. до н. э. (IG. II². 1035). Надпись представляет собой соглашение оргеонов на сдачу в аренду части собственности. Таким образом, можно сделать вывод о том, что участие оргеонов в экономической жизни полиса продолжалось на протяжении всего периода их существования.

Примечания

¹ Андреев В.Н. Аттическое общественное землевладение II // Вестник древней истории. 1972. № 4. С. 12.

² В историографии есть немало работ, посвященных оргеонам. Как правило, исследователи рассматривают вопросы, связанные с историей появления этого сообщества, их участия в духовной жизни Атики. У Фергюсон отмечает, что для Атики классической эпохи следует выделять две категории таких ассоциаций. Одни из них объединяли в своих рядах граждан, другие включали в себя иностранцев, проживающих на территории Атики. См.: *Ferguson W.S. The Attic Orgeones* // Harvard Theological Review. 1944. Vol. 37. P. 73. Н. Джоунс занимается рассмотрением оргеонов прежде всего как участников культового сообщества: *Jones N.F. The Associations of Classical Athens*. Oxford, 1999. Вопросы, связанные с организацией культовых мероприятий оргеонов, подробно рассматривает отечественная исследовательница Ю.Б. Устинова: *Устинова Ю.Б. Частные культовые сообщества у греков (Атика VI–IV вв. до н. э.)* // Быт и история в античности. М., 1988. Э.Д. Фролов уделяет внимание многим вопросам, связанным с деятельностью оргеонов: *Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса*. Л., 1988. Менее всего исследователи уделяют внимание проблемам участия оргеонов в экономической жизни полиса.

³ Что собой первоначально представляли оргеоны, трудно сказать. Несомненно, что они имели прямую связь с культом. На это указывает сама этимология слова «оргеоны» – собрания в честь тайных священнодействий. Древние авторы отмечали, что оргеоны – это те, кто по демам в установленные дни совершают некие жертвоприношения (Pollux. VIII. 107). Иногда этим же словом могли обозначаться и те, кто руководил рядом священнодействия, т. е. жрецы (Hesych., Suid). По подсчетам исследователей, численность оргеонов одного объединения колебалась от 12 до 30 человек. См.: *Ferguson W.S. Op. cit.* P. 73. Ю.Б. Устинова отмечает, что их количество могло составлять и 100 человек. См.: *Устинова Ю.Б. Указ. соч.* С. 198.

⁴ *Меланченко И.В. Афинская демократия*. М., 2007. С. 133.

⁵ *Устинова Ю.Б. Указ. соч.* С. 198.

⁶ Фролов Э.Д., Никитюк Е.В., Петров А.В., Шарнина А.Б. Альтернативные социальные сообщества в античном мире. СПб., 2002. С. 212.

⁷ Jones N.F. Op. cit. P. 260–261.

⁸ Надпись содержится в сборнике М. Плекета: *Pleket M. Epigraphica. Leiden, 1964. № 43.* Перевод: «На следующих условиях сдал в аренду Харопс фалереец и оргеоны Героя этот сад Фрасибулу из дема Алопеки за 20 драхм арендной платы ежегодно на 30 лет. Выплачивать арендную плату в месяце таргелионе. Дозволяется Фрасибулу, ежели пожелает, возвести постройку за собственный счет на участке за каналом. По истечении срока аренды Фрасибулу покинуть участок, забрав сосуды, деревянные части и двери, если к чему-либо не склоняет Харопс и оргеоны. Пусть Фрасибул поставит на святилище списки с этих соглашений. Время составления документа (начальствует архонт) Никократ».

⁹ Перевод текста о сдаче в аренду святилища оргеонами Эгрета: «Боги! Оргеоны сдали в аренду святилище Эгрета Диогнету, сыну Аркесила, из дема Мелиты на десять лет за плату 200 драхм ежегодно. Ему следует использовать храмовые земли и построенные здесь здания в соответствии с их священным статусом. Диогнет будет осуществлять побелку тех из стен, которые в этом нуждаются, и все прочее будет пристраивать и оборудовать Диогнет, когда ему заблагорассудится. Когда пройдет время, в конце десятого года ему следует уйти, забрав с собой древесину, черепицу и дверные створки, но он не должен ничего трогать, кроме этого. Он должен заботиться о деревьях, растущих в святилище, и, если какое-нибудь из деревьев погибнет, пусть он заменит это и передаст то же самое количество. Диогнет должен платить арендную плату ежегодно кому-либо из управляющих оргеонов, ежегодно: половину – 100 драхм первого числа месяца боэдромеон, остальные – 100 драхм первого числа месяца элафеболиона. Когда же оргеоны в месяце боэдромеоне будут совершать жертвоприношения своему герою, пусть Диогнет предоставляет в их распоряжение открытым дом, где находится храм, и навес, и кухню, и ложа, и столы для двух триклинеев. Если Диогнет не уплатит арендную плату в установленное время или не сделает другие дела, предписанные в арендном соглашении, аренда будет считаться недействительной, и он будет лишен древесины, черепицы и дверей, а оргеонам будет позволено сдать (святилище) в аренду кому пожелают. Если будет установлен какой-либо чрезвычайный налог (эйсфора), платить его оргеонам в соответствии с оценкой стоимости имущества. Диогнет пусть запишет условия соглашения на каменную стелу, которая установлена в храме. Срок аренды начинается с архонта, который будет после архонта Корэба».

¹⁰ Например, в надписи – постановлении союза оргеонов-почитателей сказано: «Клеэнет, сын Клеомена, из дема Мелиты внес предложение: постановить оргеонам: поскольку Каллиад, сын Филина, из дема Пирея и Лисимахид, сын Филина из дема Пирея являются мужами добрыми в от-

ношении союза оргеонов Амина, Асклепия и Дексиона, похвалить их за добродетель и честность по отношению к богам и в отношении союза оргеонов и увенчать каждого из них золотым венком» (Syll³. III. № 1096).

¹¹ Фролов Э.Д., Никитюк Е.В., Петров А.В., Шарнина А.Б. Указ. соч. С. 211.

¹² Устинова Ю.Б. Указ. соч. С. 198.

¹³ Фролов Э.Д., Никитюк Е.В., Петров А.В., Шарнина А.Б. Указ. соч. С. 212.

¹⁴ В договоре об аренде земельного участка святилища бога Гермеса демоны предъявляют к арендатору следующие требования: «Пусть арендатор возделывает земельный участок попеременно. Половину он должен засеять пшеницей и ячменем, половину бобовыми» (IG. II². 2493, lin. 7–8). В том же договоре говорится: «Дважды ежегодно пусть окапывает смоковницы и все остальные плодовые деревья» (IG. II². 2493, lin. 10–11). В другой надписи, повествующей о сдаче в аренду сада Аполлона Ликия, сказано: «Арендатор должен посадить новые (деревья), используя отростки от старых... На теменосе же нельзя рубить ни культурных, ни иных деревьев» (IG. II². 2501, lin. 11–14).

¹⁵ Так, в надписи о сдаче в аренду земельного участка демонов эксонейцев арендная плата составляет 152 драхмы ежегодно (IG. II². 2492, lin. 1–3); в постановлении о сдаче в аренду священного участка она варьируется от 88 до 152 драхм (Hesperia. 1983. 52. P. 106).

¹⁶ Андреев В.Н. Аттическое общественное землевладение V–III вв. до н. э. // Вестник древней истории. 1967. № 2. С. 58.

¹⁷ Глускина Л.М. Проблемы социально-экономической истории Афин IV в. до н. э. Л., 1975. С. 119–139.

¹⁸ При аренде земельного участка пирейцев предписывается уплата эйсфоры пирейцами в соответствии с оценкой стоимости имущества (Agora. XV, lin. 6–9). В надписи об аренде тейтрасийцев содержится подобное предписание, в котором говорится, что уплата эйсфоры возлагается на дем (Pleket. № 41, lin. 36–37).

¹⁹ Jones A. Athenian Democracy. Oxford, 1964. P. 57.

²⁰ В арендном договоре дема тейтрасийцев сообщается, что арендная плата должна быть передана прежде всего демарху (Pleket. № 41, lin. 39–40). Таким образом, можно предположить, что за сбором эйсфоры следила местная администрация полиса. Единого государственного бюджета в Афинах не существовало. В классическую эпоху в полисе было несколько денежных касс, каждая из которых имела свои источники пополнения и свою структуру расходов. См.: Мелаченко И.В. Указ. соч. С. 58–59. В некоторых документах говорится о порядке выплаты эйсфоры. Так, в декрете из Милета о выплате эйсфоры жителями греческой колонии сказано, что милетяне сами должны произвести оценку стоимости имущества, а сведения обязаны представить вышестоящей инстанции (lin. 55–61).

²¹ Бульчева Е.В. Финансирование празднеств в Древней Греции (на примере Аттики) // Олимпийские игры: История и современность.: Сб. науч. ст. М., 2012. С. 110.

- ²² Демы, фратрии, родовые организации участвовали в сделках по продаже земли и другого вида имущества начиная с IV в. до н. э. (IG. II². 1593–1601).
- ²³ *Guiraud P.* La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine. P., 1893. P. 416.
- ²⁴ *Фролов Э.Д., Никитюк Е.В., Петров А.В., Шарнина А.Б.* Указ. соч. С. 213.
- ²⁵ *Меланченко И.В.* Указ. соч. С. 76.

ГОРОДА КАК МЕСТО МАНИФЕСТАЦИИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ ВЛАСТИ
(в сочинениях римских историков
III–IV вв. н. э.)

В статье на материале ряда исторических сочинений III–IV вв. рассматриваются формы манифестации императорской власти в городах Римской империи. Активная деятельность императоров по благоустройству и поддержанию городской жизни была необходимым основанием для признания городским населением власти римского принцепса. Посредством выраженного в различных формах почитания императора городскими общинами конструировалась общеимперская идентичность. Ряд сюжетов в рассматриваемых источниках позволяет говорить о «путешествии» символического центра империи вслед за императором. Посещаемые последним города приобретали на время его визита особое положение и некоторыми чертами уподоблялись Риму.

Ключевые слова: Римская империя, римские императоры, города, манифестация власти, римские историки, III–IV вв.

Существование политической власти в обществе необходимо предполагает согласие группы «подвластных» подчиняться решениям «властвующих», которое преимущественно достигается без принуждения. Красивой иллюстрацией важности данного аспекта власти можно считать историю о походе императора Максимиана Фракийца на Италию в 238 г. н. э.¹ Совершив во главе своей армии переход через Альпы, император оказался перед брошенным жителями городом Гемоной, в котором было уничтожено все, что могло служить для пропитания. Нехватка провизии стала вызывать у солдат недовольный ропот. Затем перед высшим носителем власти в империи закрыла свои ворота Аквилея, крупнейший город в Северной Италии. В процессе затянувшейся осады голодные солдаты убили Максимиана, поддержав тем самым боровшийся с последним Сенат.

Несогласие горожан подчиняться власти императора сыграло в данном случае ключевую роль в политической жизни римского государства. Фатальной ошибкой Максимиана стало решение уделить основное внимание военным действиям против германцев на Рейне (совершенно разумное с точки зрения тактики). В итоге сражающийся с варварами на периферии император, не прибывший в Рим после заочно утвержденной Сенатом аккламации в войсках, оказался чужд городскому населению Италии. Для признания своей власти правителю империи следовало особым образом организовать свои взаимоотношения с подданными.

Проблема взаимоотношений центральной власти и городов в государственном устройстве Римской империи III–IV вв. н. э. давно вызывает дискуссии в отечественной и зарубежной историографии. Ряд авторов считают возможным говорить о кризисе и упадке полиса в данный период, другие акцентируют внимание на жизнеспособности муниципальных институтов и континуитете в образе жизни горожан²; одни пишут о «поглощении» полиса империей, другие же обнаруживают сохраняющиеся элементы полисного устройства и опору имперской власти на городские элиты³. Целью настоящей работы является не подтверждение или опровержение какого-либо из вышеперечисленных тезисов, а характеристика представлений авторов исторических нарративов III–IV вв. н. э. (Кассия Диона, Геродиана, *Scriptores Historiae Augustae* (далее SHA) и Секста Аврелия Виктора) о взаимодействии императорской власти и городских общин. В частности, рассматривается описание античными историками мероприятий императоров в городах и форм репрезентации верховной имперской власти в городской жизни, что в целом объединяется в данной работе понятием «манифестация власти».

Таким образом, предмет исследования составляют те аспекты реальной деятельности императоров и репрезентации власти в городах, которые были восприняты вышеуказанными римскими авторами. Сведения источников по интересующему нас вопросу не должны были противоречить представлениям авторов (и их предполагаемой аудитории) о должном и возможном образе взаимодействия верховной власти и городов. Следовательно, изучение описания манифестации власти в городах на материале исторических сочинений III–IV вв. позволит глубже представить проблему отношений «империя–полис» посредством анализа представлений современников.

Значение городской формы для античных авторов трудно переоценить. Для Древней Греции и Рима в полной мере справедливым

представляется тезис «город как парадигма культуры»⁴. Показательно, что знаменитый оратор II в. н. э. Элий Аристид в своей речи «Похвала Риму» неоднократно уподобляет подвластную римлянам ойкумену одному большому городу⁵. Соответственно, римские императоры старались способствовать развитию многочисленных городов империи, представлявших собой высшую и единственно достойную форму существования ее населения. Начиная с Адриана принцепсы становятся все более частыми гостями в различных городах римского государства. Путешествующего по Средиземноморью императора Ф. Миллар сравнивал со своего рода перемещающейся столицей, отмечая «странствующий характер императорского двора» после I в. н. э.⁶ Достаточно широкий спектр указаний на эту активность римских правителей в рассматриваемых исторических сочинениях подтверждает важность данного соображения и для периода III–IV вв. н. э.

Во всех рассматриваемых сочинениях те или иные императоры регулярно совершают различные благодеяния по отношению к городам. Представляется возможным выделить следующие основные группы подобных мероприятий:

1) оказание финансовой помощи (*Dio* LIV.23.7, LVII.17.7–8, LXVIII.5.4, LXIX.5.3, LXXII.32.3; *Herod.* III.6.9; *SHA* Hadr. IX.6, XXI.5, 7, Pius VIII.4, IX.1, M. Aur. XI.3, XXIII.3, Clod. Alb. XI.1, Alex. Sev. XXI.1, XLIV.8; *Aur. Vict.* De Caes. IX.8, XVI.10, XXXVII.4, XL.28);

2) проведение и устройство игр, фестивалей, праздников (*Dio* LVIII.25.2, LIX.22.1, LXIX.10, LXXVIII.19.3, LXXIX.8.4; *Herod.* II.7.10, IV.9.4; *SHA* Hadr. XIII.1, XIX.2–3, Gord. IV.6);

3) постройка за свой счет зданий (*SHA* Hadr. XIX.2, Pius VIII.3, Sev. XXIII.1, Prob. IX.3, XXI.1–2, Tac. X.5; *Aur. Vict.* De Caes. XXXIX.45);

4) повышение статуса и установление привилегий (*Dio* LIV.23.7, LXXV (LXXV).3.2; *SHA* Hadr. XXI.7, Sev. XVII., Quad. Tyr. VIII.1);

5) отмена репрессивных мер предыдущих императоров (*Dio* LX.6.8, *SHA* Avid. Cass. IX.1, Ant. Carac. I.7, *Aur. Vict.* De Caes. XLI.19);

6) иные формы заботы о городах и выражения внимания к их нуждам (например, Адриан учредил должности учителей всех видов знаний в Афинах и установил им зарплату (*Dio* LXXII.31.3), Аврелиан щадит сопротивлявшийся город Тиану, отказываясь от своего обещания произвести там истребление, и даже казнит предателя городских интересов (*SHA* Aur. XXII.4–5, XXIII.2–3)⁷).

Регулярность описания в источниках мероприятий первого пункта вышеприведенного перечня (о поддержке городов цен-

тральной властью) подтверждает существующий в историографии тезис, что государство по мере упадка античного полиса старается по мере оказания ему помощи брать на себя ряд его функций (с вытекающим из этого следствием: полис попадает под все больший контроль «ради сохранения его самого»)⁸. По приведенному выше материалу сочинений первой трети III в. н. э. (Диона Кассия и Геродиана) и относящихся к IV в. н. э. (SHA и Аврелия Виктора) можно судить о возрастании внимания к данному вопросу, так как количество ссылок на акты помощи городам в последней группе сочинений увеличивается.

Следует специально заметить, что отдельные констатации посещения римскими принцепсами тех или иных центров (без указания на особые церемонии приема и въезда) не относятся к предмету рассмотрения в настоящей статье, так как нас интересует именно *описание* манифестации императорской власти. Хотя можно предполагать, что в большинстве из упоминаемых римскими авторами императорских визитов в провинциальные города в реальности должен был иметь место особый церемониал приема (*adventus*)⁹.

Необходимо также учитывать, что многие известные реалии взаимодействия власти и общества в городах не находят отражения в используемых сочинениях. Например, существовавшие вплоть до второй половины III в. автономные городские выпуски медной и реже серебряной монеты дают примеры «проявленный *adventus* со стороны местной администрации: здесь и изображения *adventus* императора, и посещение им местных храмов, и игры в его честь, и головы местных героев и божеств с его портретными чертами»¹⁰. Но в рассматриваемых нами источниках встречается только одно упоминание о провинциальной чеканке монеты в честь императора: чеканка в Антиохии монеты с именем Антонина Диадумена¹¹.

Конечно, в рассматриваемых исторических сочинениях императоры время от времени исполняют и карательные функции по отношению к городским общинам¹². Однако описание мер властного принуждения обычно предстает в рассматриваемых источниках событием исключительным, объясняющимся либо крайней порочностью императора (как в случае с Каракаллой, Галлиеном или Максенцием), либо конкретными обстоятельствами борьбы за власть.

В большинстве же случаев города в различных формах выражают свою лояльность по отношению к римской власти в лице ее верховного представителя. Предлагается выделить три основных типа действий со стороны городов:

1) посылают различного рода подарки (например, Калигуле города «якобы по доброй воле» делают огромные подношения (*Dio* LIX.21.4); галльские города преподнесли Пробу золотые венки (*SHA* Prob. XV.4)¹³);

2) устраивают императору торжественный и пышный прием (*Dio* LXXVIII.22.2; *Herod.* I.7.2, II.11.6, IV.8.6,8–9);

3) оказывают иные почести императору (например, установка статуй – *Dio* LVI.31.1, *Herod.* VII.5.8, 9.11; *SHA* Max. XXIII.7, Tac. XV.1; *Aur. Vict.* De Caes. XL.28; участие в оказании последних почестей – *Dio* LVI.31.1, *Herod.* IV.2.9).

Рассматриваемые источники созданы или в период, предшествующий «кризису III века» («Римская история» Кассия Диона, «История императорской власти после Марка» Геродиана), или в непосредственно следующее за ним время (*Scriptores Historiae Augustae*, «История Цезарей» Секста Аврелия Виктора). Как показано выше, в данных исторических трудах наблюдается сходное в основных чертах описание достаточно частых посещений городов империи императорами, сопровождаемых различными формами выражения лояльности со стороны горожан и ответными благодеяниями со стороны правителей. Соответственно, такой образ действия правителей был естественным для времени, в котором жили авторы и адресаты подобных сочинений. Представляется возможным говорить в этом случае о наличии континуитета в сфере представлений о фактическом (и желаемом) взаимодействии императора и составлявших империю многочисленных полисов во II–IV вв. н. э.

Далее перейдем к рассуждению о формах осуществляемой в городах Римской империи репрезентации императорской власти. Хотя приведенные выше описания императорских благодеяний также определенным образом репрезентируют власть, в данном случае речь пойдет о действиях, не связанных с непосредственной материальной выгодой для городов либо имеющих преимущественно пропагандистское значение. Указанные формы подразделяются на две основные группы (учитывая неизбежную схематичность построений такого рода): мероприятия разового характера (связанные с отдельным конкретным актом императора) и формы «постоянного присутствия» (обеспечивающие долговременное «присутствие» конкретного императора в жизни того или иного города)¹⁴. К первым мы предлагаем отнести следующие сюжеты:

1) церемония торжественного въезда (*SHA* Max. XIV.4, *Gord.* X.6, *Aur.* V.3–4);

2) обращение с речью к народу и явление перед публикой (*Herod.* I.7.2, II.8.6, 11.6, 15.6);

3) участие в городских религиозных мероприятиях (*Dio* LXXII.31.3; *Herod.* II.11.6, IV.8.3, 6–7, VIII.7.3; *SHA* *Hadr.* XIII.1,6, *M. Aur.* XXVII.1, *Gall.* XI.3, *Tac.* XVII.2; *Aur. Vict. De Caes.* XXVI.3);

4) отдельные знаменательные деяния (например, Адриан в Александрии, в Музее поставил перед специалистами много вопросов, на которые затем предложил свои ответы (*SHA* *Hadr.* XX.2); Калигула выехал из Путеол на колеснице в расшитой золотом тунике (*Dio* LIX.17.1–5); Нерон участвовал в различных состязаниях по городам (*Dio* LXIII (LXII).14.3–4)).

Однако чаще в рассматриваемых сочинениях встречаются те формы репрезентации императорской власти в городах, которые были обозначены выше как формы «постоянного присутствия»:

1) учреждение элементов императорского культа, постройка связанных с этим зданий (*Dio* LIX.28; *SHA* *Hadr.* XII.3, XIII.6, XXVII.3, *Ael.* VII.1, *Sev.* III.4, *Alex. Sev.* XLIII.6; *Aur. Vict. De Caes.* I.5);

2) учреждение культов или постройка зданий в честь лиц, связанных с особой императора (*Dio* LIX.11.3, LXIX.11.3–4; *Herod.* IV.8.1, 4; *SHA* *Hadr.* XII.2, XIV.4, *M. Aur.* XXVI.9, *Aur.*, XXV.5–6, XXXI.7; *Aur. Vict. De Caes.* XIV.6, XL.28);

3) дарование императорского имени в название (*Dio* LIV.23.7, LXIX.11.2; *SHA* *Hadr.* XX.4, *Heliog.* VII.8; *Aur. Vict. De Caes.* XL.28, XLI.16);

4) исполнение императорами различных городских магистратур (*SHA* *Hadr.* XIX.1, *Gall.* XI.3).

Неоднократно встречаются в рассматриваемых сочинениях более или менее подробные упоминания об основании различными императорами городов, ряд которых в силу этого и называются в их честь (например, Адрианотеры, Траянополь, Филиппополь) или в честь их любимцев (Антинополь – в честь Антиноя, фаворита Адриана)¹⁵. Этот сюжет обнаруживает близкое сходство с третьим и отчасти вторым пунктами вышеприведенного перечня.

Обращает на себя внимание и тот факт, что среди данной группы форм репрезентации императорской власти наиболее существенную часть составляют мероприятия культового характера. Это еще раз подтверждает уже устоявшееся в историографии мнение о политическом смысле императорского культа, исполнение которого является формой демонстрации лояльности со стороны населения империи¹⁶. В силу того, что центрами такой деятельности могли выступать только города, их центральное значение в

системе взаимоотношений власти и общества в поздней античности подчеркивается и этим фактом. Также здесь важно учитывать, что за словосочетанием «императорский культ» в римских реалиях стоит отнюдь не унифицированная система почитания императора как бога, но множество различных стратегий включения императора в религиозную жизнь отдельных областей империи¹⁷.

Представляется возможной гипотеза, что городские общины империи могли осмысливать свое включение в Pax Romana через непосредственное (равно как и опосредованное вышеупомянутыми способами репрезентации) участие императора в городской жизни¹⁸.

Не случайными в общем контексте предстают и часто встречающиеся в SHA описания политических узурпаций, когда претенденты получают своего рода санкцию на власть именно в городах (хотя не реже это происходит и в военных лагерях). Септимия Севера провозглашают императором войска в Карнунте, он же в Виминации объявляет своего старшего сына Бассиана Цезарем, Гордиана «все жители Африки» объявляют императором в Тисдре, жители Александрии заставляют (!) принять императорское звание Эмилиана, лугдунцы призывают к власти Прокула и т. д.¹⁹ Вероятно, в данных примерах можно увидеть отражение классических полисных представлений об исхождении властных полномочий в гражданской общине от коллектива горожан. Однако речь здесь следует вести об эпизодических моментах такого отражения (тем более что сколько-нибудь отчетливую картину они формируют только в SHA), что может косвенно указывать на существенные изменения представлений о власти и властных полномочиях в позднеантичном обществе.

При рассмотрении вопроса о формах присутствия верховной имперской власти в городах крайне любопытными являются несколько примеров описания провинциальных центров, которые в связи с действиями различных императоров каким-либо образом преображаются или уподобляются Риму. К примерам такого рода представляется возможным отнести характеристику Антиохии во время пребывания там Траяна у Кассия Диона, описание действий Нигера в Антиохии и Гордиана в Карфагене у Геродиана и рассказ о заседании Валериана в термах Византия в SHA²⁰. Здесь еще раз отметим, что данное описание в источниках (как и все другие) предлагается рассматривать именно как проекцию представлений авторов III и IV вв.

В первом случае, согласно Диону, «в Антиохии была ниспровергнута вся подвластная римлянам ойкумена», так как в этом городе находились люди со всех краев света в связи с самыми различ-

ными делами (судебными, посольскими, торговыми, а также туристическими целями)²¹. Таким центром римского мира Антиохия оказывается вследствие присутствия там вместе с войском на зимних квартирах императора Траяна. Некоторую косвенную параллель этому примеру с Антиохией можно увидеть у Геродиана при описании действий антиохийцев после провозглашения ими императором Песценния Нигра: «антиохийцы ведут Нигера с преднесением факела в храмы Антиохии и доставляют в его жилище, считая последнее уже не частным домом, а императорским дворцом и украсив его извне всеми императорскими символами»²². Затем в Антиохию начинают прибывать различные посольства и дары со всего востока империи. Общим в данном случае является представление о своеобразном преображении города в связи с присутствием в нем императора у Кассия Диона и Геродиана.

Более явный пример представляет Геродиан при рассказе о действиях императора Гордиана I, отправившегося в Карфагене «чтобы там делать все, как в Риме (ὡσπερ ἐν Ῥώμῃ πάντα πράττει)». Как отмечает указанный историк, вследствие действий Гордиана «город карфагений на короткое время получил облик и положение (ὄψιν καὶ τύχην) Рима, словно являясь его отображением (ὡσπερ ἐν εἰκότι)»²³.

Следует отметить, что в сочинении Геродиана присутствует и прямо выраженный тезис о перемещении Рима вслед за императором: «Рим там, где находится император»²⁴. Так сенатор Клавдий Помпеян обращается к императору Коммоду, уговаривая последнего не уезжать во время незаконченной войны в Рим. Далее указанная идея развивается в следующих аспектах: императора сопровождают первые люди в государстве, при нем находятся казна и вооруженные силы²⁵. Очень интересна для нас имплицитно присутствующая здесь мысль, что государь (и Рим вместе с ним) должен находиться там, где его присутствия требуют государственные дела.

Завершает выделенную нами группу описаний рассказ о заседании императора Валериана в термах Византия, когда он выражает благодарность со стороны государства будущему императору Аврелиану²⁶. В провинциальном городе происходит собрание высших лиц государства в присутствии войска (санкция на власть со стороны которого в III в. имела ключевое значение), консула, префекта претория, ряда высших должностных лиц восточной части империи; с выражением благодарности от *res publica*, сопровождаемой вежливым жестом в республиканских традициях – обращением за знаками консульской власти к Сенату²⁷. Вполне возможно,

что интерпретация данного сюжета в общем с предыдущими примерами смысле не имеет под собой четких оснований, но некоторая общая тональность с ними просматривается. Например, в упомянутом выше отрывке из сочинения Геродиана среди аргументов, подтверждающих тезис «Рим там, где находится император», мы уже видели присутствие при особе императора высших должностных лиц и вооруженных сил.

Притом действие Валериана по отношению к Аврелиану определяется в SHA как «*consulem designare*». Как известно, *consul designatus* – это лицо, избранное консулом, но еще не вступившее в исполнение консульских обязанностей. Таким образом, император уже произвел Аврелиана в консулы, но последнее символическое легитимизирующее действие оставлено за Сенатом в Риме. Хотя император и делает подчеркнутый в данном просенатски настроенном источнике вежливый республиканский жест, решение уже принято (и притом не в Риме). Таким образом, наибольшее значение имеет даже не тот факт, что в рассматриваемых сочинениях столица может «путешествовать» вместе с императором, а то, что в Риме как строго локализованном географически центре государства больше нет явной необходимости. То есть он настолько интегрировался в символическое поле империи, что мог как своего рода архетипический образ найти выражение при соответствующих обстоятельствах в каждом городе, когда происходил конкретный акт реализации политической власти римским императором.

Вышеприведенные сюжеты являются частными примерами того соображения, что понятие центра империи у римских историков в III–IV вв. н. э. следует за императором, выходя за пределы Рима, и локализуется через акции, производимые им в крупных провинциальных городах. Последние в этих случаях могут обретать отдельные черты Вечного Города. Этот феномен представляется возможным рассматривать как отражение в представлениях античных авторов процесса трансформации политической власти в поздней Римской империи. Например, в рамках этого комплексного процесса происходили умножение локальных центров влияния и потеря административного значения реальным Римом (не символическим!), сопровождавшиеся ослаблением политического влияния столичных сил (римского плебса, преторианской гвардии и самого Сената)²⁸. Крупные центры римской администрации в провинциях (Антиохия, Трир, Медиолан, Сирмий и т. д.) являлись более надежной опорой власти правящего императора, чем древний оплот сенатского влияния Рим, который словно олицетворял не соответствовавшие имперской ситуации старинные принципы го-

сударственного управления²⁹. Вероятно, в этой же области следует искать причины легкости перемещения имперской столицы из Рима в Византий при императоре Константине.

Подводя итог, можно отметить, что в исторических сочинениях римских авторов III–IV вв. н. э. находит яркое отражение активная деятельность императоров по благоустройству городской жизни средиземноморского мира. Безусловно, парадигмальный характер представлений о городском образе жизни определяет существенное значение городов в системе управления империей, каким оно предстает перед нами в данной группе источников. На материале рассмотренных исторических описаний представляется возможной характеристика роли городов как места взаимодействия власти и общества в Римской империи. В частности, именно в городах происходила манифестация власти, что было необходимым основанием для признания власти городскими общинами империи.

Примечания

¹ *Herod.* VIII.1.4–5.9. Ср.: *SHA* Max. XXI.4–XXIII.7.

² О кризисе и деградации полисной жизни см., например: *Штаерман Е.М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957. С. 275–276, 487–489; *Она же.* Кризис III века в Римской империи // Вопросы истории. 1977. № 5. С. 144–145, 156; *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л., 1962. С. 280–283; *Свенцицкая И.С.* Полис и империя: эволюция императорского культа и роль «возрастных союзов» в городах малоазийских провинций I–II вв. // Вестник древней истории. 1981. № 4. С. 33–34; *Она же.* Отношение «гражданин–полис» в системе Римской империи: проблема отчуждения // Вестник древней истории. 1997. № 3. С. 79–83; *Hammond M.* The City in the Ancient World. Cambridge (Mass.), 1972. P. 310–315; *Garnsey P.* Cities, Peasants and Food in Classical Antiquity. Essays in Social and Economic History. Cambridge, 1998. P. 3–27. О существенном континуитете в муниципальной жизни и функционировании городских институтов, а также о значительных отличиях в эволюции позднеантичных городов различных регионов империи см.: *Fischer H.* Stadt und städtisches Leben im 3. Jh. // Krise-Krisenbewußtsein-Krisenbewältigung. Ideologie und geistige Kultur im Imperium Romanum während des 3. Jahrhunderts. Halle (Saale), 1988. S. 22; *Liebshuetz W.* The End of the Ancient City // The City in Late Antiquity / Ed. by J. Rich. L., 1992. P. 1–49; *Carrié J.-M.* Developments in Provincial and Local Administration // Cambridge Ancient History. Vol. XII: The Crisis of Empire (A.D. 193–337) / Ed. by A. Bowman, P. Garnsey, A. Cameron. Cambridge, 2005. P. 293–312.

³ О доминировании центральной власти и ликвидации элементов муниципального самоуправления см., например: *Ростовцев М.И.* Общество и хо-

- зайство в Римской империи: В 2 т. СПб., 2000. Т. 2. С. 172–173, 190–193, 204–208; *Куликова Ю.В.* Концепция власти в эпоху солдатских императоров // *Studia Historica*. Вып. 7. М., 2007. С. 142–143; *Stahl M.* Imperiale Herrschaft und provinziale Stadt. Göttingen, 1978. S. 73–131; *Dmitriev S.* City government in Hellenistic and Roman Asia Minor. Oxford; N. Y., 2005. P. 335–336. О более сложной системе взаимоотношений между городами и имперским центром, а также приоритете для описания этой системы понятия «диалог» над «диктатом» см.: *Ермолова И.Е.* Императорская власть и города в поздней античности // *Власть, человек, общество в античном мире*. М., 1997. С. 153–159; *Jones A.H.M.* Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1971. P. 334–335; *Millar F.* Empire and City, Augustus to Julian: Obligations, Excuses and Status // *The Journal of Roman Studies*. 1983. Vol. 73. P. 80; *Burton G.P.* The Roman Imperial State, Provincial Governors and the Public Finances of Provincial Cities, 27 B.C. – A.D. 235 // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 2004. Vol. 53. № 3. S. 340–342.
- ⁴ Данная формулировка была использована В.И. Уколовой для характеристики унаследованной от римской традиции базовой установки средневековой культуры. См.: *Уколова В.И.* Город как парадигма средневековой культуры // *Средние века*. 2000. Вып. 61. С. 155–156.
- ⁵ См.: *Элий Аристид*. Похвала Риму, 8, 65, 80–81.
- ⁶ *Millar F.* The Emperor in the Roman World (31 B.C. – A.D. 337). L., 1977. P. 39. Аналогичные наблюдения относительно III в. н. э. см.: *MacMullen R.* Roman Government's Response to Crisis (A.D. 235–337). L., 1976. P. 99.
- ⁷ См. также: *Dio* LVII.17.9, *SHA* Hadr. XVIII.2, XXII.6.
- ⁸ *Ермолова И.Е.* Указ. соч. С. 153. См. также: *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л., 1991. С. 41; *Болгов Н.Н.* Власть и общество в поздней античности (к постановке проблемы) // *Власть, человек и общество в античном мире*. М., 1997. С. 161; *Ростовцев М.И.* Указ. соч. Т. 1. С. 172–173, 219–220; *Stahl M.* Op. cit. S. 179–180.
- ⁹ Подробнее о церемонии adventus см.: *Смышляев А.Л.* Вступление наместника в провинциальный город: церемония adventus по Ульпиану // *Вестник древней истории*. 1991. № 4. С. 106–117.
- ¹⁰ *Абрамзон М.Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 83–84, 536, 589.
- ¹¹ *SHA* Diad. II.6.
- ¹² *Dio* LXXIV (LXXV).14.3–4, LXXVIII.22–23; *Herod.* III.6.9, IV.8.3; *SHA* Hadr., VII.2, XIV.1, M. Aur. XXV.9–10, Avid. Cass. IX.1, Sev. III.7, IX.4–5,7, Ant. Carac. VI.2–3, Max. XIX.3–4, Gall. VI.8; *Aur. Vict.* De Caes. XL.19.
- ¹³ См. также: *Dio* LXXVIII.9.1, *SHA* Aur. XXIV.3. Во многих случаях из первого пункта перечня императорских благодеяний оказание финансовой помощи городам происходит путем уменьшения налогов или передачи их сумм целиком или частично на внутригородские нужды. Так что

можно заключить, что их выплата подразумевается очевидной для римских авторов.

- ¹⁴ Здесь представляется уместной аналогия с одним соображением П. Рикёра: «Король является воистину королем, то есть монархом, лишь в образах, которые сообщают ему присутствие (presence), считающееся подлинным» (*Рикёр П.* Память, история, забвение. М., 2004. С. 372–373).
- ¹⁵ *Dio* LXVIII.14.3, LXIX.10.1, LXIX.11.2–4, 12.1, LXXVIII.13.4; *SHA* *Had.* XX.13; *Aur. Vict.* De Caes. XIII.4, XIV.6, XVI.10, XXVIII.1.
- ¹⁶ См.: *Штаерман Е.М.* Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 171; *Römischer Kaiserkult* / Hrsg. von D. Wlasok. Darmstadt, 1978. S. 116–118. Подробнее об эволюции императорского культа см.: *Свенцицкая И.С.* Культ императора в Римской державе: от персонального обожествления к формальному культу носителя власти [Электронный ресурс] // Экклесия: история античного христианства. URL: <http://ecclesia.relig-museum.ru/Researches/sept/svenz2006.htm>.
- ¹⁷ Подробнее см.: *Rives J.B.* Religion in the Roman Empire. Oxford, 2007. P. 49.
- ¹⁸ Здесь представляются возможными некоторые аналогии с исследованиями И.С. Свенцицкой и А.Л. Смышляева. Например, в трактовке последнего автора церемония *adventus* римского наместника в имперский город представляла собой способ символической инкорпорации представителя римской власти в гражданский коллектив города; «не только церемониал и не только метод восприятия и осмысления участником торжеств этого события, но также и способ своеобразного преобразования действительности» (*Смышляев А.Л.* Указ. соч. С. 116). В исследовании же И.С. Свенцицкой доказывается, что через почитание императоров как властителей ойкумены и спасителей человеческого рода полисы Малой Азии как бы «включались <...> в космос, “спасенный” новым божеством» (*Свенцицкая И.С.* Полис и империя... С. 38).
- ¹⁹ *SHA* *Sev.* V.1, X.3, *Max.* XIV.3, *Gord.* VIII.5, *Tyr.* *Trig.* XXII.3–4, *Quad.* *Tyr.* XIII.1.
- ²⁰ *Dio* LXVIII.24.1–2; *Herod.* II.8.6, VII.6.1–2; *SHA* *Aur.* XIII–XIV.
- ²¹ *Dio* LXVIII.24.1–2: ἐν τῇ Ἀντιοχείᾳ πᾶσα ἡ οἰκουμένη ἢ ὑπὸ τοῖς Ῥωμαίοις οὐσα ἐσφάλῃ.
- ²² *Herod.* II.8.6 (перевод А.И. Доватура).
- ²³ *Herod.* VII.6.1–2 (перевод А.И. Доватура).
- ²⁴ *Herod.* I.6.5: ἐκεῖ τε ἡ Ῥώμη ὅπου ποτ’ ἂν ὁ Βασιλεὺς ᾗ. Еще А. Альфельди обращал внимание на данное место у Геродиана, отмечая, что значение Рима как имперской столицы существенно уменьшалось в силу того, что он больше не являлся постоянной резиденцией императоров (*Alföldy A.* The Crisis of the Empire (A.D. 249–270) // The Cambridge Ancient History. Vol. XII: The Imperial Crisis and Recovery (A.D. 193–324) / Ed. by S.A. Cook a. oth. Cambridge, 1939. P. 375). См. также: *Сергеев И.П.* Римская империя в III веке н. э.: проблемы социально-политической истории. Харьков, 1999. С. 157–158; *Chastagnol A.* Le Sénat romain à

l'époque impériale. Recherches sur la composition de l'Assemblée et le statut de ses membres. P., 1992. P. 234.

²⁵ *Herod.* I.6.5–6.

²⁶ Один из многочисленных эпизодов, считающихся вымышленными в SHA.

²⁷ *SHA* Aug. XIII.1–4.

²⁸ *Johne K.-P.* Kaiser, Senat und Ritterstand // Gesellschaft und Wirtschaft des Römischen Reiches im 3. Jahrhundert / Hrsg. von K.-P. Johne. Berlin, 1993. S. 221; *Сергеев И.П.* Указ. соч. С. 77.

²⁹ См. подробнее: *Drinkwater J.* The Principate – Lifebelt, or Milestone around the Neck of the Empire // Crises and the Roman Empire: Proceedings of the Seventh Workshop of the International Network “Impact of Empire” / Ed. by O. Hekster, G. de Kleijn and D. Slootjes. Leiden; Boston, 2007. P. 67–74.

ВОЙНА ИМПЕРАТОРА ВАЛЕНТА С ТЕРВИНГАМИ

В статье анализируются связи Римской империи с готскими племенами тервингов в 70-х годах IV в. в контексте общих тенденций государственной политики по отношению к варварам.

Ключевые слова: Римская империя, варвары, готы, тервинги, война, торговля, ограничения.

Во второй половине IV в. Римская империя вынуждена была в основном обороняться, воюя на своей территории. Только изредка в этот период римляне совершали заграничные походы. Трехлетняя борьба императора Валента с тервингами является одним из таких интересных эпизодов истории Римской империи. Эти события также привлекают внимание исследователей достаточно редкой возможностью провести сравнительный анализ источников, а также заметной ролью готских племен в поздней античности.

Отношения римлян с готами, начавшиеся еще в III в., в IV в. складывались по-разному. Заметной датой в них был 332 г., когда император Константин, разгромив готские племена в нескольких сражениях¹, заключил с ними мирный договор, дискуссии о значении которого продолжаются до сих пор. Споры ведутся, во-первых, о том, насколько велики были успехи – покорил ли император Готию, и, во-вторых, можно ли считать договор 332 г. новшеством, зафиксировавшим особые отношения с данными варварскими племенами и положившим начало такому явлению, как использование федератов в римском войске. Категорично настроенные ученые полагают, что достижения Константина сильно преувеличены и не подтверждаются современными ему свидетельствами, а исследователи Нового и новейшего времени подпадают под влияние римской

имперской пропаганды². Другие предлагают учитывать представления римлян, которые считали любой народ, покоренный римской армией (неважно: нанесенным настоящим поражением или только страхом перед римским оружием), частью империи, даже если провинциальная организация не была устроена и оставался прежний социальный порядок³. Это положение хорошо подтверждает фрагмент сочинения Евнапия из Сард, в котором он пересказывает речь императора Юлиана, обращенную к воинам: «...он доказывал, что следует считать своею собственностью ту землю, которая занята без боя и труда. Неприятельской страной должно по необходимости считать страну, принадлежащую воюющим; своей собственной – ту, которая принадлежит уступившим»⁴. Римляне относились к таким народам как к зависимым. Аммиан Марцелин, повествуя об удачной деятельности цезаря Юлиана в Галлии, с большим удовлетворением пишет, что он обращался с германскими *regesque pro mancipiis*⁵.

Что касается проблемы федератов, то в последние десятилетия договор 332 г. не выделяют как инновацию, как считал Т. Моммзен⁶, и готов – среди других современных им варваров, так как какие-то специальные отношения посредством данного соглашения не были установлены⁷.

Конкретные условия договора 332 г. восстановить сложно. Аноним Вазезия сообщает, что Константин взял заложников (*Anon. Val. VI. 31*), Евсевий пишет, что он прекратил ежегодные выплаты готам и последние начали служить римлянам (*Eus. V. C. IV. 5*).

А *prigri* считается, что последующие 30 лет отношения римлян с готами зиждились на соглашении 332 г. Но император Юлиан, например, в одном из своих сочинений полемически замечает, что Константин платил варварам⁸. Неясно, входили ли готы в число названных варваров, а если входили, то получали ли они плату регулярно или в каких-то отдельных, особых случаях⁹. По свидетельству Аммиана Марцелина, такое, по-видимому, могло иметь место в зависимости от различных обстоятельств, а не по договору: в 360 г. Констанций «вызывал вспомогательные отряды скифов за деньги или просьбами (*mercede vel gratia*)» (*Amm. Marc. XX. 8. 1*). Впоследствии неудачный претендент на узурпацию власти Марцелл «предполагал, что ему удастся за небольшую плату привлечь на свою сторону три тысячи готов, посланных на помощь Прокопию» (*Idem. XXVI. 10. 3*). Вместе с тем, вероятно, в течение продолжительного времени накануне кампании Валента против тервингов выплаты готам были регулярными, поскольку Фемистий, философ, который в отличие от своих собратьев по профессии прини-

мал активнейшее участие в общественной и государственной жизни империи¹⁰, безмерно гордился тем, что в результате этого похода они были отменены. «Да, невероятное это было зрелище, давно уже не случавшееся: римляне давали мир, а не покупали его. Никто не увидел ни золота, отсчитанного варварам, ни стольких-то талантов серебра, ни кораблей, наполненных одеждами, ни того, что прежде мы делали непрестанно, пожиная нелегко дающееся спокойствие от набегов и платя ежегодную дань; не стыдясь делать это, мы отвергали само название “дани”»¹¹.

Сложен вопрос и о свободной торговле готов с римлянами накануне войны 367–369 гг., которая тоже была отменена. Хотя, если верить Фемистию, такая привилегия могла быть включена в соглашение 332 г. Последний сообщает, что Валент «отнял у них возможность совершать беспрепятственно торговые операции и иметь рынки – то, чем по предыдущему мирному договору они имели право заниматься безопасно и где им заблагорассудится»¹².

Так или иначе, поскольку условия соглашения 332 г. детально не известны, трудно понять: были ли какие-то пункты, не зафиксированные сохранившимися источниками; либо этот договор не соблюдался так уж строго и жизнь вносила свои коррективы; либо его условия официально менялись с течением времени.

Реальные взаимоотношения готов с Римской империей в течение этих 30 лет бывали различными, и современные ученые, задавшиеся вопросом о причинах конфликта Валента с тервингами, оценивают их по-разному. Давняя точка зрения состоит в том, что дунайские готы постепенно усиливались и с начала 60-х годов серьезно угрожали римским провинциям, прежде всего Фракии, вызывая ответную реакцию римлян¹³. Сейчас наиболее последовательно во всех своих работах этой линии придерживается П. Хизер, который особый акцент ставит на недовольстве готов условиями соглашения 332 г. и считает, что готская враждебность к этому договору стала реальной причиной войны Валента¹⁴. Этот новый нюанс представляется несколько сомнительным: неужели правовое оформление отношений с могущественным соседом было так важно для племен готов или каких-то других племен? Как правило, они просто использовали благоприятную для них ситуацию и совершали набеги на римскую территорию, когда могли.

Есть и другая, практически противоположная, интерпретация событий 50–60-х годов: отношения с готами не были столь уж напряженными – то воевали, то торговали. Набеги случались, но небольшие, незначительные, поэтому в войне 367–369 гг. готы не виноваты. Инициатором ее был Валент, прервавший положение

относительно мирного взаимодействия, чтобы усилить свои позиции как императора и удовлетворить политические притязания своего агрессивного брата¹⁵.

Юлиан во время своего недолгого правления «во всех городах Фракии и пограничных крепостях исправлял укрепления и заболтался всячески о том, чтобы расположенные по берегу Истра для отражения набегов варваров войска, которые, как он слышал, несли свою службу бдительно и храбро, не имели недостатка в оружии, одежде, провианте и не страдали от задержки уплаты им жалования... близкие к нему люди советовали напасть на соседних готов, часто проявлявших коварство и вероломство» (*Amm. Marc.* XXII. 7. 7–8). И хотя по версии Аммиана Марцелина император «отвечал, что ищет лучшего врага» (*Ibid.*), но в письме фракийцам, оправдывая поборы с них на содержание фракийской армии, он писал: «Вы сами, конечно, скоро почувствуете, что она охраняет для вас мир и безопасность»¹⁶. О дипломатических отношениях Юлиана с готами сообщает Либаний: «Не менее значителен его поступок с теми из скифов, которым, уличив их в мелочном препирательстве во время мирных переговоров, он приказал удалиться и позаботиться о войне, и спустя долгий промежуток времени римлянин пригрозил варвару»¹⁷. Евнапий утверждает, что император Юлиан во время персидского похода предвидел грядущие события «и потому писал он в одном письме: “Скифы теперь спокойны, но, может быть, не всегда будут спокойны”» (*Eun.* Fr. 27. 1), что Х. Вольфрам рассматривает как предсказание, данное задним числом¹⁸.

Аммиан Марцелин свидетельствует, что и после прихода к власти Валентиниана и Валента готы не были так уж миролюбивы и набеги их были не так уж безопасны, как считает Н. Ленски. «В это время по всему римскому миру, словно по боевому сигналу труб, поднялись самые свирепые народы и стали переходить ближайшие к ним границы... Фракию грабили разбойнические шайки готов» (*Amm. Marc.* XXVI. 4. 5). «По окончании зимы Валент спешил в Сирию и уже вступил в пределы Вифинии, как вдруг он получил донесение пограничных начальников о том, что племя готов, которых в ту пору оставили в покое, что и усилило их буйный дух, объединилось и собирается проникнуть в соседние местности Фракии. Получив это известие, император, желая беспрепятственно продолжать намеченный путь, приказал двинуть в достаточном количестве конницу и пехоту в места, подвергшиеся опасности вторжений варваров» (*Idem.* XXVI. 6. 11).

Но это не значит, что у Валента не было заинтересованности в небольшой победной (как он, вероятно, надеялся) войне. Воен-

ные успехи чрезвычайно укрепляли императорскую власть, а в IV в. особенно ценились победы над варварами¹⁹, да и Валентиниан, активно действовавший против германцев на западе, возможно, действительно оказывал давление на брата.

Таким образом, истина, как обычно, вероятно, лежит посередине: вряд ли можно возложить вину за развязывание войны 367–369 гг. на одну из сторон.

Поводом к началу военных действий послужила посылка тервингами вспомогательных войск восставшему против Валента Прокопию²⁰. Количество воинов, отправленных Прокопию по его просьбе, разнится в источниках: Аммиан Марцеллин говорит о 3 тысячах (*Amm. Marc.* XXVI. 10. 3), Зосим – о 10 (*Zos.* IV. 7. 2). Все исследователи склоняются к меньшей цифре, считая сведения Зосима преувеличенными. Успели ли тервинги принять участие в восстании? Скорее нет, чем да: ни один из авторов ничего не сообщает об их деятельности под руководством Прокопия. Когда он был побежден (*Amm. Marc.* XXVII. 5. 1), готы находились довольно далеко от него (*Idem.* XXVI. 10. 3). После гибели Прокопия все тервинги из этого отряда, или какая-то их часть, были захвачены войсками императора Валента и распределены по городам вдоль Дуная (*Eun.* Fr. 37; *Zos.* IV. 10. 1).

Ход военных действий последовательно описывает Аммиан Марцеллин. Интересно, что тервинги получили предупреждение о начале карательной экспедиции. Неясно, было ли это официальное объявление войны или следствие их разведывательной деятельности, так как Аммиан сообщает, что Валент «...in eos signa commovit motus adventantis iam praescios»²¹. Вероятно, зная заранее о приближении врагов, тервинги успели уйти в горы, а все усилия римлян, затраченные на переправу через Дунай и их поиски, не дали результатов (*Amm. Marc.* XXVII. 5. 3).

В период кампании 367 г. была проведена локальная операция, чтобы достичь хотя бы какого-то военного успеха. По сведениям Аммиана Марцеллина, Валент отправил в рейд магистра пехоты Аринфея *cum praedatoriis globis*²², и они захватили несколько семей тервингов, не успевших укрыться. У Зосима сохранился гораздо более красочный рассказ, видимо, о том же событии, но концовка его явно поспешна, так как впереди были еще два военных сезона. «Поскольку они не осмеливались сойтись [с римлянами] в рукопашной, но укрылись в болотах и совершали оттуда скрытные нападения, [Валент] приказал солдатам оставаться в стране и, собрав сколько было можно челяди (οἰκετικὸν) и стражей (φυλακῆν), которым он [раньше] поручил охрану пожитков, пообещал неко-

тору [сумму] золотом тому, кто принесет голову врага. Охваченные жаждой наживы, проникнув в леса и болота, все сразу же стали убивать тех, кто им встречался; и, показывая головы зарезанных, получали положенное [вознаграждение]; когда таким образом было убито большое число [врагов], оставшиеся стали просить императора о мире» (*Zos. IV. 11. 2–3*). Названные Зосимом исполнители данной акции (челядь и обозная стража) удивляют, но и Аммиан Марцеллин тоже употребил довольно странный для военного отряда термин (грабительские шайки). Может быть, император Валент послал с Аринфеем добровольцев-головорезов, которым действительно было обещано вознаграждение.

В следующем 368 г. подготовка к очередному походу на земли тервингов оказалась напрасной вследствие слишком большого разлива Дуная, сделавшего переправу через него невозможной. Аммиан Марцеллин пишет, что Валент «оставался на одном месте до глубокой осени в постоянном лагере, который разбил близ одного селения карпов» (*Amm. Marc. XXVII. 5. 5*). Но Фемистий свидетельствует, что император гораздо более деятельно провел лето, занимаясь укреплением оборонительных сооружений вдоль реки: «из сторожевых пунктов (τῶν φρουρίων) одни он учредил впервые, другие, разрушенные, восстановил, а некоторым добавил недостающее: где были поприземистей – высоты, толщины [стен], где этого не доставало; воды в изобилии, где прежде были в ней стеснены; [создавал] повсюду запасы продовольствия и пристани на близлежащем море; [обеспечил наличие] воинов по списку и гарнизонных солдат, соответствующих [комплектному] числу; оружие наступательное и оборонительное и военные машины – все было выяснено с предельной тщательностью» (*Them. Or. X. 136a-b*). На это же время приходится активное фортификационное строительство на западе: «Валентиниан... надстраивал стены крепостей и укреплений, ставил на подходящих и удобных местах сторожевые башни (*turgesque assiduas*) по всему пространству Галлии, а кое-где и за рекой воздвигал сооружения на самых границах с варварами» (*Amm. Marc. XXVIII. 2. 1*). Видимо, императоры согласовывали свои действия, а может быть, Валент проводил работы по настоянию брата, так как полагают, что он занимал подчиненное по отношению к Валентиниану положение²³. Исследователи считают, что Валент в основном укреплял существующие сооружения, новых построил немного²⁴, хотя Фемистий с воодушевлением рассказывает о стараниях императора по возведению башни в очень труднодоступном месте (*Them. Or. X. 137–138a-b*).

На третий год войскам Валента удалось переправиться на левый берег Дуная у Новиодуна²⁵ и сразиться с готами. В кампании 369 г. тоже есть неясные моменты. Аммиан Марцеллин пишет, что римляне сначала напали на гревтунгов (*Amm. Marc. XXVII. 5. 7*), живших восточнее тервингов, а потом уже воевали с Атанарихом, вождем последних. Ю.А. Кулаковский видит в данном сообщении ошибку античного автора²⁶. Часть ученых истолковывают данное известие следующим образом: гревтунги обитали на восточном берегу Днестра и иногда (в частности, когда они столкнулись с Валентом) совершали походы на территорию, ограниченную низовьями этой реки, Дуная и Прута²⁷. Х. Вольфрам полагает, что Валент наткнулся на гревтунгов, так как они пришли на помощь тервингам, как последние пытались помочь первым в 376 г. против гуннов²⁸. П. Хизер с большой долей сомнения считает, что речь идет об одних и тех же событиях²⁹, т. е. косвенно допускает подчиненность гревтунгов Атанариху, что никакими источниками подкрепить нельзя.

Решительной победы Валенту добиться не удалось, но обстоятельства требовали от обеих сторон прекратить конфликт. Тервинги были истощены. Римский поход 367 г. нанес им большой урон, половодье 368 г. не позволило восполнить потери урожая предыдущего года³⁰, а «запрет всяких торговых отношений ввергал варваров в крайний недостаток в самом необходимом» (*Amm. Marc. XXVII. 5. 7*). Римляне также уже потратили немало средств на эту войну, и внимания Валента настоятельно требовала персидская угроза (*Idem. XXVII. 12; Zos. IV. 11. 4*). Поэтому император положительно ответил на просьбы тервингов о мире, отправив к Атанариху для согласования условий договора посольство в составе магистров конницы и пехоты Виктора и Аринфея (*Amm. Marc. XXVII. 5. 9*) и Фемистия (*Them. Or. X. 133a*), по совету которого были закончены военные действия (*Idem. Or. X. 133b*).

Внешнее оформление встречи Валента и Атанариха свидетельствует о компромиссе, на который была вынуждена пойти римская сторона, хотя Фемистий старательно рисует картину якобы несомненного превосходства императора над своим оппонентом (*Them. Or. X. 134d*). Обычно варвары, которых в результате военных действий вынуждали подчиниться, должны были явиться на римскую территорию для утверждения мира (*Amm. Marc. XXVII. 13. 5; XIX. 11. 7*). Только в сложных и опасных ситуациях римские императоры сами переправлялись на противоположный берег, как сделал это Юлиан в 357 г. во время борьбы с хамавами³¹, а Валентиниан в 374 г. – с аламаннами (*Idem. XXX. 3. 5*). Заключение мирного договора 369 г. проходило на середине Дуная, и красноречие Фемистия

не в силах затушевать данное обстоятельство. Такой вариант переговоров был избран Валентом, поскольку Атанарих, *iudex* тервингов (*Idem.* XXVII. 5. 6; *Them. Or.* X. 134d), «заверял, что он связан страшной клятвой и заветом отца своего никогда не ступить на римскую землю» (*Amm. Marc.* XXVII. 5. 9). П. Хизер осторожно предполагает, что легенда о клятве вождя тервингов появилась, чтобы помочь императору Валенту «сохранить лицо»³², хотя остальные исследователи не сомневаются в достоверности этого сообщения и пытаются объяснить происхождение клятвы. Одна из возможных интерпретаций заключается в том, что верховному вождю тервингов было запрещено покидать территорию племени³³. Согласно другому истолкованию, отец Атанариха, который был взят заложником (*Anon. Val.* VI. 31) и затем почтен статуей в Константинополе (*Them. Or.* XV. 191a), такой клятвой стремился сохранить лояльность сына к римлянам, но когда Валент нарушил равновесие в отношениях с готами, Атанарих издевательски воспользовался этим заветом³⁴.

По соглашению 369 г. римляне, как обычно, получали заложников (*Amm. Marc.* XXVII. 5. 10), переставали выплачивать тервингам φόρον ἐτήσιον³⁵, приграничная торговля с ними была ограничена двумя специально выделенными поселениями, вместе с тем им было позволено «пользоваться тем, что им принадлежит (τὰ σφέτερα αὐτοῖς καρποῦσθαι)» (*Them. Or.* X. 133c). Последнее положение довольно расплывчато, непонятно, что имел в виду Фемистий.

Прекращение ежегодных выплат Фемистий преподносит в своей речи в качестве свидетельства очевидного преобладания Валента над своими врагами, но у данного пункта договора была и другая сторона: тервинги, очевидно, освобождались от поставок вспомогательных войск, что современные исследователи рассматривают как уступку готам и их достижение³⁶.

По поводу ограничения торговли с тервингами Фемистий пишет следующее: «...хотя оба народа получали выгоду от торгового оборота, он устроил эмпории только в двух построенных подле реки городах. То был знак того, что, заключая договор с варварами, он диктует им все условия, – и вместе с тем мера предосторожности, чтобы преступникам было труднее скрываться, коль скоро [пространство], отведенное для сношений с [варварами], будет замкнуто в определенных местах» (*Idem.* Or. X. 135c-d). Еще раз подчеркнув преобладание римлян, оратор отмечает, что урон, по видимому, понесут обе стороны, но мера эта необходима. Н. Ленски, со ссылкой на более ранних исследователей данного вопроса,

предполагает, что Валент разрешил торговать в городах Дафна и Новиодун³⁷, там, где он переправлялся через Дунай в 367 и 369 гг. Возможно, выше по течению реки примерно в это же время были введены такие же правила торговли. Во всяком случае, в Паннонии в 371 г. было построено новое укрепление под названием *Commercium* специально для торговли с окрестными племенами³⁸. Чтобы обезопасить римские границы, еще Марк Аврелий в договорах с различными варварскими народами устанавливал определенные места и дни для торговли либо запрещал им посещать рынки³⁹.

Общую благожелательную оценку результатов соглашения 369 г. современниками, в частности Аммианом Марцеллином, П. Хизер относит на счет пропагандистских речей Фемистия⁴⁰, но, во-первых, Аммиан, как представляется, перечисляет некоторые пункты договора, не выражая свое отношение к нему (*Amm. Marc. XXVII. 5. 9–10*), во-вторых, правомерен вопрос: слышал или читал историк придворного философа? В «Деяниях» Фемистий не упоминается ни разу, в том числе в составе посольства к Атанариху. Возможно, Аммиан Марцеллин не знал о сочинениях Фемистия, когда писал свое произведение.

Вероятно, следует согласиться с мнением Н. Ленски, что деятельность Валента в целом и результаты его войны с тервингами отвечали требованиям целенаправленной политики как можно большей закрытости Римской империи, проводившейся Валентином⁴¹. В нее входил строгий контроль за пересечением речной границы варварами с помощью патрульных судов (*Idem. XXXI. 5. 3*) и усиления оборонительных сооружений вдоль нее, хотя пограничной фортификации достаточное внимание уделяли и предшествующие императоры⁴², в частности Юлиан (*Idem. XXII. 7. 7*). Успешность политики уменьшения контактов с готами подтверждается археологическими данными. На годы правления Валента и Валентиана приходится примерно в пять раз меньше римских монет, найденных в областях расселения готов, чем на время императоров Констанция II и Юлиана⁴³. Ограничение торговли с тервингами, вероятно, сыграло в этом определенную роль в совокупности с категорическим распоряжением 374 г.⁴⁴ препятствовать передаче или продаже золота варварам⁴⁵. Видимо, в русле политики как можно более жесткого разграничения римлян и варваров в те же годы появилась конституция, под страхом смерти запрещавшая провинциалам любого пола и положения заключать браки с варварами⁴⁶.

Примечания

- ¹ *Eus.* V. C. I. 8. 2; IV. 5. 1 (*Eusebius. Vita Constantini* // *Eusebius. Werke* / Hrg. von F. Winkelmann. Bd. 1. B., 1991); *Aur. Vict. Caes.* XLI. 12 (*S. Aurelii Victoris. Liber de Caesaribus* / Coll. et adjec. R. Gruendel. Leipzig, 1970); *Eutr.* X. 7. 1 (*Eutropius. Breviarium ab urbe condita* / Rec. C. Santini. Leipzig, 1979); *Oros.* VII. 28. 29 (*Orosius Paulus. Historiarum adversum paganos libri VII* / Rec. C. Zangemeister. Lipsiae, 1889); *Anon. Val.* VI. 34 (Origo Constantini imperatoris sive *Anonymi Valesiani* pars prior / Ed. Th. Mommsen // *Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. T. 9. Chronica Minora saec. IV–VII. Vol. 1. Berolini, 1892. P. 1–11*).
- ² *Lenski N.* Failure of Empire. Valens and the Roman State in the Fourth Century A. D. Berkeley; Los Angeles, 2002. P. 122.
- ³ *Heather P.J.* Goths and Romans. 332–489. Oxford, 1991. P. 112–113.
- ⁴ *Eun.* Fr. 18. 1: ...χώραν...ὡς αναγκαῖον εἶναι πολεμίων τὴν τῶν πολεμοῦντων ἡγεῖσθαι καὶ νομίζειν, οἰκείαν δὲ τὴν τῶν παρακεχωρηκότων (*Eunapius. Text and Translation* // The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus / Ed. and transl. R.C. Blockley. Vol. II. Liverpool, 1983. Перевод С.Ю. Дестуниса здесь и далее по изд.: Византийские историки: Дексипп, Эвнаний, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. Рязань, 2003). См. также: *Eun.* Fr. 18. 6; Pan. Lat. III(XI). 5. 4; IV(VIII). 1. 4; 10. 4; IX(XII). 21. 5; 22. 6; 23. 2; 25. 2 (XII Panegyri Latini / Ed. W. Bährens. Lipsiae, 1911); *Lib. Or.* XVIII. 75 (*Libanii Opera* / Rec. R. Foerster. Bd. 1–4. Lipsiae, 1903–1908).
- ⁵ *Amm. Marc.* XXV. 4. 25: «с царями, как с рабами» (*Ammiani Marcellini. Rerum gestarum libri qui supersunt* / Ed. W. Seyfarth. Vol. 1–2. Leipzig, 1978. Перевод здесь и далее по изд.: *Аммиан Марцеллин.* Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб., 1996).
- ⁶ *Mommsen Th.* Das römische Militärwesen seit Diocletian // Mommsen Th. Gesammelte Schriften. Bd. VI. Berlin, 1910. S. 228–229.
- ⁷ *Heather P.J.* Op. cit. P. 110; *Lenski N.* Op. cit. P. 122; *Stallknecht B.* Untersuchungen zur römischen Aussenpolitik in der Spätantike (306–395 n. Chr.). Bonn, 1967. S. 16ff. Проблема федератов в Римской империи чрезвычайно сложна и заслуживает отдельного рассмотрения. См., напр.: *Ермолова И.Е.* Римская империя и федераты в IV в. // Новый исторический вестник. 2001. № 2(4). С. 33–44.
- ⁸ *Julian.* Caes. 329a: ..ἔς τοὺς βαρβάρους...φόρους γὰρ ὥσπερ ἔτετελέκει (*Julianus. The Works of the Emperor Julian: In 3 vol.* / With an Engl. transl. by W.C. Wright. Cambridge, 1969–1990).
- ⁹ *Lenski N.* Op. cit. P. 124.
- ¹⁰ *Daly L.J.* The Mandarin and the Barbarian: The Response of Themistius to the Gothic Challenge // *Historia.* 1972. Vol. 21. № 2. P. 352–353; *Hehegus T.* John Vanderspoel, Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty, and Paideia from Constantius to Theodosius. Ann Arbor: University of

- Michigan Press, 1995 // Bryn Mawr Classical Review. URL: <http://bmcbr.brynmawr.edu/1997/97.08.18.html>
- ¹¹ *Them. Or. X. 135a-b (Themistii Orationes quae supersunt / Rec. H. Schenkel, opus consumm. G. Downey et A.F. Norman. Vol. I–II. Leipzig, 1965–1971).* Выражаю глубокую благодарность А.С. Ванюкову за возможность использовать его неопубликованные переводы Фемистия и Зосима.
- ¹² *Them. Or. X. 135c: ὥστε οὐδ' ἐ τὰς ἐμπορίας αὐτοῖς οὐδ' ἐ τὰς ἀγοράς, ἃς ἐπὶ τῆς προτέρας ἐ ἱρήνης ἐπ' ἀδείας εἶχον ὅποι βούλουτο ποιεῖσθαι, νῦν ἐπ' ἐξουσίας ἔχεν ἀφῆκεν.*
- ¹³ *Курбатов Г.Л. Восстание Прокопия (365–366 гг.) // Византийский временник. 1958. Т. XIV. С. 8–9.*
- ¹⁴ *Heather P.J. Op. cit. P. 116–117; Idem. The Goths (The Peoples of Europe). Oxford, 1996. P. 61; Хизер П. Падение Римской империи / Пер. с англ. А.В. Короленкова, Е.А. Семеновй. М., 2011. С. 116.*
- ¹⁵ *Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / Пер. с нем. Б.П. Миловидова, М.Ю. Некрасова; Под ред. М.Б. Шукина, Н.А. Бондарко, П.В. Шувалова. СПб., 2003. С. 101–102; Lenski N. Op. cit. P. 117, 125, 127; Dam R. van. Noel Lenski, Failure of Empire. Valens and the Roman State in the Fourth Century A. D. Berkeley: University of California Press, 2002 // Bryn Mawr Classical Review. URL: <http://bmcbr.brynmawr.edu/2003/2003-07-44.html>.*
- ¹⁶ *Julian. Ep. 27. 428 d. (Пер. Г.Л. Курбатова).*
- ¹⁷ *Lib. Or. XII. 78. Пер. С. Шестакова по изд.: Лубаний. Речи / Пер. С. Шестакова. Т. 1–2. Казань, 1916.*
- ¹⁸ *Вольфрам Х. Указ. соч. С. 98: propheta ex eventu.*
- ¹⁹ *Lenski N. Op. cit. P. 138.*
- ²⁰ *Eun. Fr. 37; Zos. IV. 10. 2 (Zosimus. Opera / Ex rec. I. Bekkeri. Bonnæ, 1837).*
- ²¹ *Amm. Marc. XXVII. 5. 2: Валент «выступил в поход на них, уже знающих о движении приближающегося» (Ю.А. Кулаковский переводит: «Готы получили о том заблаговременно сообщение»).*
- ²² *Amm. Marc. XXVII. 5. 4: буквально «с грабительскими шайками» (Ю.А. Кулаковский переводит: «с летучими отрядами»).*
- ²³ *Dam R. van. Op. cit.*
- ²⁴ *Lenski N. Op. cit. P. 131.*
- ²⁵ *Noviodunum – близ совр. города Исакча на правом берегу нижнего Дуная (Вулте Р. Верхний вал Бесарабии и проблема грейтунов к западу от Днестра // Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев, 1960. С. 272).*
- ²⁶ *Аммиан Марцеллин. Указ. соч. С. 388, прим.*
- ²⁷ *Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975. С. 337; Altheim Fr. Greutungen // Beiträge zur Namenforschung. 1956. Bd. 7. S. 88.*
- ²⁸ *Вольфрам Х. Указ. соч. С. 103–104. Неясно, на чем основывается Х. Вольфрам, утверждая, что нашествие гуннов тервинги и гревтуни отражали совместными усилиями, в источниках таких сведений нет.*

- ²⁹ *Heather P.J.* Goths and Romans... P. 117, n. 108.
- ³⁰ *Вольфрам Х.* Указ. соч. С. 103–104; *Lenski N.* Op. cit. P. 132.
- ³¹ *Eun.* Fr. 18. 6. Аммиан Марцеллин в данном случае опускает подробности переговоров (*Ann. Marc.* XXVII. 8. 5), вероятно, не желая ронять достоинство своего любимого героя.
- ³² *Heather P.J.* Goths and Romans... P. 120.
- ³³ *Вольфрам Х.* Указ. соч. С. 99, 102; *Захаров Г.Е.* Переход через Дунай как пересечение границы готского мира: к проблеме обращения готов в арианство // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 год. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 2010. С. 374.
- ³⁴ *Lenski N.* Op. cit. P. 126.
- ³⁵ См.: сн. 11. В перевод монографии Х. Вольфрама закралась ошибка: «die Foederatenzahlungen eingestellt» переведено: «установлены выплаты для федератов» (*Вольфрам Х.* Указ. соч. С. 104), в то время как: «die Zahlung einstellen – приостановить платежи» (Немецко-русский словарь / Под ред. А.А. Лепинга, Н.П. Страховой. М., 1958. С. 324).
- ³⁶ *Вольфрам Х.* Указ. соч. С. 104–105; *Хизер П.* Указ. соч. С. 116; *Heather P.J.* Goths and Romans... P. 116; *Idem.* The Goths... P. 62; *Lenski N.* Op. cit. P. 137.
- ³⁷ *Lenski N.* Op. cit. P. 135.
- ³⁸ ILS. 775: Iudicio principali dominorum nostrorum Valentiniani Valentis et Gratiani principum maximorum, dispositione etiam illustris viri utriusque militiae magistri Equitii comitis, Foscanus praepositus legionis primae Martiorum una cum militibus sibi creditis hunc burgum, cui nomen Commercium, qua causa et factus est, a fundamentis et construxit et ad summam manum operis in diebus XXXXVIII consulatus d. n. Gratiani Augusti bis et Probi viri clarissimi fecit pervenire (Inscriptiones Latinae selectae / Ed. H. Dessau. Vol. I. Berolini, 1892). См.: *Brogan O.* Trade between the Roman Empire and the Free Germans // *Journal of Roman Studies.* 1936. Vol. XXVI. P. 202; *Колосовская Ю.К.* Правовые основы торговли римлян с варварами // Торговля и торговец в античном мире: Доклады «круглого стола» 29 января 1997 г. М., 1997. С. 100.
- ³⁹ *Dio LXXI.* 11. 3; 15. 1; 19. 2 (*Dio's Roman History / With an Engl. transl.* by E. Cary. In 9 vols. Vol. IX. Cambridge, 1982).
- ⁴⁰ *Heather P.J.* Goths and Romans... P. 119.
- ⁴¹ *Lenski N.* Op. cit. P. 136.
- ⁴² *Вольфрам Х.* Указ. соч. С. 100. Представляется, что П. Хизер (*Хизер П.* Указ. соч. С. 128) и Н. Ленски (*Lenski N.* Op. cit. P. 136) несколько преувеличивают заслуги Валента и Валентиниана в этой сфере.
- ⁴³ *Lenski N.* Op. cit. P. 136, n. 126. К интерпретации археологических данных всегда следует подходить с большой осторожностью, они довольно часто «сопротивляются ассимиляции с нарративом» (*O'Donnell J. P.J.* Heather, Goths and Romans. 332–489. Oxford, 1991 (= 1992); *Heather P., Matthews J.* The Goths in the Fourth Century. Liverpool, 1991 // *Bryn Mawr Classical Review.* URL: <http://bmcr.brynmawr.edu/1992/03.02.12.html>.

- ⁴⁴ *Thompson E.A.* Romans and Barbarians. The Decline of the Western Empire. L.; Madison, 1982. P. 309.
- ⁴⁵ CJ. IV. 63. 2: Non solum aurum barbaris minime praebetur, sed etiam si apud eos inventum fuerit, subtili auferatur ingenio. Si ulterius aurum pro mancipiis vel quibuscumque speciebus ad barbaricum fuerit translatum a mercatoribus, non iam damnis, sed suppliciis subiungentur, et si id iudex repertum non vindicat, tegere ut conscius criminosa festinat (Codex Justinianus // Corpus juris civilis / Rec. P. Krueger. Vol. 2. Berlin, 1906).
- ⁴⁶ CTh. III. 14. 1: Nulli provincialium, cuiuscumque ordinis aut loci fuerit, cum barbara sit uxore coniugium, nec ulli gentilium provincialis femina copuletur. Quod si quae inter provinciales atque gentiles affinitates ex huiusmodi nuptiis exstiterint, quod in iis suspectum vel noxium detegitur, capitaliter expiatur. Interpretatio. Nullus Romanorum barbaram cuiuslibet gentis uxorem habere praesumat, neque barbarorum coniugiis mulieres Romanae in matrimonio coniungantur. Quod si fecerint, noverint se capitali sententiae subiacere (Codex Theodosianus // Theodosiani libri XVI / Ed. Th. Mommsen et P. M. Meyer. Vol. 1–2. Berlin, 1905).

М.Ю. Биркин

ЕПИСКОП И СВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ
В ТОЛЕДСКОМ КОРОЛЕВСТВЕ В НАЧАЛЕ VII в.
(по данным сочинений
Исидора Севильского)

В статье рассматриваются взаимоотношения епископа и светской власти в Толедском королевстве вестготов начала VII в. на примере сочинений Исидора Севильского. Одним из первых на варварском Западе, развивая церковное вероучение, он сформулировал целостную доктрину епископства. Согласно его представлениям о священстве, епископ выступал не только пастырем, но и представителем публичной власти королевства, конкурируя в этом отношении с комитом города. Вместе с положениями христианского вероучения епископу надлежало укреплять в сознании паствы лояльность и новую идентичность, связанную с принадлежностью к *Regnum Gothorum*. Центральная роль епископа в этом процессе – одна из главных причин гармоничного взаимодействия церкви и королевской власти в вестготской Испании VII в.

Ключевые слова: Исидор Севильский, Толедское королевство, «Этимологии», «Сентенции», «О церковных службах», *oppressores pauperum, potentes*.

Как известно, в эпоху поздней античности и раннего Средневековья церковь, выступившая преемницей ряда институтов Римской империи¹, сыграла особую роль в становлении новой, уже средневековой государственности. Ключевой фигурой в церкви был епископ – глава городской христианской общины. Его участие во власти представлялось для позднеантичного сознания нормальным уже в силу отсутствия четкого разграничения светского и сакрального².

В этом отношении следует особо выделить ситуацию в Толедском королевстве вестготов, образовавшемся на территории Испании и Южной Галлии и достигшем расцвета в VII в. Здесь сложилась уникальная ситуация гармоничного взаимодействия церкви и

королевской власти³ (так называемой симфонии), которое наиболее ярко проявилось на национальных Толедских церковных соборах, где решались важнейшие государственные вопросы⁴.

Идеологическая основа для такого единства закладывалась при непосредственном участии епископата – интеллектуальной элиты того времени. Так, в трудах «первого средневекового энциклопедиста» Исидора Севильского (ок. 560–636) была впервые четко сформулирована доктрина епископства и власти вообще. Его идеи, так или иначе, нашли свое отражение в последующих соборных нормах и светском законодательстве⁵. Под исидоровым влиянием вырабатывается сложная и целостная государственная идеология политического единства⁶, какой нельзя найти ни в одном романо-варварском королевстве V–VII вв. Более того, в целом его сочинения в течение долгого времени являлись источником образованности в Европе, на столетия вперед определив культурную жизнь Средневековья⁷.

Взаимодействие епископата и светской власти в вестготской Испании большинство исследователей (Э. Перес-Пухоль⁸, А.К. Циглер⁹, Х. Орландис¹⁰, Т. Гонсалес¹¹, Л. Гарсия Морено¹² и другие) обычно рассматривают на примере вмешательства короля в выборы предстоятелей, которое было лишь одним из возможных способов назначения пастыря, или на примере национальных Толедских соборов¹³. Касаясь же повседневных забот епископов, исследователи (А.Р. Корсунский¹⁴, Э. Перес-Пухоль¹⁵, А.К. Циглер¹⁶, Д. Клауде¹⁷, П.Д. Кинг¹⁸, Т. Гонсалес¹⁹), как правило, рассматривают епископскую деятельность в гражданской жизни, особое внимание уделяя судебным и надзорным функциям. Речь идет, главным образом, о хронологически поздних этапах (середина – вторая половина VII в.). При этом позиция пастыря в муниципии, где наравне с ним действовали комит и дефенсор, его конфликты и сотрудничество с властью на местах остаются вне магистральных направлений в изучении фигуры епископа. Рядовые же функции епископов, в том числе богослужебные, изредка упоминаются²⁰ и оказываются за границами обозначенной проблемы.

Между тем именно этих «будничных» вопросов по большей части и касается в своих сочинениях Исидор Севильский (ок. 560–636), писавший в первой трети VII в. Поэтому кажется принципиально важным выяснить его представления о фигуре пастыря, впоследствии составившие идеологическую основу для определения статуса епископа.

Для решения поставленной проблемы мной привлекаются главным образом два следующих сочинения Исидора Севильского:

«О церковных службах» (*De ecclesiasticis officiis*, между 598 по 615 гг.) и «Сентенции» (*Sententiae*, 613–615 гг.), которые историки нередко оставляют без внимания, поскольку для исследования взаимодействия епископата и власти обычно используются правовые источники (каноны национальных Толедских и поместных соборов, а также кодификации права). Первое из названных произведений относят к числу литургических, так как в первой его части (*De origine officiorum*) речь идет о церковных богослужениях, праздниках, песнопениях, молитвах и проч. Однако вторая часть его (*De origine ministeriorum*) посвящена различным церковным чинам от епископа до остиария, их обязанностям, монахам, кающимся, девам, вдовам, женатым, катехуменам, а также крещению и конфирмации. Поэтому этот текст представляет собой справочник не только по литургии, но и по церковной и религиозной жизни вообще. Несмотря на свою крайнюю лапидарность, он, тем не менее, представляет ценнейший источник о фигуре епископа: здесь сжато дается исключительно самая суть, концептуальное ядро каждого церковного явления, в том числе священства.

«Сентенции», напротив, значительно более объемный источник. Это сочинение обычно помещают в разряд догматических, однако так обозначить можно только первую его книгу. Две другие книги имеют характер моральный и этический. Пытаясь определить место «Сентенций» в творчестве Исидора Севильского, необходимо сказать в целом о назначении всего сочинения. Насколько можно судить по структуре и содержанию текста, «Сентенции» рисуют развернутую модель христианского общества (начиная с Бога и заканчивая простыми верующими), сопровождая ее сопутствующими наставлениями о вещах, знание которых необходимо, чтобы жить в сообществе христиан. Изображая определенную модель социума, «Сентенции» указывают и на ведущие силы и структуры общества того времени. Среди них оказываются и епископы, вписанные, таким образом, в социальную систему. И, обращаясь к его фигуре, «Сентенции» выделяют самое важное, касающееся общественного статуса и функций епископа. При этом суть явления епископата выделяется применительно не столько к епископу как таковому, сколько ко всему обществу в целом.

Хотя в обоих произведениях мы сталкиваемся с определенной моделью, с идеальным представлением о священстве, они, тем не менее, не оторваны от жизни. Сделать такое утверждение позволяет явно прослеживаемая работа Исидора с цитатами, из которых составлены рассматриваемые сочинения, – благодаря вносимым им правкам заимствованные фрагменты, а вместе с ними вся мо-

дель были максимально приспособлены к реалиям вестготской Испании начала VII в. Много говорится о правах и обязанностях прелата, которые последний должен выполнять в силу самой природы своего сана, о пастырском долге, проявляемом в защите бедных, и учительском долге, осуществляемом через проповедь. Таким образом, в той или иной степени данные источники дают возможность исследовать весь спектр названных проблем с определенной трансформацией в их постановке. В свою очередь, через понимание их социального значения возможно определить положение епископа в обществе.

В «Сентенциях» и «О церковных службах» взаимодействие епископа со светской властью прослеживается в немногих, но показательных фрагментах, касающихся, во-первых, выборов прелата, а во-вторых, пасторской защиты бедных.

Влияние местной светской власти на выборы епископа

Согласно данным *De ecclesiasticis officiis*, знать и светская власть в определенные моменты оказывала влияние на выборы епископа. Исидор замечает, что в его время многие избираются епископами благодаря благосклонности народа и властей (*favore populi et potestatum*). Причем данный фрагмент заимствован у Иеронима Стридонского (342–420), но в оригинале слово *potestates* отсутствует²¹. Эта правка свидетельствует о том, что факт воздействия светских властей на избрание епископов для прелата Севильи имел большое значение. Кто именно подразумевался под *potestates*, на основании текстов Исидора точно понять нельзя, однако благодаря имеющимся у него в «Этимологиях» контекстам²² можно предположить, что речь идет об официальных публичных должностях. Здесь очевидным образом прослеживается хорошо известная античная традиция²³, что отчасти, вероятно, обусловлено характером «Начал». Органично связанное с *potestas* понятие *potentes* я проанализирую ниже при разборе соответствующих мест наших источников.

О влиянии, видимо, местной знати на выборы предстоятелей Исидор, цитируя другое произведение Иеронима Стридонского, говорит, что епископами нередко избирали тех, за кого попросил кто-либо из «старших»²⁴.

Знать в данном фрагменте обозначена словом *maiores*. Это едва ли не единственное место, где Исидор использует понятие в таком контексте: обычно в его текстах им обозначаются или предки, или

старшие по возрасту. В данном случае, однако, есть основания полагать, что под словом *maiores* подразумевалась знать. По меньшей мере, так было в VI в., о чем свидетельствует ряд норм, вошедших в состав «Бревиария Алариха»²⁵: сенаторы романского происхождения («*senatorii ordinis viri*») приравнены там к «*maiores personae aut alicuius dignitatis viri*»²⁶.

В литературе (А.Р. Корсунский, Э.А. Томпсон и П.Д. Кинг) утверждается, что выходцы из среды этих *maiores* (или *maioris loci personae*) становились дуксами, комитами и гардингами (*gardingi*). Такой вывод делается на основании закона Эрвигия (680–687), помещенного в 681 г. в «Книгу приговоров», известную как «Вестготская правда» (*Liber Iudiciorum, Lex Visigothorum*)²⁷. Однако стоит с осторожностью переносить реалии конца VII в. на его начало. В «Книге приговоров» имеется закон VIII.4.29, обозначенный как древний (*antiqua*), который позволяет соотнести с *maiores* конкретную публичную должность, – это комит города (*comes civitatis*)²⁸. Его-то в полной мере и можно назвать представителем *potestates*. В VI в. комиты городов, обладавшие определенными полномочиями в административной, налоговой и судебной сфере, были представителями короля в городе²⁹. Во время составления «Бревиария Алариха» эту должность нередко занимали выходцы из среды испано-римской сенаторской знати³⁰. Позднее же эта тенденция становится не столь однозначной. Так, будущий король гот Виттерих был, по-видимому, комитом одного из городов Лузитании³¹. С другой стороны, Браулион Сарагосский упоминает комитов с именами греческого и латинского происхождения³².

Комиты являли собой один из трех основных властных институтов в городе наравне с епископом и дефенсором³³. И если в дальнейшем дефенсор стал второстепенной фигурой, то власть комита города постоянно возрастала, достигнув своего пика (с рядом оговорок) во второй половине VII в.³⁴ Итак, согласно данным сочинений Исидора Севильского, влияние на выборы епископа светская власть (*potestates*) оказывала по преимуществу в лице комитов города.

Пастырская защита бедных и «*potentes*»

Вторая сфера, где происходило взаимодействие епископа с властью имущими, была защита бедных, являвшаяся одной из основных обязанностей церковных предстоятелей. Угнетение бедных со стороны «могущественных» (*potentes*) нередко проявлялось в захвате имущества, причем чаще всего недвижимого³⁵. Защита со сто-

роны епископа по большей части, согласно «Сентенциям», сводилась к публичному изобличению и в случае надобности церковному отлучению «угнетателей бедных» (*oppressores pauperum*)³⁶.

Своей деятельностью епископ должен был сохранять единство и спокойствие общества, которое нарушают недовольные благополучием власть имущих³⁷. Исидор Севильский фактически призывает к поиску на основе справедливости баланса интересов и влиятельных (*potentes*), и простых людей (*pauperes*)³⁸. Епископ был отчасти посредником между бедными и их угнетателями.

Этот вывод, казалось бы, очевиден, но показателен тот факт, что Исидор посвящает этому вопросу целую главу в третьей книге «Сентенций» – «Об угнетателях бедных» (*De oppressoribus pauperum*), располагая ее, что характерно, по соседству с главами, посвященными участникам судебного процесса (судьям, свидетелям и проч.). Вынесенная в заголовок проблема стояла в вестготской Испании особо остро.

Остается понять, кто скрывается за словами *pauperum oppressores* и *potentes*. *Pauperes* в вестготских текстах появляются там, где появляются и их притеснители (*oppressores*), т. е. это слово необходимо понимать не столько как «бедные», сколько как «угнетенные»³⁹. Таким образом, различия между *potentes* и *pauperes* носили не столько экономический, сколько социальный характер.

Единого и устойчивого мнения, кто такие *potentes*, у исследователей нет. Так, *potens* обычно определяют как могущественного человека из верхних слоев общества, который в силу своего богатства, или официальной должности, или и того и другого одновременно пользуется значительной экономической и социальной властью над своими согражданами⁴⁰. В целом не вызывает сомнения, что все «могущественные люди» – знатные землевладельцы⁴¹. С другой стороны, являлось ли наличие крупных земельных владений их главной характеристикой и только ли благодаря этому они пользовались влиянием, остается под вопросом.

Иначе говоря, неоднозначно решается проблема: занимали ли *potentes* какие-то официальные должности и были облечены публичной властью или их власть носила частный характер⁴². Так, некоторые исследователи, разбирая постановление о создании института дефенсоров городов, которые должны защищать народ от произвола могущественных людей (*potentes*)⁴³, утверждают, что последние – не какие-либо чиновники на официальных должностях, но представители сенаторской аристократии. При этом другие полагают, что дефенсоры с самого начала должны были защищать

народ от имперских чиновников⁴⁴, которых подразумевали под *potentes*.

Для более поздней эпохи ряд исследователей по умолчанию признают, что «могущественными людьми» были те, кто в первую очередь обладал политической властью, и относят к ним комитов и дуксов⁴⁵. В этом отношении кажется важным утверждение ряда ученых, что *potentes* как сообщество, как знать опознает себя по набору определенных качеств (храбрость, красноречие, признание, а также знаменитые предки, знатные друзья и проч.), которые актуальны при отправлении власти. Поэтому (применительно к меровингской Галлии) утверждается, что идентичность знати складывалась в процессе службы государству: знатному роду для сохранения статуса нужно было, чтобы хотя бы несколько его представителей были комитами или дуксами⁴⁶.

Но не стоит забывать, что *potentes* является не единственным термином, обозначающим знать (например, наравне с упоминавшимися *maiores*) в исследуемых текстах. По сути, каждый из них выделял какое-либо качество представителя знати (*nobiles*) или обосновывал право на социальное доминирование (*potentes, proceres*)⁴⁷. Сам Исидор естественным образом увязывает понятия *potens* и *potestas*⁴⁸. В его интерпретации под первым понимались люди, облеченные властью *публично* характера, обладающие почетом (*honor*) и занимающие высокое место в обществе⁴⁹.

В принципе, то же самое можно сказать и об угнетателях бедных (*pauperum oppressores*). Более того, их можно соотносить с лицами, которых Исидор именует *iudices*⁵⁰. Кроме того, близость понятий *potentes* и *iudices* демонстрирует одна из норм IV Толедского собора, прошедшего под председательством Исидора Севильского⁵¹. Видимо, именно суд выступал в качестве одного из основных мест притеснения бедных⁵². При этом под *iudices* понимались как судьи в узком смысле слова, так и вообще люди, облеченные судебной властью⁵³, главным образом комиты города (*comes civitatis*), – их суд постепенно становился центральной судебной инстанцией. Они же назначали окружных судей, т. е. судей первой инстанции⁵⁴. Такое понимание *pauperum oppressores* вполне соотносится с описанным выше значением *potentes*⁵⁵. Надзорные функции епископа за судом, а также сбором налогов, хорошо освещенные в других источниках⁵⁶, вписываются в общий контекст папской защиты бедных.

Таким образом, епископ, защищая бедных, должен был нередко вступать в конфронтацию с судьями и комитом города, что согласуется с выводом о влиянии на епископские выборы прежде всего *comes civitatis*. При этом папский не только увещевал и отлу-

чал от причастия – он, вероятно, мог апеллировать к королю⁵⁷, действуя в рамках «симфонии», дополнительные аргументы в обоснование которой приводит Исидор⁵⁸. Епископы оказывали королю необходимую поддержку, в том числе выполняя свои собственно церковно-религиозные функции епископа, имевшие, как будет показано ниже, политическое измерение.

Епископская проповедь как акт политической власти

В полной мере это относится к епископской проповеди, являвшейся одной из основных обязанностей пастыря и составлявшей суть его служения⁵⁹. До определенной степени проповедь была актом епископской власти.

Во-первых, на ее публичный характер указывает само место, откуда пастырь произносил проповедь, – трибунал⁶⁰. Трибунал – возвышение, которое в Римской империи устраивалось специально для важных должностных лиц, публично творивших суд (главным образом претора), и находилось в апсиде базилики. Возвещавшиеся оттуда предписания (*praecepta vivendi*) у Исидора ассоциируются именно с фигурой претора (*quasi praeceptores*)⁶¹. Сами же заповеди естественным образом соотносятся с Законом Божиим⁶². Эти установления в христианской общине имели силу реального закона.

Данные сочинений Исидора Севильского (главным образом *De ecclesiasticis officiis* и *Sententiae*) позволяют представить некоторые аспекты содержания литургийной проповеди, касающиеся места епископа в системе социально-политических отношений. Пастырь говорил о тайне закона, учении веры, добродетели воздержания и науке справедливости⁶³. Истинная справедливость, понятая Исидором по августиновской модели, есть упорядочивание человеческих дел согласно божественному замыслу и порядку (*ordo*)⁶⁴. Поэтому епископ, приучая паству жить по справедливости, стремился создать общественную систему, которая соответствовала бы идеальному *ordo*. В практическом плане это означало, что епископ своей проповедью о справедливости, а именно о страхе перед Богом, почитании культа, уважении родителей, узах братской любви, помощи обездоленным, беспристрастии в суде, воздаянии за полученные блага и любви к отечеству⁶⁵, пытался замирить нарождающееся раннесредневековое общество, полное конфликтов и противоречий⁶⁶.

В свою очередь, «отечество» (*patria* или *patria Gothorum*) выступает у Исидора одной из трех основ концепции новой социальной и политической идентичности – *gens Gothorum*, соединившей готов

и испано-римлян на основе христианского вероисповедания, которое постепенно вытеснило концепт римского гражданства. Третьим элементом этой триады являлся *rex Gothorum*⁶⁷, который возглавлял эту общность, существовавшую в рамках территориального образования, именуемого Испанией (*Spania = patria*). Вероятно, епископ во время проповеди говорил обо всех частях этой знаковой триады.

Тот факт, что целью проповеди являлось созидание новой идентичности и укрепление чувства единства, доказывает появление среди ее тем тайны закона (*mysterium legis*). Это словосочетание имеет экзегетический характер и предполагает, что проповедник рассказывал о христианском понимании ветхозаветных установлений. По Исидору, тайны закона не понимают иудеи⁶⁸, которые оставались единственной закрытой нехристианской группой населения, – антииудейский спор севильский прелат использует для конструирования и укрепления самосознания христианского сообщества. На важность этой темы указывает не только первое место в этом списке, но и ее отсутствие в первоначальном тексте, который Исидор позаимствовал у Амвросия Медиоланского (ок. 340–397)⁶⁹.

Таким образом, проповедь епископа, имевшая публично-правовые коннотации, являлась инструментом созидания и укрепления формирующегося сообщества Толедского королевства. А епископат являлся главным проводником государственной идеологии и был ответствен за целостность королевства в целом.

Богослужебные функции епископа в политическом измерении

С проповедью тесно связана месса. Ее главной частью было таинство евхаристии, которая, согласно Исидору, следовавшему за Киприаном Карфагенским (ум. 258), становилась подлинным моментом единения членов общины во Христе⁷⁰. Оно происходило вокруг епископа (*sacerdos*) как главного участника в свершении таинства жертвоприношения. Пресвитеры, также иногда обозначаемые словом *sacerdotes*, были главным образом его помощниками⁷¹. Члены общины были обязаны участвовать в евхаристии⁷², если только верующий не находится во грехе или не исполнял епитимью. При этом, видимо, нередко многие совершающие публичное покаяние стремились получить причастие, чтобы скрыть свой позор⁷³. Таким образом, евхаристия, совершаемая епископом, была инструментом не только единения, но и социального контроля.

Кроме того, епископ осуществлял контрольную функцию допуска новых членов в христианскую общину – через таинство миропомазания, сочетавшееся с наложением рук. Именно оно делало крещеного действительным членом общины⁷⁴. Если крестить могли епископы, пресвитеры, а в крайних случаях диаконы и даже миряне⁷⁵, то только епископ проводит миропомазание и наложение рук⁷⁶.

Необходимо также отметить совершаемое епископом благословение брачующихся⁷⁷, свидетельствующее об осуществляемом им церковном контроле за столь важным общественным институтом, который теперь осуществлялся через церковное единство⁷⁸. Учитывая то внимание, какое уделяло институту брака вестготское законодательство, стремившееся к четкости социальных связей в этом отношении⁷⁹, можно предположить, что через контроль брачных отношений епископ, как и в случае с проповедью или евхаристией, играл активную роль в выстраивании социальной структуры.

Итак, согласно представлениям Исидора о священстве, епископ, будучи одной из центральных фигур в среде граждан каждого города, являлся представителем публичной власти королевства и в этом качестве был сопоставим с комитом города (*comes civitatis*). Своими действиями епископ организовывал социум, сохранял его спокойствие и единство, нередко опираясь при этом на власть короля. Во многом целостность всего королевства зависела именно от епископата. Более того, именно трудами епископов шаг за шагом складывалась новая, уже средневековая идентичность – *gens Gothorum*.

Сочинения Исидора Севильского фиксируют уже новое общество и новую власть, порывающие со своим античным прошлым и все дальше уходящие от полисных основ. В дальнейшем идеи прелата Севильи нашли свое отражение прежде всего в соборном законодательстве, регулировавшем многие публично-правовые аспекты, в том числе статус короля. Позже на концептуальном уровне идеи Исидора были развиты его учениками или писателями Исидорова круга: Браулионом Сарагосским (585–651), Тайоном Сарагосским (651 – после 656), Юлианом Толедским (642–690).

Принятые сокращения

Ambrosius Mediolanensis. De officiis ministrorum – Sancti Ambrosii Mediolanensis Episcopi. De Officiis Ministrorum. Libri Tres // Patrologia Latina. Vol. 16. P., 1845. Col. 0023B–0187.

- Diff. – *Sancti Isidori Hispalensis Episcopi*. Differentiarum sive de prophetae sermonum, libri II // *Patrologia Latina*. Vol. 83. P., 1850. Col. 0009–0098.
- Etym. – *Sancti Isidori Hispalensis Episcopi*. Etymologiarum sive Originum, libri XX. Oxonii, 1910.
- Hieronymus Stridonensis*. Commentaria in Epistolam ad Titum – *S. Eusebii Hieronymi, Stridonensis Presbyteri*. Commentariorum In Epistolam Ad Titum. Liber Unus // *Patrologia Latina*. Vol. 26. P., 1845. Col. 555–600C.
- Hieronymus Stridonensis*. Commentaria in Epistola ad Galatas – *S. Eusebii Hieronymi, Stridonensis Presbyteri*. Commentariorum In Epistolam Ad Galatas. Libri Tres // *Patrologia Latina*. Vol. 26. P., 1845. Col. 307–438D.
- Is. Hisp.* De eccl. off. – *Sancti Isidori Hispalensis Episcopi*. De Ecclesiasticis Officiis // *Patrologia Latina*. P., 1850. Vol. 83. Col. 737–826.
- Is. Hisp.* Sent. – *Isidori Hispalensis*. Sententiae / Cura et studio P. Cazier. (= Corpus Christianorum. Series Latina, 111) Turnhout, 1998.
- Is. Hisp.* De Fide Catholica Ex Veteri et Novo Testamento Contra Judaeos – *Sancti Isidori Hispalensis Episcopi*. De Fide Catholica Ex Veteri et Novo Testamento Contra Judaeos Ad Florentinam Sororem Suam // *Patrologia Latina*. Vol. 83. P., 1850. Col. 449–538.
- Tolet. – Concilium Toletanum // Concilios visigóticos y hispano-romanos / Ed. por José Vives, T. Marín Martínez, G. Martínez Díez. Barcelona – Madrid, 1963.

Примечания

¹ Этого давно устоявшегося мнения в той или иной степени придерживается большинство исследователей, каждый из которых подчеркивает какой-либо отдельный аспект проблемы. См., например: *Шафф Ф.* История христианской церкви: В 8 т. Т. 1. СПб.: Библия для всех, 2007. С. 65; *Петрушевский Д.М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. М.: Книжная находка, 2003. С. 126–127; *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1: 395–518. СПб.: Алетей, 2003. С. 135; *Бицилли П.М.* Падение Римской империи // Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 76–77; *Андерсон П.* Переходы от античности к феодализму. М.: Территория будущего, 2007. С. 130, 162; *Курбатов Г.Л., Фролов Э.Д., Фроянов И.Я.* Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л.: Лениздат, 1988. С. 112, 117–118, 120, 126; *Уоллес-Хедрилл Дж.-М.* Варварский Запад. Раннее Средневековье 400–1000. СПб.: Евразия, 2002. С. 26–27; *Jones A.H.M.* The later Roman Empire, 284–602: A social economic and administrative survey. Oxford: Basil Blackwell, 1964. Vol. 2. P. 875, 881; *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. С. 48–49; *Мажуга В.И.* Королевская власть и церковь во Франкском государстве VI века // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. Л.: Наука, 1990. С. 47; *The Cambridge History of Christianity*. Vol. 2:

- Constantine to c. 600 / Ed. by A. Casiday, F.W. Norris. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 1, 317, 350–351; *The Cambridge Ancient History*. Vol. 14: Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425–600. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 731; *Хизер II*. Падение Римской империи. М.: АСТ, 2010. С. 199.
- ² См., например: *Власть. Право. Религия: взаимосвязь светского и сакрального в средневековой культуре* [сб. ст.]. М.: ИВИ РАН, 2001. О единстве политики и религии в Римской империи см.; например: *Girardet K.M. Der Kaiser und sein Gott*. Berlin; N. Y.: De Gruyter, 2010. S. 150 ff.
- ³ См., например: *Pérez Pujol E. Historia de las instituciones sociales de la España goda*. Valencia, 1896. Vol. III. P. 350–360; *González T. La Iglesia desde la conversión de Recaredo hasta la invasión árabe* // *Historia De La Iglesia En España*. Vol. I: La Iglesia En La España Romana Y Visigoda (s. I–VIII). Madrid: Biblioteca de Autores Cristianos, 1979. P. 415–422; *Клауде Д. История вестготов*. СПб.: Евразия, 2002. С. 170–172; *Кривицкая Е.С. Представление о праве и правосудии в Толедском королевстве VII в.: римская традиция и ее интерпретация* (по сочинениям Исидора Севильского): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. С. 29–44; *Она же. Феномен «вестготской симфонии» в 75-м каноне IV Толедского собора 633 г. (к проблеме перехода к средневековой государственности)* // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2012. № 3 (11).
- ⁴ См., например: *González T. Op. cit.* P. 536–563; *Moreno Casado J. Los concilios nacionales visigodos, iniciación de una política concordataria*. Granada, 1946; *Martínez Díaz G. Los Concilios de Toledo* // *Anales Toledanos*. 1971. № 3. P. 119–138; *Orlandis Rovira J. La iglesia en España visigótica y medieval*. Pamplona: Universidad de Navarra, 1976. P. 154–211; *Orlandis Rovira J., Ramos-Lisson D. Historia de los concilios de la España romana y visigoda*. Pamplona: Universidad de Navarra, 1986. P. 163–195; *Orlandis Rovira J. Los laicos en concilios visigodos* // *Anuario de historia del derecho español*. 1980. Vol. 50. P. 177–187; *Ziegler A.K. Church and State in Visigothic Spain*. Washington, 1930. P. 32–43, passim; *Ауров О.В. Государство и право в Королевстве вестготов (Тулузский и Толедский периоды)* // *Вестготская правда (Книга приговоров): Латинский текст. Перевод. Исследование*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 69–71.
- ⁵ *Crouch J.T. Isidore of Seville and the Evolution of Kingship in Visigothic Spain* // *Mediterranean Studies*. 1994. Vol. 4. P. 9–26; *Canning J. A History of Medieval Political Thought: 300–1450*. L.: Routledge, 1996. P. 17, 19–20 ff. *Diesner H.J. Einige Aspekte über Isidor von Sevilla. Isidors Herrscherauffassung im Zwielflicht* // *Los visigodos. Historia y civilización*. Murcia: Universidad de Murcia, 1986. P. 303–309; *Díaz y Díaz M.C. Isidoro en la Edad Media Hispana* // *Isidoriana. Colección de estudios sobre Isidoro de Sevilla, publicados con ocasión del XIV Centenario de su nacimiento por Manuel C. Díaz y Díaz*. León: Centro de Estudios “San Isidro”, 1961. P. 359; *King P.D. The barbarian kingdoms* // *The Cambridge history of Medieval Political Thought c. 350–1450*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 140–144; *Reydellet M. La conception du souverain chez Isidore de Séville* // *Isidoriana...*

- P. 457–466; *Orlandis J.* El rey visigodo católico // De la Antigüedad al Medioevo. Siglos IV–VII. III Congreso de Estudios Medievales. Avila, 1993. P. 62; *Pérez de Urbel J.* San Isidoro de Sevilla. Su vida, su obra y su tiempo. León: Universidad de León, 1995. P. 228–229, 241–247.
- ⁶ *Уколова В.И.* Античное наследие и культура раннего Средневековья: конец V – середина VII века. М.: ЛКИ, 2010. С. 197; *Hen Y.* Roman Barbarians: The Royal Court and Culture in the Early Medieval West. Hampshire; N. Y.: Palgrave Macmillan, 2007. P. 142–143, 149.
- ⁷ *Уколова В.И.* Указ. соч. С. 197–197.
- ⁸ *Pérez Pujol E.* Op. cit. P. 109–110, 113.
- ⁹ *Ziegler A.K.* Op. cit. P. 44–45.
- ¹⁰ *Orlandis Rovira J.* La iglesia... P. 88–92; *Idem.* História del reino visigodo español: los acontecimientos, las instituciones, la sociedad, los protagonistas. Madrid: RIALP, 2003. P. 284–286.
- ¹¹ *González T.* Op. cit. P. 498–499.
- ¹² *García Moreno L.A.* História de España visigoda. Madrid: Cátedra, 1989. P. 353.
- ¹³ *Pérez Pujol E.* Op. cit. P. 99; *Ziegler A.K.* Op. cit. P. 35–43, 142–143; *González T.* Op. cit. P. 536–563; *Orlandis Rovira J.* La iglesia... P. 83–87, 185–196 и др.
- ¹⁴ *Корсунский А.П.* Готская Испания. М.: Изд-во МГУ, 1969. С. 112, 218.
- ¹⁵ *Pérez Pujol E.* Op. cit. P. 110.
- ¹⁶ *Ziegler A.K.* Op. cit. P. 134–144.
- ¹⁷ *Клауде Д.* Указ. соч. С. 171–172.
- ¹⁸ *King P.D.* Law and Society in the Visigothic kingdom. Cambridge: Cambridge University Press, 1972. P. 70, 78, 100, 119, 157–158.
- ¹⁹ *González T.* Op. cit. P. 504–535.
- ²⁰ *Pérez Pujol E.* Op. cit. P. 110; *González T.* Op. cit. P. 497–498, 500–501.
- ²¹ *Is. Hisp.* De eccl. off. II.5.17. *cfr.*: *Hieronymus Stridonensis.* Commentaria in Epistolam ad Titum. I, 1.
- ²² *Етум.* VI.8.8; IX.3.11; IX.3.26. Обращение к синхронным источникам мало проясняет ситуацию, но не противоречит сделанным выводам. Среди реально действовавших властей в текстах выделяется королевская (*regia/regalis/principalis etc. potestas*), а также – скорее на функциональном уровне – судебная (*iudicaria, iudicandi*), причем последняя могла пересекаться с первой: LV VII.11, VII.4.5, XII.2.2; III Tolet.; IV Tolet. Can. 30, 32, 51. См. также: *Осаба Э.* Право убежища в вестготском светском законодательстве // Вестготская правда. С. 212.
- ²³ *Potestas* // Real-encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. XXII, 43. Stuttgart, 1953. Sp. 1040–1046.
- ²⁴ *Is. Hisp.* De eccl. off. II.5.13. *cfr.*: *Hieronymus Stridonensis.* Commentaria in Epistola ad Galatam.
- ²⁵ Помимо «Кодекса Феодосия» в той или иной степени использовались кодификации Григория (ок. 292–293 г.) и Гермогениана (305), а также «Институции» Гая, «Сентенции» Павла и «Ответы» Папиниана, см.: *Ауров О.В.* Указ. соч. С. 88–89.
- ²⁶ CTh.9.40.10 (= Brev.9.30.2).

- ²⁷ LV IX.2.9.
- ²⁸ *Марей А.В.* Уголовное и гражданское право в «Вестготской правде» («Книге приговоров») // Вестготская правда... С. 146.
- ²⁹ *Ауров О.В.* Вестготская Испания. Краткая история. М.: Союзник, 2011. С. 22–23.
- ³⁰ *Корсунский А.Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М.: Изд-во МГУ, 1984. С. 49; *Вольфрам Х.* Готы. СПб.: Ювента, 2003. С. 309.
- ³¹ *Vitas patrum emeretensium.* V. 10. 1 – 5.
- ³² *Br.* Ep. 25 (Laurentius); *Idem.* Vita S. Emiliani. 21 (Eugenius).
- ³³ *Pérez Pujol E.* Op. cit. Vol. II. P. 295, 308; Vol. III. P. 84.
- ³⁴ *Ауров О.В.* Вестготская Испания... С. 49–50.
- ³⁵ I Tolet. Can. 11.
- ³⁶ *Is. Hisp.* Sent. III.45.4.
- ³⁷ *Is. Hisp.* Sent. III.57.13; *Idem.* De eccl. off. II.7.2.
- ³⁸ *Is. Hisp.* De eccl. off. II, V, 19.
- ³⁹ *González T.* Op. cit. P. 511.
- ⁴⁰ *Berger A.* Encyclopedic Dictionary of Roman Law. Philadelphia, 1953. P. 640. Ср.: *Lafferty S.D.W.* The Edictum Theoderici: A Study of a Roman Legal Document from Ostrogothic Italy: PhD tesis. Toronto, 2010. P. 272, note 68.
- ⁴¹ Etym. X.208.
- ⁴² Отметим, что в раннем Средневековье порой было нелегко провести различие между властью частной и публичной, см.: *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. Вып. 3. М., 1912. С. 558–567; *Петрушевский Д.М.* Указ. соч. С. 430 и др.
- ⁴³ CTh.1.29.1 (a. 364, Valentinianus, Valens).
- ⁴⁴ *Arnheim M.T.W.* Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford: Clarendon Press, 1972. P. 163–164.
- ⁴⁵ *Nelson J.L.* Literacy in Carolingian government // The Uses of literacy in early medieval Europe / Ed. by R. McKitterick. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 269, 286.
- ⁴⁶ *Дюмезиль Б.* Королева Брунгильда. СПб.: Евразия, 2012. С. 91; см. также: *Карачинский А.Ю.* Высшая знать и королевская власть во Франции второй половины IX–X в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. С. 5.
- ⁴⁷ *Jones A.E.* Social Mobility in Late Antique Gaul. N. Y.: Cambridge University Press, 2009. P. 83.
- ⁴⁸ Etym. X.208.
- ⁴⁹ Etym. XX.3.8; Sent. III.50.5.
- ⁵⁰ *Is. Hisp.* Sent. III.57.2.
- ⁵¹ IV Tolet. (a. 633). Can. 3.
- ⁵² *Is. Hisp.* Sent. III. 54.4.
- ⁵³ *Кривицына Е.С.* Представление о праве и правосудии... С. 234–235.
- ⁵⁴ *Ауров О.В.* Государство и право в Королевстве вестготов... С. 82.
- ⁵⁵ Впрочем, *potentes*, конечно, не всегда совпадали с *iudices* и нередко оказывали последним сопротивление, см., например: LV II.2.8; LV VII.1.1.

Эти же нормы демонстрируют, что соответствующие утверждения не только определены христианскими топосами, но и коррелируют с существовавшей практикой.

- ⁵⁶ *González T.* Op. cit. P. 520–527; *Ziegler A.K.* Op. cit. P. 139–143; *Кривицкая Е.С.* Представление о праве и правосудии... С. 275.
- ⁵⁷ *Is. Hisp. Sent.* III. 51.4; см. также IV Tolet. (a. 633). Can. 32.
- ⁵⁸ *Is. Hisp. Sent.* III.51.3 – 6.
- ⁵⁹ *Is. Hisp. De eccl. off.* II.5.10.
- ⁶⁰ *Etym.* XV.4.16.
- ⁶¹ *Etym.* IX.4.16.
- ⁶² *Is. Hisp. Sent.* I.18.11.
- ⁶³ *Is. Hisp. De eccl. off.* II.5.17.
- ⁶⁴ Об *ordo* у Августина см., например: *Трубецкой Е.Н.* Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке // *Августин: pro et contra.* СПб.: РХГИ, 2002. С. 135–136.
- ⁶⁵ *Diff.* II.39.156.
- ⁶⁶ *Ibid.* II.39.158.
- ⁶⁷ *Drewes W.* The Unknown Neighbour: The Jew in the Thought of Isidore of Seville. Leiden; Boston: Brill, 2006. P. 275–276.
- ⁶⁸ *Is. Hisp. De Fide Catholica Ex Veteri et Novo Testamento Contra Judaeos.* II.XXI.1–2.
- ⁶⁹ *Is. Hisp. De eccl. off.* II.5.17. *cfr. Ambrosius Mediolanensis.* De officiis ministrorum. I.22.101.
- ⁷⁰ *Is. Hisp. De eccl. off.* I.18.4–6.
- ⁷¹ *Zizioulas J.D.* Eucharist, bishop, church: The Unity of the Church in the Divine Eucharist and the Bishop During the First Three Centuries. Brookline, 2001. P. 201.
- ⁷² *Is. Hisp. De eccl. off.* I.18.2.
- ⁷³ *Ibid.* I.18.7. См. также: *González T.* Op. cit. P. 576–577; *Sanz Serrano P.* La excomunion como sancion polotica en el Reino visigodo de Toledo // *Los visigodos. Historia y civilización.* Murcia, 1986. P. 275–288.
- ⁷⁴ *Is. Hisp. De eccl. off.* II.26.2.
- ⁷⁵ *Ibid.* II.25.9.
- ⁷⁶ *Etym.* VII.12.21.
- ⁷⁷ *Is. Hisp. De eccl. off.* II.20.5.
- ⁷⁸ *Ibid.* II.20.9.
- ⁷⁹ Например: *Корсунский А.П.* Указ. соч. С. 153, 177, 192.

Е.С. Марей

ГРАММАТИКА И БОГОСЛОВИЕ В «ДИФФЕРЕНЦИЯХ» ИСИДОРА СЕВИЛЬСКОГО*

Статья посвящена «Дифференциям» Исидора Севильского – грамматическому трактату в двух книгах, написанному с целью различения синонимов. В статье анализируется структура произведения, выявляется цель, которую ставил Исидор при написании трактата, его источники и методы работы с ними. Однако «Дифференции» гораздо глубже, чем простой грамматический трактат. Грамматика выступает у Исидора средством постижения мира. Установление точного значения слов дает возможность понять истинный смысл того или иного явления, в том числе и постичь замысел Божий.

Ключевые слова: Исидор Севильский, «Дифференции», античные грамматики, история образования.

Среди всех так называемых романо-варварских королевств, образованных на территории Римской империи, Толедское королевство вестготов, возникшее в 567 г. на территории Пиренейского полуострова, занимает совершенно особое место в истории латинского Запада. Именно там сформировалась система постоянного сотрудничества Церкви и королевской власти, предопределившая всю его историю. Сложившаяся система во многом (хотя и не во всем) предвосхитила черты каролингской *Reichskirche*, сложившейся уже после падения королевства вестготов в 711–713 гг.

Наиболее авторитетные представители епископата с самого начала играли весьма заметную роль в королевстве, а после исторического III Толедского собора 589 г. значение Церкви еще более возросло. До 589 г. вестготы в массе своей были арианами, что приводило к конфронтации между готами и испано-римлянами, исповедовавшими христианство никейского толка, а также между королевской властью и ортодоксальной Церковью. В 589 г. на соборе

© Марей Е.С., 2013

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 13-31-01226 ««Дифференции» Исидора Севильского: перевод, комментарии, исследование»).

в Толедо король Реккаред, сам принявший Никейский символ за два года до этого, провозгласил отказ готов от арианства и их переход в лоно ортодоксальной Церкви. С этого момента началось тесное сотрудничество королевской власти и епископата, получившее название «вестготской симфонии». Наиболее образованные клирики получили возможность участвовать в управлении королевством, творить право, формировать образ власти, наконец, определять развитие интеллектуальной культуры и литературы¹.

В ряду писателей и мыслителей Толедского королевства первое место, несомненно, занимает епископ Севильи Исидор². Именно его идеи и его произведения легли в основу интеллектуальной культуры, тогда как остальные явились в большей или меньшей степени учениками и продолжателями великого севильца.

Вообще, Исидор известен прежде всего благодаря своему грандиозному труду «Этимологии, или Начала» в 20 книгах. Эта первая в истории энциклопедия вмещает в себя всю сумму античного знания, начиная от грамматики и риторики и заканчивая архитектурой и кораблестроением. По мнению Исидора, суть любого явления или предмета можно постичь через изучение происхождения понятия, которым он обозначается³. Поэтому применяемый автором метод заключается в обнаружении этимологии каждого избранного для анализа термина; таким образом, грамматика становится средством изучения мира. Подобное внимание к слову характерно для всех трудов Исидора Севильского: «Этимологии» в этом смысле являются не исключением, а напротив, вершиной и кульминацией всего его творчества⁴. «Этимологии, или Начала» завершают собой цикл произведений, которые условно можно считать грамматическими, – так называемый грамматический триптих, куда входят также «Синонимы» и «Дифференции».

«Синонимы, или Стенания грешной души», созданные около 631 г., в равной степени можно называть и грамматическим трактатом, и дидактическим наставлением. Они написаны в форме диалога человека с собственным разумом, наставляющим его на путь добродетели, но при этом каждую мысль Исидор повторяет много раз, используя различные синонимы. Такая форма позволяет классифицировать его как риторическое произведение. В этом контексте его и рассматривают некоторые ученые, в частности один из крупнейших исследователей Исидора Ж. Фонтен, или Ж. Эльфасси, осуществивший современное критическое издание «Синонимов»⁵. В то же время после прочтения трактата не остается сомнений, что вычурность стиля здесь не является самоцелью. Она призвана оказать эмоциональное воздействие на читателя для того,

чтобы убедить его жить в соответствии с заповедями христианской добродетели. Таким образом, и этот трактат написан не ради грамматики как таковой; грамматика здесь выступает как средство достижения более высокой, по мнению Исидора, цели.

В этом смысле наиболее «грамматическим» трудом Исидора выглядят его «Дифференции», созданные между 600 и 615 гг. В предисловии к ним автор ставит перед собой задачу уточнить различие между синонимами, которые на практике стали уже почти неразличимыми. Интересно, что епископ Севильи винит в этом языческих поэтов, которые ради красоты слога позволяли себе употреблять слова в несвойственном для них значении⁶. Некоторые отрывки из «Дифференций» позднее вошли в «Этимологии», да и сам метод, который Исидор позднее будет применять при работе над энциклопедией, впервые был апробирован им именно в этом трактате. Таким образом, «Дифференции» можно рассматривать как своего рода предтечу «Этимологий», первую попытку описать и объяснить мир с помощью грамматики. В то же время «Дифференции» являются, несомненно, самостоятельным и оригинальным произведением, анализу которого и посвящена настоящая статья.

Структура трактата

Трактат «Дифференции» состоит из двух книг, в первой из которых, грамматической, автор проводит различие между отдельными синонимичными терминами, во второй же пытается дать определения богословским и этическим понятиям и объяснить их взаимосвязь. Однако в Средние века произведение Исидора чаще всего имело хождение не как единый трактат, а как два самостоятельных произведения: первая книга называлась «О различиях слов» (*De differentiis verborum*), или «Грамматические дифференции» (*Differentiae grammaticales*), а вторая – «О различиях вещей» (*De differentiis rerum*), или же «Духовные дифференции» (*Differentiae spirituales*). На это указывает рукописная традиция, а также средневековый автор Сигеберт де Жемблу (*Sigebert de Gembloux*), который в своем произведении «О церковных писателях» говорил о двух самостоятельных книгах «Дифференций»⁷. В самом деле, младший современник Исидора, Ильдефонс Толедский, в своем произведении «О знаменитых мужах» в числе произведений севильца упоминает лишь одну книгу «Дифференций»⁸. Косвенным образом эта точка зрения подтверждается стилистикой первой и второй книг, а также различной их тематикой.

Тем не менее ближайший друг и ученик Исидора Браулион Сарагосский считал «Дифференции» единым трактатом, написанным в двух книгах, на что указывает отрывок из так называемого *Renotatio librorum divi Isidori* – перечня или каталога произведений Исидора, составленного Браулионом. Этот отрывок дает повод исследователям, в числе которых крупнейший знаток творчества Исидора К. Кодоньер Мерино, говорить о композиционном единстве двух частей⁹. Кроме того, из приведенного выше отрывка из «Книги о знаменитых мужах» Ильдефонса видно, что автор обозначает словом *liber* практически все произведения Исидора, в частности «Сентенции» в 3 книгах и «Этимологии», где число книг равняется 20. Это заставляет предположить, что *liber* в данном случае обозначает произведение как таковое, и, следовательно, считать, что Исидор написал не два различных произведения, а один трактат в двух книгах.

«Дифференции», вероятно, были написаны Исидором довольно рано, в 600 и 615 гг., так как они стоят первыми в списке трудов севильского епископа, составленном его почитателем и учеником Браулионом Сарагосским¹⁰. Между тем Браулион, насколько нам известно, перечислил произведения учителя в хронологическом порядке, во всяком случае «Этимологии», несомненно итоговый труд Исидора, стоят в списке последними. Кроме того, в некоторых рукописях «Дифференции» приписываются «молодому Исидору» (*Isidorus Junior*), что также заставляет относить их к раннему периоду творчества епископа. К сожалению, у нас нет более надежных способов датировки трактата. Возможно также, что вторая книга была создана несколькими годами позже первой, конкретнее – около 610 г., как полагают М.С. Диас-и-Диас и М.А. Андрес Санс¹¹. По их мнению, содержание второй книги указывает на то, что она писалась или редактировалась непосредственно до «Сентенций», в которых поднимаются те же вопросы. «Сентенции» же были созданы между 612 и 615 гг. Эта дата определяется местом трактата в перечне Браулиона, а также тем обстоятельством, что при работе над ним Исидор не использовал «Гомилии» Григория Великого, которые появились в библиотеке Севильи не ранее 619 г. Итак, датой создания первой книги принято считать конец VI – самое начало VII в., а второй – 610–615 гг.

Содержание трактата и его источники

Рассмотрим теперь содержание обеих книг и их возможные источники. Первая книга состоит из нескольких сот лемм; в раз-

ных рукописях их число составляет от 481 до 610. Существуют две группы рукописей, в одной из которых леммы расположены в алфавитном порядке, в другой – в ассоциативном (по крайней мере мне не удалось проследить четкой закономерности). Исследователи выделяют несколько тематических групп: термины, обозначающие окружающий мир, время, добродетели и пороки; понятия, описывающие войну, строительство, человеческое тело и его состояния, устройство общества, сельское хозяйство, а также слова, обозначающие животных, птиц и растения¹². К. Кодоньер Мерино, осуществившая современное критическое издание «Дифференций», полагает, что в алфавитном порядке произведение Исихора переписали позднейшие грамматик и продолжатели, дополнившие его еще несколькими десятками лемм, тогда как Исихор выстраивал свое произведение по-другому¹³.

Критерии отбора понятий в первой книге самые разные: Исихор рассматривает омонимы или созвучные слова¹⁴, ищет смысловые различия в употреблении разных грамматических форм одного и того же слова¹⁵, но, главным образом, устанавливает отличия в употреблении синонимов¹⁶. Каждая лемма представляет собой короткий абзац, начинающийся со слов «Между X и Y существует такая разница, что...»; далее автор довольно кратко объясняет различие в смысле или в употреблении слова. Нередко Исихор приводит примеры для иллюстрации своего тезиса¹⁷.

Вторая книга состоит из 41 параграфа, где с большей или меньшей подробностью излагаются и разъясняются основные богословские и этические категории. Во второй книге трактата Исихор отходит от различения слов – синонимов ли, омонимов ли, – делая упор на различение явлений, относящихся к божественной и человеческой природе. При этом вторая книга выглядит структурно более продуманным произведением, чем первая: Исихор идет от Бога к человеку и к его способностям жить в Боге. Свой разбор Исихор начинает с определения сущности Бога и ангелов, затем устанавливает различие между ангелами и людьми, а потом между людьми и животными и через это переходит к разбору природы человека: его тела, души, характера, поведения и т. д. Так, например, он разбирает, чем отличается воскресение человека от Воскресения Христа, рождение человека от Рождества Сына Божьего, и в той же книге обращается к человеческой природе, например, сколько у человека пальцев и чему они служат или чем отличается детство от отрочества и юности¹⁸. Следует заметить, что для своего трактата епископ Севильи отобрал самые простые, базовые понятия, что делает его трактат похожим на учебник или справочник.

Очевидно, что для написания такого трактата, охватывающего понятия из самых разных жизненных сфер, Исидор должен был пользоваться различными источниками. Источники первой книги весьма разнообразны. Сам Исидор в предисловии упоминает трактат грамматика Катона *De Rhetorica*, в настоящее время почти полностью утраченный. Сохранился только один фрагмент из этого сочинения, и то благодаря «Дифференциям»¹⁹. Возможно, епископ Севильи имел в виду автора позднеантичных морализаторских сентенций *Disticha Catonis*, или же малоизвестного позднеантичного грамматика с тем же именем: у нас слишком мало данных, чтобы его идентифицировать. Предположительно Исидор упомянул Катона затем, чтобы придать своему произведению больший авторитет, вписав его в ряд античных пособий по риторике. Основными же его источниками были многочисленные грамматики, в которых устанавливалось различие слов: *Differentiae Probi Valerii, Cornelii Frontonis de nominum verborumque differentiae, Differentiae sermonum Remmi Palaemonis* etc.²⁰ Пожалуй, одним из главных источников для Исидора был «Комментарий к “Энеиде”» Сервия Гонората, однако он ни разу не упоминает ни его, ни другие грамматические сочинения, зато с большой охотой приводит мнение авторитетных античных авторов – Варрона²¹, Цицерона, Саллюстия²² и Вергилия²³ (правда, гораздо чаще он заимствует их мнение без всяких ссылок на источник). В той же первой книге он ссылается на сочинения Отцов церкви и даже на апостольское Послание к Коринфянам²⁴. Отсылки к этим именам естественным образом подкрепляли мнение Исидора и в целом придавали его произведению больший авторитет.

Источниками второй книги, несомненно, являлись библейские тексты и комментарии к ним Иеронима, хотя Исидор на них и не ссылается. Кроме того, заметно влияние концепций Августина²⁵, в частности его произведений «О Троице» (*De Trinitate*), «Проповеди» (*Sermones*) и «О граде Божием» (*De civitate Dei*), а также (в меньшей степени) – Лактанция²⁶. Ж. Фонтен называет в числе источников также сочинение Мартина из Браги *De differentiis quatuor virtutum*, известное также как *Formula honestae vitae*, которое послужило не только материалом для написания параграфа о добродетелях, но и образцом литературного стиля²⁷.

Показательно, что как во второй, так и в значительной мере в первой книге для объяснения понятий Исидор использует и античные языческие, и христианские тексты, не отдавая предпочтения (по крайней мере явного) ни одной ни другой группе. Языческие и христианские тексты для него равноправны, так как служат общей

цели – пояснению значения того или иного слова. Таким образом, он пытается примирить античную и христианскую мысли, показывая, что между ними нет принципиальных культурных различий (во всяком случае в том, что касается грамматики). Этой же цели подчинена и двухчастная структура «Дифференций», восходящих от лексического справочника к пособию по богословию.

В то же время вторая книга сохраняет форму грамматического трактата, поскольку Исидор здесь истолковывает явления через объяснение слов, которыми они обозначаются. Таким образом, в обеих книгах трактата грамматика становится инструментом для постижения мира – сначала земного, предметного, потом и горнего. Иначе говоря, по мысли Исидора, изучение грамматики необходимо для понимания богословских материй. И если в первой книге автор среди прочего объясняет категории, относящиеся к вере и богословию, с помощью инструментов грамматики, то во второй грамматика полностью растворяется в богословии.

Аудитория «Дифференций»

Кому мог быть адресован такой трактат? Как уже было сказано ранее, культура Толедского королевства создавалась руками образованных клириков и монахов. Общеизвестно, что центры образования переместились в монастырские и приходские школы. Так, из текста первого канона II Толедского собора 527 г. следует, что в том случае, если родители хотели, чтобы их сын стал священнослужителем, они могли отдать его в раннем возрасте в школу, где тот должен был учиться под надзором епископа (*sub episcopali praesentia*) до 18 лет. Затем в присутствии клира и народа епископ спрашивал их дальнейшее желание – уйти в мир и жениться или остаться служить Богу²⁸. Кроме того, источники свидетельствуют о том, что такие школы создавались и при монастырях, при условии, что там был достаточно образованный аббат или епископ. В конечном итоге, как показал О.В. Аулов, в эту эпоху обучение осуществлялось не при школе, а при учителе, от которого зависел перечень изучаемых произведений²⁹. Доказательством тому служат многочисленные биографии писателей Толедского королевства, которые связывали свое обучение с фигурой одного конкретного наставника.

Характерно также, что среди интеллектуалов того времени почти не было мирян. Исключение составляет король Сисебут, написавший «Житие св. Дезидерия» и астрологическую поэму, да комит Лавренций, известный своей богатой библиотекой. Впрочем, пример Сисебута скорее является подтверждающим правилом ис-

ключением, поскольку наставником его был сам Исидор Севильский. Нельзя сказать, что миряне (тем более знатные) совсем перестают читать, однако из писем епископа Сарагосы Браулиона явствует, что читают они главным образом Библию и житийную литературу³⁰. Характерно, что Браулион в письмах к мирянам ни разу не цитирует и не делает аллюзий на произведения античной литературы, хотя в его письмах к клирикам и монахам мы можем найти довольно много таких цитат и отсылок³¹. По всей видимости, его адресатам-мирянам такие аллюзии были просто непонятны, зато духовным лицам античная литература (по крайней мере ее основные памятники) была хорошо знакома. Наиболее ярким примером здесь выступает Исидор Севильский, который в своих «Этимологиях» цитирует Цицерона и Вергилия едва ли не чаще, чем Священное Писание.

VI и VII века выводят на сцену интеллектуала нового типа – клирика или монаха. Образование (приходская школа) и духовный сан предопределили круг их интересов, в центре которых находилось Священное Писание, а также патристика и агиография. Однако этим круг чтения интеллектуалов не исчерпывался. В Толедском королевстве продолжали изучать произведения римских классических авторов, и их знание было своеобразным знаком престижа. Наиболее образованные люди, как Исидор или Браулион, свободно цитировали их, украшая этим слог письма и демонстрируя образованность. Эти цитаты служили определенным знаком, показывающим принадлежность к высокому интеллектуальному кругу. По всей видимости, «Дифференции» Исидора Севильского были адресованы именно этому узкому слою и именно ему они могли быть интересны.

* * *

Итак, «Дифференции» несомненно представляют собой единый трактат в двух книгах, несмотря на то что вторая была написана несколько позже первой и ее тематика намного уже. Тем не менее книги связывает жанровое единство – обе они написаны в форме грамматического справочника, и это не случайно. Метод Исидора заключается в том, чтобы обнаружить происхождение и точный смысл слов, чтобы через это постичь суть явлений. В первой книге он дает определения явлениям земного мира, а во второй рассматривает сущность природы Бога, ангелов и человека. Таким образом, если первая книга является, в целом, классическим грамматическим справочником (жанр, довольно распространенный в

античности), то во второй грамматика постепенно растворяется в богословии, этике и философии.

Для того чтобы установить этимологию и значения такого количества разнообразных слов и понятий, Исидор должен был обладать неординарной эрудицией. «Дифференции» переполнены цитатами из школьных грамматик, произведений римских классических авторов, библейских текстов и трактатов Отцов церкви. Все эти разнородные источники пользуются равным уважением, вне зависимости от их жанра. Истоки этой особенности исидорова метода лежат в его авторской манере. Ведь в конечном итоге смысл явлений сводится у Исидора исключительно к терминологии. Поэтому одинаково ценными оказывались свидетельства всех привлекаемых севильским епископом авторов – от римских юристов до латинских поэтов и христианских богословов.

Потенциальными читателями «Дифференций» были так называемые интеллектуалы нового типа – образованные клирики и монахи, не чуждые античной образованности, но гораздо больший интерес проявлявшие к вопросам теологии. Замечу, впрочем, что уже самого Исидора (и в гораздо большей степени его учеников) занимала не сама теология, а отдельные вопросы литургики, толкования Священного Писания или правила благочестивого поведения. Этот интерес, однако, формировался постепенно, не нарушая связи с предшествовавшей культурной традицией.

Таким образом, в «Дифференциях» Исидора отражен процесс перехода от культуры античности к культуре Средних веков, и в этом смысле они вызывают большой интерес.

Принятые сокращения

- Braul.* Renot. – *Martín J.C.* La “Renotatio librorum domini Isidori” de Braulio de Zaragoza (+ 651) / Introducción, edición crítica y traducción. Logroño, 2002.
- Conc. de Toledo II – [concilium]. La colección canónica hispana / Ed. G. Martínez Diez, F. Rodríguez // Monumenta Hispaniae sacra: Serie canónica. Vol. 4. Madrid, 1984.
- ESB – Epistolario de San Braulio / Introd., ed., trad. por L. Riesco Terrero. Sevilla, 1975.
- Ildefonsi DVI* – *Ildefonsi Toletani episcopi.* De viris illustribus / Ed. C. Codoñer Merino // *Ildefonsi Toletani episcopi. De virginitate Sanctae Mariae, De cognitione baptismi, De itineri deserti, De viris illustribus.* Corpus Christianorum. Series Latina CXIV A. Turnhout: Brepolis, 2007. P. 475–642.

- Isidori Differ. I – Isidoro de Sevilla. Diferencias / Introducción, edición crítica, traducción y notas por C. Codoñer Merino. P.: Les Belles Lettres, 1992.*
- Isidori Differ. II – Isidorus Hispalensis. Liber Differentiarum sive de proprietate sermonum // Corpus Christianorum. Series Latina CCSL 111A / Ed. M.A. Andrés Sanz. Turnhout: Brepolis, 2006.*
- Isidori Etym. – Isidori Hispalensis Episcopi. Etymologiarum sive Originum libri XX / Ed. by W.M. Lindsay. Oxford, 1911.*

Примечания

- ¹ Подробнее о III Толедском соборе см.: *Orlandis Rovira J. El significado del Concilio III de Toledo en la Historia Hispanica y Universal // Concilio III de Toledo: XIV Centenario. 589–1989: congreso. Toledo, 1989. P. 325–332; Stocking R. Bishops, Councils, and Consensus in the Visigothic Kingdom, 589–633. Michigan, 2000; Castellanos S. Los godos y la cruz. Recaredo y la unidad de Spania. Madrid, 2007; etc.*
- ² Подробнее об Исидоре см.: *Уколова В.И. Исидор Севильский как деятель культуры раннего Средневековья // Проблемы испанской истории. М., 1984. С. 176–190; Fontaine J. Isidore de Séville et la culture classique dans l'Espagne wisigothique. P., 1959. In 2 vol.; Madoz J. San Isidoro de Sevilla: semblanza de su personalidad literaria. León, 1960; Díaz y Díaz M.C. Introducción general // San Isidoro de Sevilla. Etimologías. Edición bilingüe preparada por J. Oroz Reta y M.-A. Marcos Casquero. T. 1–2. Madrid: Biblioteca de autores cristianos, 1993. T. 1. P. 7–257; Cazier P. Isidore de Séville et la naissance de l'Espagne catholique. P., 1994; Pérez de Urbel J. San Isidoro de Sevilla. Su vida, su obra y su tiempo. 3-e ed. León, 1995; и др.*
- ³ *Isidori Etym. I.29.1: Etymologia est origo vocabulorum, cum vis verbi vel nominis per interpretationem colligitur.*
- ⁴ Подробнее см.: *Уколова В.И. Указ. соч.; Velázquez Soriano I. Latine dicitur, vulgo vocant. Aspectos de la lengua escrita y hablada en las obras gramaticales de Isidoro de Sevilla. Logroño, 2003; etc.*
- ⁵ *Fontaine J. Théorie et pratique du style chez Isidore de Séville // Vigiliae Christianae. 1960. Vol. 14. № 2. P. 65–101; Idem. Isidore de Séville auteur “ascétique”: les énigmes des “Synonyma” // Idem. Tradition et actualité chez Isidore de Séville. L.: Variorum reprints, 1988. P. VIII, 163–195; Elfassi J. La langue des Synonyma d'Isidore de Séville // Archivum Latinitatis Medii Aevi (Bulletin du Cange). 2004. Vol. 62. P. 59–100; Idem. Les Synonyma d'Isidore de Séville: un manuel de grammaire ou de morale? La réception médiévale de l'œuvre // Revue d'études augustinienes et patristiques. 2006. Vol. 52. P. 167–198.*
- ⁶ *Isidori Differ. Praef.: Plerique veterum sermonum differentias distinguere studuerunt, subtilius inter verba et verba aliquid indagantes. Poetae autem gentiles necessitate metrica confuderunt sermonum proprietates.*
- ⁷ *Sig. de Gembloux. De scriptoribus ecclesiasticis: Scripsit librum de differentiis verborum, librum de proprietate sermonum vel rerum. Цит. по: Codoñer Merino C.*

Le conception de “differentia” dans le recueil “inter aptum” d’Isidore de Séville // Revue de philologie, de littérature et d’histoire anciennes. 1986. Vol. LX. P. 189.

- ⁸ *Ildefonsi* DVI. 9: Scripsit opera et eximia, et non parva, id est, librum de Genere officiorum, librum Prooemiorum, librum de Ortu et Obitu Patrum, librum Lamentationis, quem ipse Synonymorum vocavit, libellos duos ad Florentinam sororem contra nequitiam Judaeorum, librum de Natura rerum ad Sisebutum principem, librum Differentiarum, librum Sententiarum. <...> Scripsit quoque in ultimo ad petitionem Braulionis Caesaraugustani episcopi librum Etymologiarum...
- ⁹ *Braul.* Renot.: Edidit libros Differentiarum duos, in quibus subtili discretione ea quae confuse usu proferuntur, sensu discrevit.
- ¹⁰ *Aldama J.A. de.* Indicaciones sobre la cronología de las obras de S. Isidoro // *Miscellanea Isidoriana.* Romae, 1936. P. 57–89; *Madoz J.* Op. cit. P. 24–25.
- ¹¹ *Díaz y Díaz M.C.* Op. cit. T. 1. P. 116–119; *Isidorus Hispalensis.* Liber Differentiarum sive de proprietate sermonum // *Corpus Christianorum.* Series Latina CCSL 111A / Ed. M.A. Andrés Sanz. Turnhout: Brepolis, 2006. P. 22–26.
- ¹² Подробнее см.: *Magallón García A.-I.* La tradición gramatical de differentia y etymologia hasta Isidoro de Sevilla. Zaragoza, 1996. P. 244–245.
- ¹³ *Isidoro de Sevilla.* Diferencias / Introducción, edición crítica, traducción y notas por C. Codoñer Merino. P.: Les Belles Lettres, 1992. P. 77–79.
- ¹⁴ *Isidori* Differ. I. 406 (461): Inter Percussum et percussum. Percussum corpore dicimus, percussum animo.
- ¹⁵ *Isidori* Differ. I. 391 (456): Inter Pignera et pignora. Pignera sunt rerum, pignora filiorum et affectuum.
- ¹⁶ *Isidori* Differ. I. 317 (307): Inter Ignem et focum. Ignis ipsa flamma est, focus vero fomes, ac nutrimentum ignis.
- ¹⁷ *Isidori* Differ. I. 202 (17). Inter Amare et Diligere putat differre *Cicero*, saepiusque sic utitur, ut distinguat, atque amare ponat pro ardentem amare, at diligere pro levius amare, sicut in epistolis ad Brutum: Vale, inquit, et nos ama; vel, si id maius est, dilige.
- ¹⁸ *Isidori* Differ. II. 23; II.26; II.63; II.74.
- ¹⁹ *Isidori* Differ. I. 118 (220).
- ²⁰ Подробнее об античных «Дифференциях» см.: *Differentiarum scriptores* // *Real-encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* / G. Wissowa. Bd. 5.1. Stuttgart, 1903. Col. 481–484. См. также: *Magallón García A.-I.* Op. cit. P. 239–244.
- ²¹ *Isidori* Differ. I. 317 (307): Nam Varro: Focus, aitdictus, quod foveatignem; *Idem.* Differ. I. 397 (459): Quinquesunt autem genera prodigiorum, ut Varro dicit, id est: portentum, ostentum, prodigium, miraculum et monstrum.
- ²² *Isidori* Differ. I. 39 (179): Unde est Sallustius: Loquax magis quam facundus. Et Cicero: Hunc loquacem esse habitum, nunquam dissertum.
- ²³ *Isidori* Differ. I. 207 (19): Virgilius: Degeneres animos timor arguit; *Idem.* Differ. I. 482 (48): Ut Virgilius: Tranquilla per alta angues; et paulo post: Serpens amplexus uterque. Item: Delubra ad summa dracones.

- ²⁴ *Isidori Differ.* I. 123 (183): De qua Apostolus ait: Neque ebriosi regnum Dei possidebunt.
- ²⁵ *Isidori Differ.* II. 17.51: In capite autem, ut ait sanctus Augustinus, Tres tanquam ventriculi cerebri constituti sunt...
- ²⁶ *Isidori Differ.* II. 17.47: Rationem autem humani corporis singulorumque membrorum differentiam Lactantius, sive plerique auctorum, ita definierunt, dicentes: Homo dictus est ab humo.
- ²⁷ *Fontaine J.* Théorie et pratique... P. 78.
- ²⁸ Conc. de Toledo II (a. 527). can. 1: De his quos voluntas parentum a primis infantiae annis clericatus officio mancipavit hoc statuimus observandum: ut mox detonsi vel ministerio electorum contraditi fuerunt in domo ecclesiae sub episcopali praesentia a praeposito sibi debeant erudiri; at ubi octavum decimum aetatis suae compleverint annum, coram totius cleri plebisque conspectu voluntas eorum de expectando coniugio ab episcopo prescrutetur.
- ²⁹ *Ауров О.В.* «In omni tempore paratus esto ad instructionem»: Становление церковной школы в Королевстве вестготов (VI–VII вв.) // *Одиссей: человек в истории.* 2010/2011: Школа и образование в Средние века и Новое время. 2012. С. 5–29.
- ³⁰ См.: ESB. 15, ESB. 16, ESB. 19, ESB. 20, ESB. 28–30, ESB. 34 etc.
- ³¹ См., например, письмо Тайону: ESB. 11: Sed, ne in multiloquio offendamus amicum, breuiter apud te habeas fixum, me posse remordere, si uelim, posse genuinum lesus infigere, quia et nos, iuxta Flaccum, didicimus litterulas et sepe manum ferule subtraximus, et de nobis dici potest “Fenum habet in cornu, longe fuge”; ymmo illud uirgilianum: Et nos tela, pater, ferrumque aut debile dextra // Spargimus, et nostro sequitur de uulnere sanguis.

КОРОЛЕВСТВО АРАГОН В СИСТЕМЕ АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ XIII в.

Цель статьи – выяснить роль и место королевства Арагон в системе англо-французских противоречий XIII в. Практически полное отсутствие работ на русском языке по истории средневекового Арагона делает представления о европейской дипломатии XIII в. неполными. Данная работа призвана отчасти восполнить этот пробел. Роль королевства Арагон будет рассмотрена на фоне борьбы за наследство Фридриха II Штауфена.

Ключевые слова: Арагон, Средиземноморье, Штауфены, папство, Карл Анжуйский, Сицилия.

Рассмотрение роли и места королевства Арагон в системе англо-французских противоречий XIII в. представляется чрезвычайно важным для понимания причин, побудивших это пиренейское государство принять участие в крупнейшем военно-политическом конфликте Средневековья – Столетней войне.

Несмотря на важность данной темы, количество посвященных ей работ нельзя назвать большим. В основном литература по данной проблеме представлена работами англо- и испаноязычных авторов. В большинстве своем они датируются серединой и второй половиной XX в. Многие из них выполнены на очень высоком уровне, но базировались на традиционных подходах. Например, до сих пор основной монографией по проблемам, связанным с борьбой вокруг сицилийского наследства Фридриха II Штауфена, является книга С. Рансимена¹. Из работ, посвященных истории Арагона, отметим работу Д. Шнейдмана, посвященную подъему Арагона во второй половине XIII в.² Кроме того, общие сведения содержатся в главных обобщающих англоязычных трудах по истории Испании – книгах

Д. О'Каллахена³ и Д. Хиллгарта⁴. Работы конца XX в. представляют собой скорее краткое изложение событий, чем проблемные монографии. Для примера укажем на работу ведущего английского испаниста Д. Абулафии, посвященную общей истории Средиземноморья⁵. Отметим также новую биографию одного из главных действующих лиц, Карла Анжуйского, принадлежащую перу Ж. Данбэбин⁶.

Испаноязычная историография, как нам представляется, больше ориентирована на рассмотрение проблем, связанных с Реконкистой и внутренним развитием королевства Арагон. Основные материалы общего характера содержатся в соответствующем томе общей истории Испании под редакцией Менендеса-Пидала⁷. Из монографической литературы отметим испанский перевод книги Ф. Джиунты, посвященной роли Арагона в средиземноморском регионе⁸. Ситуацию же в отечественной историографии можно охарактеризовать как историографический вакуум. Единственным исследованием по истории Арагона является диссертация Е.А. Радзиховской, посвященная франко-арагонским взаимоотношениям, и статьи, принадлежащие перу того же автора⁹. В остальном единственным источником информации для читателя, не владеющего иностранными языками, остается история Испании, написанная Р. Альтамира-и-Кревеа, которая является памятником историографии еще XIX в. Таким образом, проблему, рассматриваемую в данной статье, нельзя отнести к широко исследуемым.

Решение любой проблемы, безусловно, требует обращения к соответствующим источникам. В данном случае материалами послужили три из четырех так называемых «Великих каталанских хроник». Первая из этих хроник описывает правление короля Хайме I¹⁰. Она анонимна, хотя традиция приписывает ее создание самому королю Хайме. Две другие имеют авторов – Рамона Мунтанера¹¹ и Бернара Дескло¹². Оба автора были современниками описываемых событий, что придает хроникам большую информативность. При создании статьи использовался материал международных договоров, в частности договора в Корбейле 1259 г. Рассматривая события итальянской истории, мы обращались к материалу «Новой хроники, или Истории Флоренции» Джованни Виллани¹³.

Первый тесный контакт Арагона с Францией был связан с альбигойской ересью и борьбой вокруг владений графа Тулузского, покровителя альбигойцев. Вмешательство в эту борьбу короля Педро II, тесно связанного с Тулузским домом (сестры короля были женами графов Раймунда VI и его сына¹⁴), было обусловлено не только защитой прав его свойственника. Под угрозой оказывались его собственные заpireнейские владения: графства Руссильон

и Сердань, а также сеньория Монпелье, приобретенная благодаря удачному браку¹⁵. Гибель короля Педро II в битве при Мюре в 1213 г. означала прекращение участия Арагона в борьбе за территории и влияние в Южной Франции. В пору малолетства нового короля Хайме I проводить предыдущую политику было некому, а начало самостоятельного правления ясно показывало, что политика будет вестись в совершенно ином направлении. Показателем является отсутствие в Арагоне реакции на Договор в Мо 1229 г., чрезвычайно унижительный для Раймунда VII.

Для отказа от противостояния с Францией было несколько причин. Во-первых, общеэкономический подъем XIII в. обеспечил возникновение феномена шампанских ярмарок, доступ на которые был чрезвычайно важен для арагонского купечества. Учитывая выгодное положение Арагона и увеличение спроса в Европе на предметы роскоши с Востока, торговля во Франции могла обеспечить гораздо большие прибыли, чем борьба за земли, бывшие объектом пристального внимания со стороны Капетингов, проводивших политику централизации. К тому же на ярмарках не только велась посредническая торговля, но и вывозились местные арагонские товары¹⁶. Во-вторых, успехи Реконкисты, особенно битва при Лас-Навас де Толоса, существенно ослабили мусульманские тайфы. Успехи Арагона, такие как завоевание Валенсийской тайфы и, что особенно важно, Балеарских островов, значительно усиливали арагонское присутствие в Средиземноморье. Эти завоевания обусловили несколько главных тенденций развития королевства Арагон в XIII в.: активную борьбу за лидерство в Средиземноморье, за обеспечивающий наибольший доход контроль над торговыми путями и противостояние арагонских грандов королевской политике, которая лишала их главного – новых земельных пожалований на отвоеванных у мусульман территориях. Эта борьба, которая пришлась на вторую половину XIII в., была невозможна без урегулирования спорных вопросов во взаимоотношениях с Францией. Требовалось решить главный на тот момент вопрос о статусе заpireнейских владений короля Хайме I. Договор в Корбейле 1258 г. закреплял status quo: права арагонской короны на эти территории были признаны законными и справедливыми, в то же время стороны отказывались от взаимных претензий: Людовик IX – от прав на территории бывшей испанской марки, а Хайме I – от дальнейшего расширения своих владений¹⁷. В целом благоприятные отношения были скреплены династическим браком: дофин Филипп получил в жены Изабеллу Арагонскую¹⁸.

Борьба за господство в Средиземноморье во второй половине XIII в. чрезвычайно обострилась из-за смерти Фридриха II Гогенштауфена. В эту борьбу были вовлечены не только его наследники, но и ведущие пиренейские государства, Арагон и Кастилия, а также Англия и Франция. Разумеется, свою роль в этой борьбе играло и папство, тем более что эта борьба довольно скоро приняла весьма опасный для него оборот. К 1258 г. победителем из борьбы между наследниками Фридриха II вышел его незаконнорожденный сын Манфред. Не последнюю роль в его победе сыграли возможности и связи клана Ланца, его родственников по материнской линии. Поддержка клана Ланца имела и оборотную сторону. Манфред был вынужден вмешаться в борьбу между итальянскими гвельфами и гибеллинами, что сразу сделало его врагом Святого престола. Незамедлительно начались интриги папы Александра IV против Манфреда¹⁹. Формальный статус Сицилийского королевства – папский лен, позволял передать его новому держателю, однако всем было ясно, что фактически такой лен придется завоевывать силой. В борьбе против Манфреда на стороне Папы выступил английский король Генрих III, принявший корону для своего сына Эдмунда. В этом, как кажется, авантюрном шаге четко видны две причины, побудившие короля принять предложение папы. Во-первых, курией было использовано прямое давление. Принесенный ранее Генрихом крестоносный обет был использован папой для выполнения сицилийского проекта, что в немалой степени способствовало падению Генриха III, так как сборы, проводимые папскими агентами в Англии, вызвали бурю недовольства как среди простолюдинов, так и среди английских баронов. Вторая причина видится нам в развитии англо-французских противоречий. Потеря многих исконных владений Плантагенетов делала противостояние с Францией очевидным. Недостаток сил, да и невозможность открытой войны, означали, что будет избран другой путь для борьбы. Как представляется, замысел Генриха III состоял в том, чтобы окружить Францию кольцом враждебных государств, подконтрольных Плантагенетам. В связи с этим также следует рассматривать и английское вмешательство в борьбу за корону Священной Римской империи. Недостаток средств и позиция английских баронов привели к провалу этих планов и падению Генриха III в результате баронской войны и поражения при Льюисе в 1264 г.

Неспособность помешать возвышению Манфреда привела к очень опасной для папства ситуации. Победа при Монтаперти в 1260 г. привела к гегемонии гибеллинов в Италии, а папские владения оказались в итоге окружены владениями Манфреда. Папе Ур-

бану IV оставалось искать нового союзника против Манфреда. Закономерным выглядит его союз с Карлом Анжуйским, одним из богатейших людей своего времени. Помимо собственных обширных владений, Карл мог полагаться на помощь брата – Людовика IX, который всегда был рад помочь Святому престолу. Помимо могущества, выбор Папы (в миру Жака Панталеона) диктовался еще и симпатией к уроженцу французских областей. Расчет Папы оказался верным: в битвах при Беневенто и Тальякоццо войска Карла Анжуйского сокрушили Манфреда и Конрадина, внука Фридриха II, вторгнувшегося в Италию из немецких земель. Триумф Карла Анжуйского означал попытку реализации давних планов по созданию его персональной «империи», включавшей в себя не только территории Франции и Сицилии, но также и на Балканах и даже завоевание Константинополя. Эти планы встретили неодобрение со стороны папы Григория X, который стремился наладить отношения с восточными христианами²⁰. Его смерть в январе 1276 г. облегчила положение Карла Анжуйского, тем более что в дальнейшем никто из Пап не правил больше года. Реализация проектов Карла Анжуйского требовала огромных денег, которые методично взыскивались с населения Сицилии и других областей.

Постепенно нараставшее недовольство правлением французов, притеснения и реквизиции продовольствия выразились в итоге в мощном восстании 14 мая 1282 г., известном как «Сицилийская вечерня»²¹. Разом перечеркнувшее все планы Карла Анжуйского, оно к тому же вовлекло его в полномасштабную войну с Арагоном. Собственных сил, пусть и весьма значительных, для противостояния было недостаточно, поэтому в конфликт была втянута и собственно Франция во главе с королем Филиппом III, племянником Карла. Для восставших сицилийцев единственным шансом на спасение было обращение за помощью в Арагон, к королю Педро III. Между Арагоном и Сицилией существовали давние и тесные связи, еще со времен Фридриха II. Сам Фридрих был женат на Констанции Арагонской²², а Педро III получил в жены дочь Манфреда Констанцию Сицилийскую²³. Но у короля Арагона имелись и другие претензии к Карлу Анжуйскому. Жена Карла, Беатриса Прованская, унаследовала графство Прованс от своего отца Раймунда-Беренгария целиком, без выделения долей трем другим сестрам. Обойденным чувствовал себя и отец Педро III, Хайме I, ведь граф Прованский был его двоюродным братом. Так что претензий к Карлу у Педро III было достаточно и без очевидного посягательства на наследство его жены. Своевременная помощь от Арагона спасла восставших сицилийцев, но выбить Карла с юга Аппенинского по-

луострова пока было нереально. Словом, предстояла большая война. Война, которая не могла быть разрешена традиционным для рыцарей способом – поединком отрядов²⁴.

В большой войне Карл Анжуйский использовал своих главных союзников – папу Мартина IV и Филиппа III. Папу Мартина удалось уговорить объявить против Арагона крестовый поход, а французский король предоставил большую армию и сам отправился в поход. Смерть самого Карла Анжуйского накануне экспедиции в Арагон не означала отмены похода. В данном случае говорить приходится о полноценном противостоянии Арагона с Францией, а не с державой Карла Анжуйского. Успехом для Франции стало известие о безопасном проходе через запиренныхские владения короля Майорки²⁵, но в целом поход закончился полным провалом. Французские войска были разбиты в горных проходах, а сам король Филипп III скончался во время эпидемии. Для всех было очевидно, что необходима передышка, тем более что новый король, Филипп IV, был известен как противник похода. Фактически переговоры велись между тремя сторонами: Арагоном, Францией и наследником Карла Анжуйского Карлом II Салернским. Посредником между сторонами выступил английский король Эдуард I. Вмешательство Плантагенета может выглядеть несколько неожиданным, но тем не менее оно вполне логично и объяснимо. Его правление в истории Англии известно как череда военных походов против шотландцев и валлийцев. Эти войны требовали самого пристального внимания и больших расходов. Очевидно, что в этих условиях управление континентальной частью державы Плантагенетов и ее судьба были очень важными. Невозможность играть активную роль в европейской политике требовала курса на консервацию существующей структуры, известной стабильности, позволяющей избежать борьбы вокруг континентальных владений. Помимо стремления избежать опасности для владений Плантагенетов во Франции, пусть и потенциальной, король Эдуард стремился и приобрести антифранцузски настроенного союзника, одновременно ослабив Францию. Своеобразным препятствием было, однако, нахождение Карла Салернского в арагонском плену²⁶. За предоставление свободы он был готов на очень большие уступки, с которыми вряд ли согласились бы во Франции. На переговорах в Конфранке Эдуарду I для достижения мира пришлось согласиться с тем, что он внес бы соответствующие денежные суммы и предоставил необходимых заложников на время выполнения условий мира в случае, если бы этого не смог сделать Карл Салернский²⁷. На этом же этапе можно констатировать крупный успех Эдуарда I:

мир, казалось, был достигнут, а король Альфонсо III был обручен с английской принцессой.

Смерть Альфонсо III перечеркнула все надежды на мир. Новый король, Хайме II, передал Сицилию своему брату Федерико, а сам умудрился поссориться с папой, отказавшись возвращать Балеарские острова Хайме II Майоркскому. До избрания Папой Римским Бонифация VIII в Ватикане царил хаос, а без санкции папы любые переговоры были бессмысленны. Казалось, переговоры в Ананьи, проведенные уже при папе Бонифации в 1295 г., могут положить конец почти полувековой смуте, однако условия мирного договора категорически не устроили Федерико, который должен был вернуть Сицилию, а сам в качестве компенсации получал право на завоевание Константинополя, которым теоретически владела его новая жена Екатерина де Куртэнэ. Для всех, в том числе и для самого Федерико, было очевидно, что новое завоевание Константинополя невозможно. Отказавшись покинуть Сицилию, он объявил собственному брату войну, которая была недолгой ввиду явного превосходства Арагона на море. Разгромив брата, Хайме II отчетливо понимал, что урегулирование сицилийского вопроса, притом на долгое время, совершенно необходимо. Война, длящаяся почти 20 лет, истощила Арагон. К тому же требовали урегулирования и другие вопросы – в частности взаимоотношения с Майоркой, Кастилией. Так же необходимо было подавить недовольство арагонской знати, протестующей против политики короля.

Окончательное разрешение сицилийского вопроса обычно датируют 1302 г. – заключением Кальтабеллотского мирного договора. В целом, условия договора были благоприятными для Федерико – он сохранял Сицилию за собой, но с условием, что после его смерти она вернется к наследникам Карла Анжуйского. Его брак с Екатериной де Куртэнэ был расторгнут, а его новой женой стала Алиенора, дочь Карла Салернского²⁸. Непродуманная экспедиция Роберта, брата Алиеноры, позволила не выполнять пункт о возврате Сицилии. Фактическим же итогом борьбы стало то, что Сицилия стала частью арагонской средиземноморской державы, ее оплотом.

Анализируя внешнеполитическое развитие Арагона в XIII в., хотелось бы отметить следующее. Отказ от борьбы в Южной Франции позволил Арагону скопить достаточно сил для развития решающего успеха в деле Реконквисты – битвы при Лас-Навас де Толоса. Экспансия, проводимая в первой половине XIII в., особенно захват Балеарских островов, обозначила цель и главный вектор развития Арагона – создание средиземноморской империи. Рубежная дата, 1250 г., означала и начало чрезвычайно важной борьбы

за наследство Фридриха II, борьбы в Средиземноморье и немецких землях империи. В этой борьбе королевство Арагон вступило во взаимодействие с двумя ведущими государствами Западной Европы – Англией и Францией. Наличие больших спорных территорий обусловило складывание англо-французских противоречий, сыгравших огромную роль в истории и цивилизации Средневековья. На данном этапе исторического развития эти противоречия не могли быть разрешены в форме прямого вооруженного конфликта. Борьба между Плантагенетами и Капетингами выражалась пока в попытках посадить на вакантный престол нужного кандидата. Таким образом, борьба Арагона за лидерство в Средиземноморье наложилась на борьбу между Англией и Францией. Итогом данного процесса стало охлаждение некогда благоприятных отношений с королевством Капетингов, усиление английского присутствия в Арагоне. Отметим, что и в дальнейшем в Арагоне будут предприниматься шаги, имеющие явно антифранцузскую направленность. Например, будут отсутствовать гонения на тамплиеров, инициированные Филиппом IV. Обозначенные выше тенденции в средиземноморской политике Арагона, продолжение борьбы за лидерство и конкуренция с королевством Майорка обнаружатся и в XIV в. Кроме того, более тесная связь с Англией и Францией проявится в том, что королевство Арагон примет участие в Столетней войне и будет рассматриваться как один из ее участников.

Примечания

- ¹ *Runciman S.* The Sicilian Vespers: A History of the Mediterranean World in the Later Thirteenth Century (рус. перевод: *Рансимен С.* Сицилийская вечерня. История средиземноморья в XIII веке. СПб.: Евразия, 2007).
- ² *Shniedman J.L.* The rise of the Aragonese-Catalan empire. 1200–1350. N. Y.; L., 1970.
- ³ *O'Callaghan J.F.* A history of medieval Spain. Ithaca: Cornell univ. press, 1975.
- ⁴ *Hillgarth J.N.* The Spanish kingdoms. 1250–1516. Oxford: Clarendon press, 1976.
- ⁵ *Abulafia D.* The western Mediterranean kingdoms, 1200–1500. N. Y.: Longman, 1997.
- ⁶ *Dunbabin J.* Charles I of Anjou: power, kingship and state-making in thirteenth-century Europe. N. Y.: Longman, 1998.
- ⁷ Historia de España. T. 13: La expansión peninsular y mediterránea (с. 1212 – с. 1350). Vol. 2: El Reino de Navarra. La Corona de Aragón. Portugal. Madrid: Espasa-Calpe, 1990.
- ⁸ *Giunta F.* Aragonesas y catalanes en el Mediterraneo. Barcelona: Ariel, 1989.
- ⁹ *Радзиховская Е.А.* География арагоно-французской торговли во второй половине XIII – начале XIV в. // Общество и государство в древности

- и Средние века. М.: Изд-во МГУ, 1984; *Она же*. Торговые отношения королевства Арагон с Францией во второй половине XIII – начале XIV в. (по данным арагоно-каталанских таможенных тарифов) // Проблемы истории античности и Средних веков. М.: Изд-во МГУ, 1983.
- ¹⁰ *Historia del rey de Aragon Don Jaime I, el conquistador*. Valensia, 1848.
- ¹¹ *Muntaner R*. Cronica. Ontario, 2000.
- ¹² *Desclot B*. Chronicle of the reign of king Pedro III of Aragon. A. D. 1276–1285. Princeton: Princeton univ. press, 1928.
- ¹³ *Виллани Д*. Новая хроника, или История Флоренции. М.: Наука, 1997.
- ¹⁴ *Семенов И.С*. Европейские династии. М.: Инфра-М, 2006. С. 95.
- ¹⁵ *Historia del rey de Aragon Don Jaime I, el conquistador*. P. 17.
- ¹⁶ *Радзиховская Е.А*. Торговые отношения королевства Арагон с Францией... С. 73.
- ¹⁷ *Treaty of Corbeil*.
- ¹⁸ *Семенов И.С*. Указ. соч. С. 331.
- ¹⁹ *McBrien R*. The pocket guide to the Popes. N. Y.: Harper Collins, 2006. P. 206.
- ²⁰ Отражением этой политики Папы стала Лионская уния, заключенная в 1274 г.
- ²¹ *Desclot B*. Op. cit. P. 53.
- ²² *Семенов И.С*. Указ. соч. С. 1046.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Хотя такая попытка и была предпринята, однако по нелепой случайности не было оговорено точное время поединка, а только место – Бордо, владения английского короля. В итоге каждая из сторон объявила о своей победе. См.: *Muntaner R*. Op. cit. P. 116.
- ²⁵ По завещанию короля Хайме I, его держава была разделена на две части. Часть, состоящая из Балеарских островов и записренейских владений, обычно называется королевством Майорка. См.: *Hillgarth J.N*. Op. cit. P. 251.
- ²⁶ В который он попал во время неудачной морской экспедиции еще при жизни отца.
- ²⁷ *Рансимен С*. Указ. соч. С. 317.
- ²⁸ *Семенов И.С*. Указ. соч. С. 993.

Ю.Я. Вин

КТО «ХОЗЯИН ДОМА»?
ВИЗАНТИЙСКИЙ КОНЦЕПТ
«ДОМОПРАВИТЕЛЯ»*

Статья раскрывает отличительные черты византийского концепта «хозяина дома» – «домоправителя». Существовало несколько понятий, надежных таким смыслом. «Домоправитель» обладал заметным положением в родной деревне, предопределенным его экономическим и правовым статусом. «Домоправитель» представлял интересы своих односельчан и «остального народа» в сельском самоуправлении. Данные о «домоправителях» прослеживаются на протяжении почти всей византийской истории.

Ключевые слова: социокультурный концепт, «домоправитель», «икодеспот», сельская община.

Let us seek to discern what we can – some dim outline of a pattern – in the shadows of the past, for even so much is surely difficult enough.

(Постараемся разглядеть, что сможем? – хотя бы тусклые очертания модели – среди теней прошлого, хотя и это, конечно же, достаточно трудно.)

I. Berlin (И. Берлин)

С давних пор зажиточных обитателей византийской деревни их современники называли «лучшими» (κορείττους) и «домоправителями»-«икодеспотами» (οικοδεσπότες)¹. Здесь надо сказать, что понятие «лучшие» (meliores) хорошо известно и в западноевропейском селе эпохи Средневековья, где среди членов общины выделяется прослойка тех, кого испокон веков считают

© Вин Ю.Я., 2013

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-01-00270а).

«наиболее богатыми», «наиболее древними» и «наиболее мудрыми»². Понятие «домоправитель» можно было бы напрямую, как это делает Э. Бенвенист, возвести к Новому Завету (Matt. X. 25; XIII. 27, 52; XX. 1; Luc. XXII. 11). Недаром И. Буркхарт, один из авторов известного исторического лексикона фундаментальных понятий, связывая концепт «икодеспот» непосредственно с концептами «экономия» (οἰκονομία) и «икос»-«дом» (οἶκος), в контексте антитезы концептов «κύριος» и «δεσπότης» называет указанный термин, соответствующий латинскому понятию «*pater familiae*», евангельским словом. Оно по своему значению, как полагает немецкий ученый, равно понятию «домоправитель»-«иконом» (οἰκονόμος), тогда как М. Ридель, собрат И. Буркхарта по перу, отождествляет значение понятия «икодеспот» с «хозяином дома»³. Действительно, прототип этого понятия, согласно мнению Э. Бенвениста, вполне отчетливо просматривался в античности как альтернативное обозначение «хозяина дома» в противоположность «хозяину» в широком смысле этого слова⁴. Поэтому особо следует отметить не замещение в церковнославянских переводах Нового Завета старославянского эквивалента «домодержцы» другими синонимами, а тот факт, что понятие «домоправитель» выходит на передний план по крайней мере в одной из среднеаттических комедий середины IV в. до н. э., приписываемой Алексиду Комику (Alex. 225). Ее, как хорошо известно, отличает несомненное обращение к бытовым сюжетам⁵. И это уже само по себе указывает на источник заимствования понятия «икодеспот» в повседневном народном языке. Впоследствии, словно бы иллюстрацию дальнейшей эволюции названного понятия, его можно встретить в сочинениях Арриана (II в. до н. э.) «Рассуждения Эпиктета» (3.22.4) и «Этике» (613A) Плутарха (I в. н. э.). Это само по себе не нуждается в дополнительных комментариях, разве только влечет вывод о широте жанрового диапазона литературных трудов, авторы которых прибегали к рассматриваемому понятию.

Особое внимание вызывает понятие «икодеспот» в гражданском законодательстве. Здесь его латинским прототипом является хорошо известное в римском праве обозначение главы семейства – «*pater familiae*». Его греческий эквивалент упоминают «Василики» и их компиляции, в частности схолии к «Василикам», «Эклога Василик» и схолии к ней, «Синописис Василик», «Прохирон расширенный», «Типукейтос» великого судьи Патзи, «Шестикнижие» Константина Арменопула и некоторые другие правовые памятники. В полном соответствии с ранневизантийской правовой традицией правовая мысль последующих столетий оттеняет

те аспекты восприятия этого понятия современниками той эпохи, которые определяет статус «икодеспота» не просто как лица, возглавлявшего «семейство» вместе с подвластными ему родственниками и домочадцами, но и распорядителя семейными имуществами⁶. Иначе говоря, средневековая интерпретация этого понятия в конечном счете рисует образ собственника и владельца «дома» как в прямом, так и в переносном смысле этого слова⁷. Кроме того, характеристику «икодеспота» дополняет еще одна важнейшая черта, наделявшая его в качестве попечителя находящихся в его подчинении членов семейства и управляющего их и своей собственностью, – обязанность проявлять «большую заботу» (μεγάλην ἐπιμέλειαν) о благополучии «ближних» (τὰ παραπλήσια). Согласно этому «икодеспот» признан «самым заботливым хозяином дома» (ὁ ἐπιμελέστατος οἰκοδεσπότης), «мудрым», «хорошим» и т. д.⁸

Безусловно речь идет не о знаке равенства между позднеантичной номенклатурой и ее средневековыми эквивалентами. В связи с этим нужно обратиться к понятию «икокирис» (οἰκοκύρις) – «хозяин дома». Р.Я. Бартикян, осмысливая общественный статус «икокириса», предположил, что названный термин служит обозначением чиновника⁹. Этому суждению не противоречит, на первый взгляд, хотя оно не исчерпывает полностью содержания данного почетного звания, общепринятая в византийских актах титулатура его носителей – «свершенный хозяин дома» (τέλειος οἰκοκύρις или τέλειοι οἰκοκύριοι)¹⁰. Это были, судя по содержанию актов, в которых фигурирует указанное понятие, представители господствующего класса – состоятельные земельные собственники, способные выплатить задолженность церковных учреждений и стать их ктиторами, а также привилегированные обладатели византийского иммунитета, наделявшего его получателя полномочием «свершенной экскуссии и господства» (κατὰ τελείαν ἐξουσίαν καὶ κυριότητα), которым оказываются однозначны отношения «собственности» (δεσποτεία)¹¹. В этом смысле показательна красноречивая преамбула завещания Феодора Сарантина. Он, жертвуя в 1325 г. монастырской обители довольно крупное имущество, в признание владельческих прав провозгласил «свершенную собственницу и достойную домохозяйку» (τέλειαν δεσπότην καὶ ἀξίαν οἰκοκυρίαν)¹². В качестве же «хозяина дома» (ὡς οἰκοκύρις) мог быть объявлен, согласно договору Кутлумушского монастыря начала XIV в., вступивший во владение уступленной ему обителью монах¹³. Недаром монах Нил со своими братьями на рубеже последней трети указанного столетия, подкрепляя свои дарения Ватопедскому монастырю, не забыл упомянуть о владельческих правах одного из своих братьев, потому что он всю

жизнь выступал «как домохозяин» (ὡς οἰκοκύριος)¹⁴. А Димитрий Кавасила в своей дарственной 1331 г. тому же монастырю подтвердил, что его монахи становятся «с сегодняшнего дня как домохозяева» (ὡς οἰκοκύριοι)¹⁵. Равно и Михаил Иераки, «раб» василевса, как было принято обозначать императорского поверенного, жертвуя в 1362 г. построенную им обитель и вложенные в нее на помин души движимые и недвижимые имущества Кутлумушскому монастырю, его насельников рассматривал «как свершенных собственников и “хозяев дома”» (ὡς τέλειοι δεσπῶται καὶ οἰκοκύριοι)¹⁶. Точно так же святогорский прот. Дорофей, утверждая в 1387 г. во владении кельей пророка Или Кутлумушский монастырь, наставлял его насельников владеть расположенным там храмом «как “хозяева дома” свершенные»¹⁷.

Особого внимания заслуживает и тот факт, что в 1369 г. угровлашский воевода Иоанн Владислав, урегулировав конфликт между греческими и валашскими насельниками Кутлумушского монастыря, выступал с позиций «хозяина дома» и монастырского ктитора (ὡς οἰκοκυρίου καὶ κτήτορος)¹⁸. В конце XIV в. монах Иосаф, покинув Афон, где оставались без надлежащего присмотра приобретенные ранее у протата кельи и виноградник, озабочен тем, чтобы подыскать для своих имений нового основательного хозяина с помощью ватопедского иеромонаха Дорофея Кириелеиса, доверенного лица и попечителя¹⁹. Несомненно он был выбран в качестве представителя Иоасафа на правах «равного его домохозяина» (ἴσον αὐτοῦ οἰκοκυρίν), потому что способен продать имения «словно свершенный вместо него хозяин и икокирис» (καθὰ τέλειος ἀντ' αὐτοῦ δεσπότης καὶ οἰκοκύρις). Одновременно и сам кир Иоасаф признан «хозяином дома» (οἰκοκύρις), от которого ожидается подтверждение совершенной сделки²⁰. В том же самом ключе монахи Алипийского монастыря, оговаривая в 1422 г. условия их соглашения с афонскими насельниками Пантелеймонова монастыря о совместном использовании гавани и причала для стоянки морских судов, определяют свой статус «как законные и владетельные “хозяева дома”» (ὡς γνήσιοι καὶ κύριοι οἰκοκυροὶ)²¹. Соответственно несколькими годами позже, когда иеромонах Феодул принял решение посвятить в монастырь Дионисия храм и вполне внушительные по своим размерам кельи в одной из крепостей на Лемносе, их владелец подчеркнул свою правомочность, представив себя «как свершенный икокирис и ктитор я» (ὡς τέλειος οἰκοκύρις καὶ κτήτωρ ἐγώ)²². Словом, понятие «икокирис», думается, выражает выражением социальной альтернативы «икодеспоту».

В свою очередь, обозначение «икодеспоты» прежде всего подразумевает наглядно выраженные особенности формирования в византийское Средневековье определенной прослойки сельского населения²³. Она, если следовать «Трактату об обложении», где понятие «хороикодеспоты» (χωροοικοδοεσπόται) стяжало значение сугубо технического термина, достаточно отчетливо противопоставлена «просто хоритам» (ἀπλῶς χωρίται), т. е. основной массе жителей села²⁴. Поэтому не вызывает никаких сомнений интерпретация даже разрозненных упоминаний представителей социального слоя «домоправителей» и в других документах X–XI вв.²⁵ Безусловно актывые материалы этого времени, в том числе соглашения 982 г. о признании со стороны жителей крепости Иериссо прав собственности Ивирского монастыря, которому отошли земли местных обитателей, доказывают, что упомянутые в их рядах «икодеспоты» принадлежали к местной элите. Во всяком случае в первом из документов среди семидесяти четырех подписей жителей Иериссо наряду с высокопоставленными лицами – архонтами, титулованными сановниками, священниками и клириками – выявляются не более чем два «икодеспота»²⁶. А во втором документе также, по-видимому, двое «икодеспотов» названы в числе двадцати четырех, или чуть более того, избранных, которым противопоставлены «остальные» жители крепости²⁷. Акты указанной эпохи обнаруживают неординарный социальный статус «домоправителя» и непосредственно на селе благодаря упоминаниям «икодеспота» в одном ряду с другими представителями общинной верхушки²⁸.

Следует подчеркнуть, что упоминаемые среди титулованных сановников и чиновников «икодеспоты» сами не обладали какими-либо иными признаками привилегированного общественного положения, кроме указанного обозначения. Это подтверждает, к примеру, завещание монахини Гликерии. При подписании этого акта 1016 г. в числе «достоверных» свидетелей наряду с титулованными лицами и архонтом острова Скир, где находились имения завещательницы, присутствовали три «икодеспота» – Андрей, Лев Гурнаки и Митзос Лапарис. Отличительными чертами их социального статуса, помимо того, что первый и последний из них обозначены не просто в качестве «домоправителей», а как «икодеспоты Лемноса», вероятно, служат формы написания их личных имен: патроним Андрея не был указан вовсе, а у третьего представлен в виде прозвища (τῷ ἐπίκλην – sic!)²⁹. Можно предполагать, что общественное положение «икодеспотов» определяли не знатность происхождения, ни властные полномочия, а авторитетность в качестве видных домохозяев. Благодаря этому члены рассматриваемой

прослойки оказывались сопряжены с кругом титулованных и полномочных представителей власти. В этом плане нельзя не рассмотреть имен селян, выставивших в 1008 г. свои «кресты» в акте соглашения жителей хориона (села) Радохоста с местным монастырем. В частности, обращает на себя внимание подпись Добрилы в конце этого документа. В данном случае к лицу, названному «икодеспотом», прилагается понятие «больший», притом что он оказался, по всей видимости, единственным членом его сельской общины, кто был удостоен такого звания³⁰. Схожим образом два икодеспота из хориона Вухадзу в середине XI в. стали активными участниками размежевания земельных владений Ивирского монастыря и жителей крепости Едзева, когда они выступили наряду с сановными лицами всей округи и сельскими священнослужителями в качестве «достойных веры» свидетелей³¹.

В целом наметившиеся тенденции отчетливо проявляли себя и в последующие века византийской истории. Бесспорно, состоятельные «икодеспоты» наравне с зажиточными «лучшими», местными стратиотами, приходскими церковнослужителями, белым и черным духовенством образовывали неотъемлемую часть населения поздневизантийского села. Его жители названных категорий не были полностью социально однородны. Часть из них несомненно вливалась в сельскую верхушку, примыкая по своему общественному положению к низшим слоям господствующего класса. Многие или даже большинство представителей рассматриваемой группы сельского населения по образу и уровню жизни ничем существенно не отличались от основной массы деревенских жителей. Однако само возникновение на селе столь специфической социальной прослойки превращало ее в весомый фактор социальной структуры селян и организации сельского самоуправления. Неразрывная связь членов этой прослойки с местной сельской общиной заметно влияла на ее социально-экономический и политический облик³².

Оценивая деятельность сельского самоуправления, нельзя игнорировать того, что в XIII–XIV вв., когда иммунитетные права крупных византийских землевладельцев заметно расширяются, мелкие проиары, впрочем так же, как и многие другие собственники средней руки, в управлении зависимой от них долей села обычно полагались на тамошних «икодеспотов», «лучших», номиков (делопроизводителей)³³ хорионов, священников и иных членов общинной верхушки. Их участие в составе сельского суда, собиравшегося под эгидой церковных учреждений или епископов для урегулирования поземельных отношений крупных собственников,

заставляет предполагать, что икодеспоты не только отстаивали и блюли во время судебных расследований интересы своих господ, но и осуществляли надзор над их поместьями. Так, это касается некоторых земельных имений в регионе Смирны – пронии Сиргария и других видных землевладельцев – паракимомена Нестонга, Рауля Комнина, Враны Комнина. В их владениях может быть отмечена общественная активность представителей указанной группы жителей сел, запечатленная в ряде судебных постановлений и прочих актах³⁴. Пожалование земельному собственнику судебных прав в отношении жителей его вотчины отнюдь не ослабляло, как можно было бы ожидать, а напротив – укрепляло позиции членов сельского самоуправления и в их ряду «икодеспотов». Отныне они располагали возможностью судить от имени своего господина. В самом деле, прониар Сиргарий, а затем и крупная землевладелица Комнина Вранина предпочли «бивших им челом» по поводу спорных деревьев семьи Полея и Воловоду отослать «за правдой» к суду местных «икодеспотов». Первоначально истец, Иоанн Полея, обратился к своему господину – прониару Сиргари. Тот препроводил жалобщика «к суду у икодеспотов его пронии». Решение «лучших икодеспотов хориона», однако, не удовлетворило наследников Иоанна Полея. В 1251 г. они пытались заручиться поддержкой их госпожи Вранины Комнины. Та тоже не пожелала рассматривать спорное дело между семьей Полея и ответчиком Воловоду. Оно вновь перешло на суд «икодеспотов» хориона. Показательно, что сельский суд запретил обжаловать свое решение в церковном или архонском суде³⁵. Благодаря сельской верхушке, в том числе «икодеспотам», принимавшим непосредственное участие в работе поместного суда, судебная практика этой поры несомненно наследовала некоторые общинные традиции.

«Икодеспоты» играли важную роль в урегулировании земельных споров. В этом плане типична тяжба жителей хориона Приновари из-за хорафия (поля, земельного участка) Спана. Она урегулирована в 1228 г. в присутствии представителей церковной и гражданской администрации Смирны, практора (фискального чиновника) названного хориона, местных иереев, «икодеспотов», прочих жителей этого и других сел³⁶. Аналогичным образом глубоко символично то, что исход тяжбы между Хиландарским и Ватопедским монастырями в конце XIII в. предрешили свидетельства эпиков (жителей) Комитиссы³⁷. Из их общего ряда выделяются иереи, «старцы», «икодеспоты», которые противопоставлены, как сказано в судебном постановлении, «остальному народу»³⁸. По общепризнанному мнению, указанные категории жителей позднее

византийской деревни образовывали прослойку крестьян, примыкавших по своему положению к феодальным землевладельцам, но отличавшихся от них по происхождению и социальному статусу³⁹.

Вместе с тем даже в последние столетия существования Византии словоупотребление «икодеспот», встречаясь на страницах литературных или полемических памятников, получало весьма емкий смысл безотносительно социального статуса его носителя. Там оно отображало в какой-то мере фактическое положение в обществе «домовладельца»⁴⁰. Собственно говоря, о том в начале XIII в. напоминает Димитрий Хоматиан. Сообразно его рассуждениям, даже в иносказательном смысле слова понятие «икодеспот» оставалось неразрывно связанным прежде всего с представлениями о владельце жилья и хозяине дома⁴¹. Почти одновременно или несколько раньше весьма выразительную характеристику положения «икодеспота» дал в одном из посланий Иоанн Апокавк. После подробного описания подсобного хозяйства своей резиденции, где Иоанн Апокавк пребывал в качестве хорепископа (сельского епископа), он обуславливает понятие «икодеспот» наличием «большого», «разнообразного» и «постоянного» хозяйства (τὰ ἐγκείμενα)⁴². Послание Иоанна Апокавк, вероятно, дает ключ и к правильно-му объяснению неоднократных упоминаний о «домоправителях» и «лучших» в актах XIII–XIV вв.⁴³ Впрочем, позже Житие Ромила односложно характеризует как «икодеспота» (τοῦ οἰκοδεσπότη) обитателя бедной монашеской кельи⁴⁴. Соответственно средневековый славянский перевод названного жития приравнивает ее насельника к «господину келии»⁴⁵. В данном контексте славянское понятие «господин» безусловно следует считать эквивалентом греческого титулования «кир» (τοῦ κυρίου). Иначе говоря, славянский концепт косвенно опосредует фигуральную контаминацию двух греческих обозначений «хозяина дома». Как бы то ни было, имея в виду иносказательный характер сведений Жития Ромила и его славянской версии, нельзя не сослаться также на упоминание об «икодеспотах» (буквально – οἰκοδεσποτεύοντες) в «Истории» Дуки. Судя по тому, в хорионах бассейна Стримона эта социальная группа сельского населения уцелела вплоть до турецкого завоевания⁴⁶.

Таким образом, в ментальности византийского общества сложился вполне устойчивый социокультурный концепт «хозяина дома». Но представления о нем не были однозначны и стереотипны. Это отображало использование в качестве обозначений «хозяина дома» нескольких терминов. Запечатленные в праве и документах очертания образа «хозяина дома» оказываются размыты. Без-

условно, нельзя с точностью определить его отличия от прочих представителей верхушки сельского сообщества, к которым одновременно прилагался эпитет «лучшие» и другие обозначения. По всей видимости, представителям этой категории византийского социума были свойственны существенные различия в общественном положении. Его предопределял экономический и правовой статус, обеспечивавший носителям указанных социальных признаков достаточно заметное положение в их родных селах. «Хозяин дома», или «домоправитель»-«икодееспот», принадлежал к состоятельным и видным жителям села или провинциального городского поселения. Члены этой прослойки нередко бывали причастны, хотя бы в форме пассивного освидетельствования споров, к местному самоуправлению. Вероятно, неиссякаемая потребность представлять там интересы своих односельчан и рядовых обывателей поселка, а также обязанность осуществлять надзор за ними в имениях крупных земельных собственников делает возможным проследить сведения о «хозяевах дома» на протяжении практически всей истории Византии.

 Примечания

¹ *Patlagean E.* Pauvreté économique et pauvreté sociale à Byzance 4e–7e siècles. P., 1977. P. 265 etc.; *Kazhdan A.* Il Contadino // L'Uomo bizantino / A cura di G. Cavallo. Roma; Bari, 1992. P. 47.

² *Verhulst A.* Villages et villageois au Moyen Âge // Villages et villageois au Moyen Âge. P., 1992. P. 12.

³ *Geschichtliche Grundbegriffe: Historische Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland / Hrg. von O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck.* Stuttgart, 1992. Bd. 7. S. 514, 531–532. Ср.: *Ibid.* 1975. Bd. 2. S. 722–723.

⁴ *Benveniste É.* Le vocabulaire des institutions indo-européennes: 1. Économie, parenté, société. P., 1969 (далее – *Benveniste É.* Le vocabulaire... 1). P. 304–305, 336 = *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 203, 220.

⁵ Подробнее см.: *История греческой литературы.* М.; Л., 1946. Т. 1. С. 475–476.

⁶ См.: D. L. 16. 195. 2. – B.A. II. 2. 187. 2. Также см.: EB. II. 2. 187. 1–2 (81); EB.Schol. II. 2. 187. 1–2 (P. 58.8–11 etc.; P. 59.10–14). Наряду с приводимыми примерами см.: B.A. XLIV. 13. 1; B.A. XLIV. 13. 7. 1 – SB. A. 1. 94; B.A. LII. 1. 42; B.V. XVI. 1. 64. 1 (Vers. B.; l. 955); B.V. XXV. 1. 8. 4 (Vers. Pa.; l. 1771); B.V. XLVIII. 3. 23. 1 (Vers. Pc.; l. 2833); Tipoukeit. XLIV. 105 (=100; IV. P. 156.6–12); PA. 38. 3; 38. 24. Равным образом см.: Epit. Leg. XXXVI.69; Ecl. Leg. in Epit. Expos. VI.53.

⁷ EB.Schol. II. 2. 187. 1–2 (P. 59.10–13); EB.Schol. VII. 8. 18 (P. 290.27 – P. 291.3); EB.Schol. VII. 8. 21 (P. 291.21–24 etc.).

- ⁸ См.: D. XXVI. 7. 33 – В.А. XXXVII. 7. 33 – EB.Schol. II. 3. 23 (P. 88.13–32); B.B. XLII. 3. 25. 16 (Vers. Pb.; l. 2605–2606). Также см.: В.А. X. 24. 1; XVI. 1. 65; B.B. XIV. 1. 8. 5 (Vers. P.; l. 818) – SB. E. 38. 27 – SB.Schol. E. 38. 27; B.B. XVI. 9. 1. 5 (Vers. B.; l. 1011); B.B. XLV. 2. 29. 5 (Vers. Pc.; l. 2687); LX. 21. 1. 3 (Vers. Pe.; l. 3514); SB. A. 70. 41 – АНВ. I. 12. 53; АНВ. Titl. D.Schol. 2. 55.
- ⁹ Автор благодарен за сделанное указание Д. Коробейникову.
- ¹⁰ Например, см.: Actes du Pantocrator / Éd. dipl. par V. Kravari. P., 1991. Texte (далее – Pant.). № 4.20; № 5.31; Actes de Lavra / Éd. dipl. par P. Lemerle et al. P., 1979. Vol. 3: Texte (далее – Lavra 4). № 154.21; Actes d'Iviron / Éd. dipl. par J. Lefort et al. P., 1995. Vol. 4: Texte (далее – Ivir. 4). № 95, 3, 7.
- ¹¹ Pant. № 4.14–15. Ср.: Ibid. № 5.16–17.
- ¹² См.: Actes de Vatopédi / Éd. dipl. par J. Vompaire et al. P., 2001. Vol. 1: Texte (далее – Vatop. 1). № 64.26.
- ¹³ См.: Actes de Kutlumus / Nouv. éd. par P. Lemerle. Texte. P., 1988 (далее – Kutl.). № 6.5–6 etc.
- ¹⁴ См.: Actes de Vatopédi / Éd. dipl. par J. Lefort et al. P., 2006. Vol. 2: Texte (далее – Vatop. 2). № 134a.7–9.
- ¹⁵ См.: Vatop. 2. № 72.6–7.
- ¹⁶ См.: Kutl. № 24.17–18.
- ¹⁷ См.: Kutl. № 39.6–8.
- ¹⁸ См.: Kutl. № 26.53–54 etc.
- ¹⁹ О монахе Иоасафе, в миру Иоанне Дуке Палеологе (Уроше), см.: Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit / Erst. von E. Trapp u. a. Wienn (далее – PLP). Fasc. 9. № 21179. Об идентификации Дорофея см.: PLP. Fasc. 6. № 14006.
- ²⁰ См.: Actes de Dionysiou. Texte / Éd. dipl. par N. Oikonomidès. P., 1968 (далее – Dion.). № 9.8–10, 18–20 etc.
- ²¹ См.: Actes de Saint-Pantéléômôn / Éd. dipl. par P. Lemerle et al. P., 1982 (далее – Pantél.). № 19.15 etc.
- ²² См.: Dion. № 12.30–31 etc.
- ²³ См.: *Dölger F.* Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung besonders des 10 und 11. Jahrhunderts. 2. Aufl. Hildesheim, 1960 (далее – Traktat.). S. 135; *Rouillard G.* La vie rurale dans l' Empire byzantin. P., 1953. P. 89 etc.; *Svoronos N.* Recherches sur la cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles. Le cadastre de Thèbes // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1959. Vol. 83. P. 142–143; *Ducellier A.* Les Byzantins: Histoire et culture. P., 1988. P. 142; *Harvey A.* Economic Expansion in Byzantine Empire. 900–1200. Cambridge, 1989. P. 37; *Kaplan M.* Les hommes et terre à Byzance du VIe au XIe siècle: propriété et exploitation du sol. P., 1992. P. 145, 198, 200, 202, 216, 223 etc.
- ²⁴ Traktat. S. 115.18–20. Также см.: *Kazhdan A.* Op. cit. P. 47.
- ²⁵ Например, см.: Actes de Lavra. Texte / Éd. dipl. par P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, D. Papachryssanthou. P., 1970. Vol. 1. № 14.1–3, 38.

- ²⁶ Actes d'Iviron / Éd. dipl. par J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou avec la collabor. d' H. Métrévéli. P., 1985. Vol. 1. Texte (далее – Ivir. 1). I. № 4.4, 6.
- ²⁷ Ivir. 1. № 5.5, 10 etc.
- ²⁸ Например, см.: Ibid. № 15.41.
- ²⁹ См.: Lavra 1. № 20.78–81.
- ³⁰ См.: Ibid. № 14.3, 38.
- ³¹ См.: Actes d' Iviron / Éd. dipl. par J. Lefort, N. Oikonomidès, D. Papachryssanthou, V. Kravari, avec la collabor. d' H. Métrévéli. P., 1990. Vol. 2. Texte (далее – Ivir. 2). № 35.21, 38.
- ³² Подробнее см.: *Вин Ю.Я.* Эволюция органов самоуправления сельской общины и формирование вотчинной администрации в поздней Византии // Византийский временник (далее – ВВ.). 1982. Т. 43. С. 201–218; *Он же.* Проблема социальной структуры сельской общины в поздней Византии (XIII–XV вв.) // ВВ. 1998. Т. 55 (80). С. 21–25; *Он же.* Проблемы сельской общины в поздней Византии (XIII–XV вв.) // ВВ. 1995/1996. Т. 56. С. 45–56. Там же указана основная литература.
- ³³ Номики выполняли обязанности юристов (табулляриев). Подробнее см.: The Oxford Dictionary of Byzantium. Oxford, 1991 (далее – ODB.). Vol. 2. P. 1490.
- ³⁴ Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Rec. F. Miklosich, J. Müller. Vindobonae (далее – ММ.), 1871. Vol. 4. Т. 1. P. 38, 81, 259, 278. Также см.: *Каждан А.П.* Аграрные отношения в Византии XIII–XV вв. М., 1952. С. 97, 217.
- ³⁵ ММ. 4. 80–84. Также см.: *Острогорский Г.А.* К истории иммунитета в Византии // ВВ. 1958. Т. 13. С. 100; *Медведев И.П.* Очерки византийской дипломатики: (частноправовой акт). Л., 1988. С. 209–210; *Морозов М.А.* Монастыри средневековой Византии: хозяйство, социальный и правовой статусы. СПб., 2005. С. 44–45. О Воловуду см.: PLP. 2. № 3285.
- ³⁶ ММ. 4. 187–189. О практоре подробнее см.: ODB. 3. P. 1711–1712.
- ³⁷ См.: *Острогорски Г.* Комитиса и светогорски манастири // Сборник Радова Византолошког Института. Београд, 1971. Т. 13. С. 224; *Он же.* Серска област после Душанове смрти. Београд, 1965. С. 82.
- ³⁸ Vator. 1. № 26.13–14, 36–37. Фальсифицированная версия приводимых положений воспроизведена в копии этого акта, изготовленной, по всей вероятности, в третьей четверти XIV в., которая сохранилась в составе актов Хиландарского монастыря. См.: Actes de Chilandar / Publ. par L. Petit, V. Korablev. 1ère partie: Actes Grecs / Publ. par L. Petit // ВВ. 1911. Т. 17. Приложение 1. № 128.19–21, 25–26.
- ³⁹ См.: *Мутафчиев П.* Войнички земи и войници през XIII–XIV вв. // Списание БАН. Кл. ист.-филол. и философ.-обществ. София, 1923. Кн. 27. № 15. С. 523; *Charanis P.* On the Social Structure of Later Roman Empire // Byzantion. Bruxelles (далее – Byz.). 1944–1945. Vol. 17, fasc. 1. P. 122–123; *Ostrogorsky G.* La commune rurale à Byzance: Loi agraire – Traité fiscal – Cadastre de Thèbes // Byz. 1962. Vol. 32, fasc. 1. P. 161–162; *Ahrweiler H.* L'Histoire et la géographie de la région de Smyrne entre les deux

- occupations turques (1081–1317) particulièrement au XIIIe siècle // Travaux et Mémoires. P., 1965. Vol. 1. P. 40; *Oikonomidès N.* Contribution à l'étude de la pronoa au XIIIe siècle: une formule d'attribution de parèques à un pronoaire // Revue des Etudes Byzantines. P., 1964. Vol. 22. P. 166–167; *Сметанин В.А.* Византийское крестьянство в терминологии греческих актов XII–XV вв. // Античная древность и Средние века. Свердловск, 1963. Вып. 2. Прилож. С. 50, 52–53.
- ⁴⁰ Например, см.: *Germanus II, constantinopolitanus patriarcha.* Homiliae // Patrologiae Graecae Cursus completus. Parisiis, 1865. T. 140. 680A.
- ⁴¹ *Demetrius Chomatianus, archiep.* Bulgariae, Varii tractatus // Analecta sacra et classica Spicilegio Solesmensi parata / Éd. J. Pitra Baptista. Parisiis; Romae, 1891. Vol. 6. № 80.346. = *Demetrii Chomatiani* Ponemata Diaphora / Rec. G. Prinzing. Berolini; Novi Eboraci: Walter de Gruyter, 2002. № 80.156–157.
- ⁴² *Papadopoulos-Kérameus A.* Συμβολὴ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς Ἀρχιεπισκοπῆς Ἀχρίδος // Сборник статей, посвященных почитателями академику и заслуженному профессору В.И. Ламанскому по случаю пятидесятилетия ученой деятельности. СПб., 1907. № 7. С. 248.1–2. Об «хорепископе» подробнее см.: ODB. 1. P. 430.
- ⁴³ Например, см.: MM. 4. 128–129, 147, 229–230; 1890. 6. 153, 187; Actes de Zographou / Publ. par W. Regel, E. Kurtz, B. Korabiev // BB. 1907. T. 13. Приложение 1. № 7.50.
- ⁴⁴ *Halkin F.* Un Ermite des Balkans au XIV siècle: La Vie grecque inédite de Saint Romylos // Halkin F. Recherches et documents d'hagiographie byzantine. Bruxelles, 1971. P. 193.9. Также см.: Analecta Bibliothecae Hagio-graphicae Graecae / Ed. F. Halkin. Bruxelles, 1984. № 2383.
- ⁴⁵ *Devos P.* La version slave de la de St. Romylos // Byz. 1961. Vol. 31. P. 182.12.
- ⁴⁶ Ср.: *Ducaе.* Historia turcobyzantina (1341–1462) / Éd. crit. de V. Grecu. Bucureşti, 1958. P. 295.26–28.

ТРАКТАТ ДЖАМБАТТИСТЫ ДЕЛЛА ПОРТА «О НЕБЕСНОЙ ФИЗИОГНОМИКЕ» И РЕНЕССАНСНАЯ ТРАДИЦИЯ НАТУРАЛЬНОЙ МАГИИ¹

В статье анализируется трактат «О небесной физиогномике» итальянского мыслителя Джамбаттисты делла Порта и его значение в контексте концепции «натуральной магии», впервые изложенной в сочинениях Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола и нашедшей одно из наиболее полных воплощений, но уже в ином виде, в фундаментальном труде того же делла Порта – «О натуральной магии».

Ключевые слова: магия, астрология, философия, физиогномика, детерминизм.

Становление науки Нового времени происходило сложными путями. В развитии натурфилософии и естествознания XVI – начала XVII в. важную роль сыграл постепенный отход от средневековых традиций понимания астрологии и магии. Одним из тех, кто внес свой вклад в этот процесс, стал итальянский мыслитель Джамбаттиста делла Порта, кардинально изменивший представление о так называемой натуральной магии.

Возникновение этой концепции относится ко второй половине XV в. и связано с именами Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола². Непосредственными источниками этой теории послужили вновь найденные и переведенные тексты Гермеса Трисмегиста и неоплатонического наследия, прежде всего Плотина. Концепция натуральной магии и магии в целом наиболее полно выражена в «900 Тезисах»³, «Апологии»⁴, «Речи о достоинстве человека»⁵ Джованни Пико делла Мирандола и трактате «О жизни»⁶ – особенно в третьей книге сочинения «О стяжании жизни с небес» – Марсилио Фичино.

Несмотря на некоторые различия в подходе к интерпретации натуральной магии, эти мыслители сходились в основном: по их мнению, с помощью этого вида магии, который, условно говоря, можно назвать «белой магией», можно познать скрытые сферы божественного. С другой стороны, натуральная магия – часть общей оккультной теории, тесно связанной с другими магическими проявлениями, например с еврейским мистическим учением каббалой, которое в обиход христианского мага пытался ввести Джованни Пико делла Мирандола⁷. Стоит также обратить внимание на фигуру мага, который в трудах Фичино и Пико предстает не просто знатоком феноменов природы и философом, стремящимся к высшему знанию, но и преобразователем небесных явлений. Эта мысль непосредственно ведет к высокому положению и ценности астрологии как важной части натуральной магии, а преобразование астрологических влияний на человека мыслится в том числе посредством талисманов, о чем подробно писал Марсилио Фичино в трактате «О жизни»⁸. И наконец, последней важной составляющей той теории магии, которой придерживались флорентийские мыслители, была идея о том, что несмотря ни на что судьба человека не детерминирована⁹, а астрология и прочие магические науки служат лишь знаками и подсказками для осуществления нужного выбора. В данном контексте как у Фичино, так и у Пико магия становится важной частью теории «древней теологии». Согласно этой точке зрения, основные положения христианского учения уже нашли отражение в теургических и философских учениях древности: герметизме, орфизме, каббале, неоплатонизме, которые как раз стали источниками натуральной магии Фичино; поэтому одной из своих задач он видел воссоздание этой «древней» традиции, что отразилось прежде всего в последовательности его переводов. В таком случае и сама фигура мага приобретает несколько иные черты: как верно заметила итальянская исследовательница П. Дзамбелли, маг Фичино и Пико – это *magus cum sacerdos*¹⁰, т. е. своего рода жрец или священник. Учитывая «религиозное» содержание натуральной магии Фичино, вопрос, который неизбежно встает перед исследователями, заключается в том, насколько претерпела изменения религиозная составляющая магии.

В XVI в. она развивалась несколькими путями, и хотя любые обобщения, несомненно, упрощают реальную картину, тем не менее мы вынуждены прибегнуть к ним для объяснения основных линий развития ренессансного представления о магии¹¹. С одной стороны, резко очертилась оккультная сторона магии, против которой выступали Фичино и Пико. Германские маги Иоганн Тритемий и

Корнелий Агриппа Неттесгеймский стремились обнаружить скрытые и зашифрованные коды божественного мироустройства. Под знаком герметизма сформировались воззрения гуманиста Лодовико Лаццарелли, вслед за Фичино переводившего трактаты из Герметического свода, а венецианский философ Франческо Дзордзи в своем трактате «О гармонии мира» стремился создать полноценный синтез христианского вероучения и каббалы. Другие мыслители предпочитали использовать отдельные магические постулаты в собственных интеллектуальных и философских построениях¹². И наконец, в натуральной магии четко выделилось «естественно-научное» направление, в рамках которого ставилась задача пристального изучения особенностей природы и естественных наук, в первую очередь медицины. И хотя – повторимся – такое разделение кажется в значительной степени условным, поскольку интересы представителей этих направлений постоянно пересекались, к третьему виду «натуральных магов» следует отнести автора интересующего нас трактата Джамбаттисту делла Порты.

Джамбаттиста делла Порты (или вернее Джован Баттиста делла Порты) предположительно родился в 1535 г. Его имя прославили трактаты по самым разнообразным вопросам философии и естествознания, а также драматические сочинения – делла Порты был автором 14 комедий и 2 трагедий. Он известен также как основатель «Академии тайн природы», которая возникла в 1560 г. в Неаполе и практически сразу стала полумифическим учреждением¹³. Считалось, что для вступления в эту академию испытуемый был обязан представить ученой коллегии некое изобретение или открытие в области естествознания. Несмотря на высокий статус академии в неаполитанском интеллектуальном обществе, ее деятельность вызвала подозрения инквизиции, которая впоследствии обвинила делла Порты в занятиях оккультизмом и магией¹⁴. По обвинению в применении практических знаний в алхимии, астрологии и прочих науках он был осужден и некоторое время находился в римской тюрьме (в 1574 г.). Академия была упразднена в 1578 г. по приказу Папы Павла V. Однако это не помешало делла Порты по-прежнему отстаивать собственную точку зрения, хотя отныне он проявлял бóльшую осторожность.

Его основным трудом по этому вопросу стал латинский трактат «О натуральной магии»¹⁵. Первый вариант этого сочинения был подготовлен в 1558 г., когда делла Порте было всего 23 года. На тот момент оно состояло из четырех частей-книг. Спустя почти 30 лет делла Порты значительно увеличил трактат, доведя его до 20 книг. Второй вариант вышел в свет в 1589 г. Уже в XVII в. он был пере-

веден на все основные европейские языки, включая итальянский, и обеспечил его автору общеевропейскую славу. При этом надо заметить, что сочинение делла Порта лишено настоящих оккультных примесей. С точки зрения опытного биолога и химика автор дотошно описывает разные варианты выращивания растений или способы выплавки металлов. Конечно, в последнем случае имеет место увлечение делла Порта алхимией, однако оно так и не выходит за рамки «естественно-научного» исследования. По стремлению описать все многообразие феноменов природы делла Порта может считаться продолжателем античной традиции. Практически все последующие философские трактаты делла Порта прямо вытекают из содержания текста «О натуральной магии» и расширяют ту проблематику, которая была иногда весьма конспективно затронута в этом программном сочинении неаполитанца. Это позволяет сделать вывод, что все творчество делла Порта сводится к постоянному развитию идей, заложенных в этом труде. Однако на фоне всех прочих его трудов следует выделить трактат «О небесной физиогномике». Это последнее крупное сочинение делла Порта, посвященное магии, и единственное, в котором он касается вопросов астрологии. Поэтому трактат «О небесной физиогномике», в некотором роде венчающий магические штудии делла Порта, позволяет понять, как с течением времени в ренессансной Италии трансформировались представления о магии и астрологии.

Традиция изучения особенностей человеческого лица уходит в античность¹⁶. Для легитимизации физиогномики особую роль сыграл анонимный трактат предположительно III в. до н. э., который был ошибочно приписан Аристотелю. Уже позже, в первой половине II в. н. э., появилось авторитетное сочинение ритора Полемона из Лаодикеи. Этот видный интеллектуал, находившийся в центре ученых споров своего времени и прекрасно знакомый с императором Адрианом, который весьма его ценил¹⁷, значительно расширил проблематику, поставленную псевдо-Аристотелем. К сожалению, впоследствии его труд остался неизвестным западной традиции и сохранился только в оригинале и арабской версии. В IV в. н. э. были составлены еще два учебника по физиогномике: первый был написан софистом Адамантием, ученым евреем из Александрии; второй, получивший название «Латинская физиогномика», долгое время приписывался Апулею, хотя не мог иметь к автору «Золотого осла» никакого отношения¹⁸. Из всех четырех текстов на средневековом Западе в «великую эпоху переводов» оказались только трактат псевдо-Аристотеля и анонимная «Латинская физиогномика».

А. де Либера в своей книге «Средневековое мышление»¹⁹ красочно показал, как на христианской земле средневековой Европы смогли закрепиться магические науки, в том числе физиогномика. По мнению французского исследователя, причиной их популярности стало большое число текстов, которые распространились по континенту под именем Аристотеля, но в действительности к его творчеству не относились. Своим авторитетом Стагирит как будто освятил магическую традицию и легитимизировал любые дальнейшие изыскания в этой области. Кроме уже указанных античных текстов по физиогномике, в начале XII – XIII в. в Европу проникли еще два трактата: «Книга к Альмансору», автором которой был персидский ученый Абу Бакр Мухаммад ибн Закария ар-Рази, более известный на Западе как Разес или Разис, и «Тайная тайных» – еще один текст, ошибочно приписывавшийся Аристотелю и имевший огромный успех среди средневековых ученых и мыслителей²⁰.

Начиная с первой половины XIII в. физиогномика активно входит в интеллектуальную и университетскую жизнь. Первым ей посвятил специальный труд Михаил Скот – шотландский ученый, работавший при дворе императора Фридриха II²¹. Позднее о физиогномике пишет до сих пор точно не идентифицированный автор «Зерцала астрономии»²². Й. Агрими убедительно показывает, как псевдоаристотелевские тексты о физиогномике проникают в университеты, где их активно комментируют и изучают²³. Вершиной физиогномических штудий в определенном смысле стали труды Пьетро д'Абано, который не ограничился уже имеющимися свидетельствами псевдо-Аристотеля и их комментированием, а старался связать физиогномику с другими науками о природе, прежде всего с медициной и астрологией²⁴. Джамбаттиста делла Порты, несомненно, был знаком со средневековой традицией физиогномики и, по всей видимости, придерживался сходной с Пьетро д'Абано точки зрения. Но, с другой стороны, не меньше его труды, прежде всего трактат «О натуральной магии», принадлежат ренессансной традиции магии, поэтому вопрос, который неизбежно должен быть поставлен к его последнему теоретическому и магическому сочинению «О небесной физиогномике», сводится к тому, насколько сильно делла Порты изменил первоначальную концепцию натуральной, недетерминистской, магии Марсилио Фичино.

Трактат написан в 1603 г.²⁵; через 11 лет, еще при жизни автора, переведен на итальянский язык. Впоследствии, как и другие трактаты неаполитанца, его переложили на основные европейские языки. Это означает, что к 20–30 годам XVII столетия важнейшие сочинения делла Порты были хорошо известны во всей просвещен-

ной Европе. Как уже было сказано выше, трактат «О небесной физиогномике» посвящен астрологии, а точнее ее опровержению. Антиастрологическая направленность этого сочинения обусловлена несколькими причинами.

После публикации своих ранних трудов делла Порта испытывал серьезные трудности во взаимоотношениях со Святым престолом, ему было даже запрещено публиковать некоторые сочинения в переводе на итальянский язык. В 1586 г. вышла булла папы Сикста V, в котором была осуждена юдициарная или прорицательная астрология, против которой, судя по названию его трактата, как раз боролся около ста лет назад Джованни Пико делла Мирандола²⁶. Это обстоятельство еще более отягчало положение делла Порта, который в трактате «О натуральной магии» восхвалял астрологию. По-видимому, делла Порта придерживался достаточно традиционного мнения о том, что небеса, звезды и их лучи напрямую влияют на элементы низшего мира, сообразно своей природе наделяя земные предметы какими-либо определенными качествами, например Луна дарует влажность. С другой стороны, книга «О небесной физиогномике», по замыслу автора, должна была продолжить и завершить многолетние изыскания делла Порта в области физиогномики, которой к 1603 г. он посвятил трактат «О человеческой физиогномике»²⁷. Под нею он понимает, как следует из трактата, науку, которая по знакам человеческого тела определяет особенности его души. В этом делла Порта следует за античными авторами и средневековой традицией. Физиогномика, по делла Порта, – это закон или правило природы, природы с большой буквы, более того, это не случайное, а вполне четкое и неизменное правило, не знающее исключений²⁸. Не удивительно, что первому сочинению из триады «Физиогномик» была уготована печальная судьба: именно его папская комиссия запретила публиковать и переводить. В такой ситуации задача делла Порта была следующей: осудив астрологию, показать высокое положение физиогномики как естественно-научной дисциплины в ряду магических наук. Однако опровержение астрологии в данном контексте выглядит весьма конъюнктурной целью, поскольку делла Порта питал к предсказаниям по звездам трудно скрываемую симпатию. Но это вовсе не отменяет научную и филологическую ценность самого текста.

Конъюнктурность сочинения «О небесной физиогномике» очевидна из тех положений, которые делла Порта постулирует в первой книге трактата. Он делает вывод, что качества вещей следует объяснять не расположением планет, а теми свойствами, которыми они обладают. Частично он повторяет сказанное в более ранних со-

чинениях, однако теперь ставит целью не подтвердить истинность астрологии, но указать на ее ложность. Названные им свойства, которые вытекают из учения о темпераментах²⁹, тем не менее напрямую зависят от планет. Делла Порты в подтверждение своих слов неоднократно обращается к трудам видных астрологов, например Птолемея, Хали Абенрагеля, Гвидо Бонатти и Фирмика Матерна, вовсе не опровергая их слов, но, наоборот, находя поддержку в богатой античной и средневековой астрологической традиции. Так, он прибегает к хитрости, заменяя небесные влияния «естественными причинами» физиогномического характера³⁰, которые обусловлены небесными телами, т. е. в любом случае небо непосредственно влияет на подлунный мир. Таким образом, получается, что высказанное им желание опровергнуть астрологию не более чем фикция. Делла Порты лишь меняет понятия, но оставляет неизменной суть.

Книга разделена на шесть частей. В первой, наиболее важной, делла Порты выводит принципы, согласно которым существует природное влияние небес. В последующих, со второй по четвертую, он рассматривает те свойства, которыми наделяют земных существ отдельные планеты, сочетания планет и знаки Зодиака. В двух последних книгах он анализирует происхождение родимых пятен на человеческом теле и других «аномалий», а также объясняет причины человеческого уродства. Более того, делла Порты изучает не просто качества, даруемые небесными телами, но и устанавливает то, что может произойти с каждым человеческим органом в зависимости от темперамента. Человек оказывается буквально разложен по кусочкам, и неаполитанцу удается свести все возможные проявления человеческой природы к недостатку или избытку основных физических свойств планет, например тепла, влажности или сухости. Автор излагает основные постулаты магического занятия, которое уже нашло отражение в трудах предшественников, в первую очередь астрологов, о которых уже говорилось выше, и, по его мнению, сообразуется с природными данными. Так, маг как будто подчиняет себе одно из проявлений природы и указывает на полную зависимость человека от свойств небесных тел.

Пользуясь тактикой, предполагающей, с одной стороны, видимую критику астрологии и с другой – ее поддержку, делла Порты говорит, что характер человека может быть предсказан еще тогда, когда он находится в утробе матери. Для этого достаточно определить «свойства крови», а в дальнейшем физиологические особенности, по мнению делла Порты, могут повлиять на формирование темперамента³¹. Этот принцип, согласно которому материальное играет первостепенную роль, автор трактата «О небесной физио-

гномике» использует для всех последующих изысканий. Ссылаясь последовательно на философов, медиков и астрологов³², но прежде всего выделяя Птолемея, Хали Абенрагеля и Фирмика Матерна, он указывает на влияние небес на человека. Однако дальше он вновь использует выработанную им полемическую стратегию: он критически относится к идее «астрологов» о том, что «планеты и звезды, расположенные на Востоке, обещают счастье, а западные, наоборот, сулят неудачи»³³. По его мнению, характеры «зависят не от расположения звезд, а от даруемых ими свойств»³⁴, что тем не менее в действительности несколько не опровергает астрологические измышления, но даже придает им некоторый оттенок медицинской «научности».

Использование такого мнимого антиастрологического хода позволяет делла Порта развернуть обширную картину человеческих темпераментов. По-прежнему ссылаясь на тех авторов, которых он по некоторым причинам не стремится называть астрологами, – Птолемея, Хали, Фирмика и других – он подробно описывает, как планеты определяют индивидуальные черты. Так, например, он указывает на то, что при благоприятном небесном расположении Юпитера планета может наделять человека «прекрасными физическими данными и сделать его жизнь счастливой»³⁵. Подобные рассуждения распространяются на остальные планеты и на все знаки Зодиака. Предположение о том, что существует зависимость между небом и характером, по мнению делла Порта, может быть доказано при изучении человеческого уродства. Итальянский мыслитель, ссылаясь еще на античную традицию, утверждает, что «внутренняя злоба отражается на лице и делает его некрасивым»³⁶. Но автору сочинения «О небесной физиогномике» недостаточно просто указать на эту зависимость: он пытается найти ему некоторое астролого-медицинское доказательство и вновь обращается за помощью к Птолемею, у которого находит утверждение о том, что расположение планет, а вместе с ним особенности темпераментов (добавляет уже делла Порта) делают людей уродами³⁷.

Из трактата «О небесной физиогномике» можно сделать вывод, что его автор стремился всячески систематизировать многовековые представления об астрологии и влиянии звезд на человеческую судьбу, а это позволяет прийти к некоторым выводам о трансформации концепции «натуральной магии», предложенной во второй половине XV в. Марсилио Фичино. Прежде всего, отныне маг не занимается божественным, сфера иррационального выходит из области его прямых интересов. На всем протяжении трактата делла Порта всего несколько раз использует слово «Бог», пре-

имуущественно во введении, когда говорит, что для достижения поставленной им цели необходима Божья помощь. Очевидно, что эта фраза – не проявление религиозности, а обыкновенная риторическая фигура. Несомненно, маг делла Порта высится над миром, но его внимание сосредоточено не на Божественных деяниях, а на явлениях Природы. Таким образом, Бог исключен из общего процесса, теперь все внимание обращено к Природе. А то, что не может быть объяснено природными причинами и не вписано в определенные рамки, названо им еще в трактате «О натуральной магии» хаосом³⁸. К главе с таким названием он добавляет: «хаос – это те явления, которые не могут быть четко классифицированы»³⁹. Отсюда следует другая важная идея в концепции делла Порта: прежде маг воспринимался как преобразователь феноменов природы и одновременно жрец, и делла Порта в том же трактате «О натуральной магии» в угоду традиции и повторяет этот тезис. Однако в его трудах, особенно в сочинении «О небесной физиогномике», на первый план, кроме указанных преобразовательных функций мага, выступает образ мага – знатока природы, чуждого сверхъестественному. Только через глубокое проникновение в тайны природы, своеобразное естественно-научное знаточество маг может иметь хоть какое-то влияние на природу, хотя, как кажется из текста трактата, идея преобразования небесной энергии выражена у делла Порта намного слабее, чем у его предшественников. Построение его сочинений, перечисление способов влияния не ведут к идее видоизменять какие-либо воздействия, а лишь констатируют факт их реального существования, а упоминание о преобразовательной функции мага – скорее дань традиции. Маг у делла Порта в большей степени ориентирован на знание, а не на действие. Более того, магия не должна быть связана с теми учениями, которыми пытались обогатить ее его предшественники. Речь не идет о необходимости проникнуть в суть каббалистических писем, в пифагорейскую символику числа или овладеть магическими орфическими гимнами; наоборот, маг становится намного ближе к земному и природному, и отсюда вытекает необходимость «природно» объяснять сверхъестественное.

И наконец, последний вывод касается самой формы изложения мыслей делла Порта и, как это ни странно, детерминации человека. По форме «О небесной физиогномике», равно как и другие тексты делла Порта, напоминает учебные пособия для магов. В каждом трактате указаны разнообразные случаи из магической практики и даны исчерпывающие объяснения. Делла Порта никогда не задавался в своих магических сочинениях вопросом о свободе воли, но структура трактатов не оставляет человеку никакого выбора: все

проявления его физической сущности, рассмотренные под микроскопом и предельно классифицированные, практически исключают какие-либо отклонения, кроме уже названного хаоса, что, впрочем, к человеку не совсем относится. В трактате «О небесной физиогномике» мы встречаем доподлинное объяснение всех особенностей человеческого тела, прежде всего лица, вплоть до родимых пятен. Так, официально борясь с астрологической детерминацией, делла Порта тем не менее вступает на путь отрицания человеческой исключительности и делает его простым и предсказуемым.

Представление о натуральной магии как необходимой составляющей богословских проектов Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола к концу XVI – началу XVII в. испытало большие изменения. Не удивительно, что магия, которая в творчестве флорентийских мыслителей приобрела религиозную окраску, стала особенно популярной непосредственно перед Реформацией как потенциальный ответ на духовные искания как высокой⁴⁰, так и народной культуры⁴¹. В своих трудах, сделав оккультизм неотъемлемой частью «древней теологии», Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола придали магии ранее невиданный статус предтечи христианства. Эта попытка увидеть связь между теургией «древних теологов» и религией и тем самым доказать, что христианские истины существовали и проявлялись извечно, нашла сторонников как и в Италии, так и за ее пределами. Однако после церковного раскола существование магии в прежних формах было практически исключено, что вызвало к жизни новые способы ее применения. И сторонником одного из них, который условно можно назвать естественно-научным, стал Джамбаттиста делла Порта. Он полностью отказался от сути натуральной магии Фичино, сохранив только, как дань традиции, ее название. В действительности же магия делла Порта сводится к попытке максимального описания всех возможных трансформаций природы и человека. Зачастую ссылаясь на античную и средневековую традиции, тем не менее делла Порта стоит у истоков радикального поворота: отныне иррациональное, религиозное восприятие натуральной магии уступает место въедливому изучению природных явлений.

Примечания

¹ Я хотел бы поблагодарить Ангелину Волкофф и профессора Лауру Бальбиани за помощь в подготовке этой статьи.

² Литература о натуральной магии весьма обширна. См. ставшие уже классическими работы: *Walker D. Spiritual and demonic magic from Ficino to Campanella. L., 1958; Йеймс Ф.А. Джордано Бруно и герметическая тра-*

- дия. М., 2000 (английское издание вышло в 1964 г.); *Garin E.* Lo zodiaco della vita. La polemica sull'astrologia dal Trecento al Cinquecento. Roma; Bari, 1976; *Zambelli P.* L'ambigua natura della magia: filosofi, streghe, riti nel Rinascimento. Milano, 1991; *Idem.* White magic, black magic in the European Renaissance. Leiden; Boston, 2007.
- ³ *Pico della Mirandola G.* Conclusiones nongentae: le novecento tesi dell'anno 1486 / A cura di A. Biondi. Firenze, 1995.
- ⁴ *Pico della Mirandola G.* Apologia: l'autodifesa di Pico di fronte al tribunale dell'Inquisizione / A cura di P.E. Fornaciari. Firenze, 2010.
- ⁵ *Pico della Mirandola G.* De hominis dignitate // De hominis dignitate, Нептаплус, De ente et uno e scritti vari / A cura di E. Garin. Torino, 2004; *Idem.* Discorso sulla dignità dell'uomo / A cura di F. Bausi. Parma, 2003. Русский перевод: *Пико делла Мирандола Дж.* Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса / Под ред. В.П. Шестакова. Т. 1. М., 1981. С. 248–265.
- ⁶ *Ficino M.* Three books on life / A critical edition and translation with introduction and notes by Carol V. Kaske and John R. Clark. Tempe; Arizona, 1998.
- ⁷ Ключевая книга, посвященная отношению Пико к еврейской мистике: *Wirszubski C.* Pico della Mirandola's encounter with jewish mysticism. Cambridge; Mass., 1989 (я пользовался французским переводом: *Idem.* Pic de la Mirandole et la cabale. P.; Tel-Aviv, 2007).
- ⁸ Об этом см.: *Weill-Parot N.* Les "images astrologiques" au Moyen Age et à la Renaissance. Spéculations intellectuelles et pratiques magiques (XII–XV siècles). P., 2002, особенно гл. XI.
- ⁹ Применительно к Пико см. об этом: *Perrone Compagni V.* Pico sulla magia: Problemi di causalità // Nello specchio del cielo. Giovanni Pico della Mirandola e le *Disputationes contro l'astrologia divinatoria* / A cura di M. Bertozzi. Firenze, 2008. P. 95–115.
- ¹⁰ *Zambelli P.* White magic, black magic in the European Renaissance. P. 131.
- ¹¹ Об этом см.: *Ibid.* P. 13–34.
- ¹² В числе этих «магов-философов» Франческо Патрици, Джордано Бруно и Томмазо Кампанелла.
- ¹³ Об этом см.: *Muraro L.* Giambattista della Porta: mago e scienziato. Milano, 1976.
- ¹⁴ Об отношениях делла Порты с инквизицией см.: *Aquilecchia G.* Appunti su G.V. Porta e l'inquisizione // Studi Secenteschi. 1968. Vol. IX. P. 3–31.
- ¹⁵ До сих пор не существует современного критического издания этого важнейшего труда. Об истории трактата см. основополагающую работу: *Balbani L.* La *Magia Naturalis* di Giovan Battista della Porta. Lingua, cultura e scienza in Europa all'inizio dell'età moderna. Bern, 2001.
- ¹⁶ Об античных основаниях физиогномики см.: *Evans E.C.* Physiognomics in Ancient world // Transactions of the American philosophical society. 1969. Vol. 59. Part. 5. P. 5–101.
- ¹⁷ Так, известно, что, когда император прибыл в Рим на освящение храма Зевса Олимпийца, Полемон произнес приветственное слово, а благодаря хорошим контактам с верхушкой государства Полемон смог

добиться значительных привилегий для Смирны, где он проживал: *Evans E.C.* Op. cit. P. 11–12.

- ¹⁸ Считается, что Апулей умер около 180 г. н. э.
- ¹⁹ *Де Либера А.* Средневековое мышление. М., 2004. С. 207–263.
- ²⁰ Об этих текстах и их влиянии на культуру Средних веков см.: *Agrimi J.* *Fisiognomica e scolastica // Micrologus.* 1993. Vol. I. P. 235–271 (позднее перепечатано в: *Idem.* “*Ingeniosa scientia nature*”. *Studi sulla fisiognomica medievale.* Firenze, 2002. P. 3–36). О распространении «Тайной тайных» на Западе в двух латинских переводах – Иоанна Севильского и Филиппа из Триполи – см.: *Grignaschi M.* *La diffusion du Secretum Secretorum (Sirr-al-asrâr) dans l’Europe occidentale // Archives d’histoire doctrinale et littéraire du Moyen Age.* 1981. Vol. 48. P. 1–69; *Williams S.J.* *The Secret of Secrets: the scholarly career of a pseudo-Aristotelian text in the Middle Ages.* Ann Arbor, 2003.
- ²¹ О Михаиле Скоте см.: *Воскобойников О.С.* О языке средневековой астрологии (о применении риторических понятий в истории культуры) // *Одиссей.* 2007. С. 82–110.
- ²² О спорах об идентификации автора см.: *Zambelli P.* *The Speculum astronomiae and its enigma: astrology, theology and science in Albertus Magnus and his contemporaries.* Dordrecht; Boston; L., 1992 (в этой книге также опубликован текст трактата); *Paravicini Bagliani A.* *Le Speculum Astronomiae, une énigme? Enquête sur les manuscrits.* Firenze, 2001.
- ²³ *Agrimi J.* “*Ingeniosa scientia nature*”. *Studi sulla fisiognomica medievale.* Tavarnuzze, Firenze, 2002. В данном случае особенно интересны гл. I и III.
- ²⁴ *Ibid.* P. 11.
- ²⁵ О создании этого сочинения и обстоятельствах, этому сопутствовавших, см.: *Paolella A.* *Introduzione // G.B. Della Porta. Coelestis physiognomonia / A cura di A. Paolella.* Napoli, 1996. P. XI–XXXI.
- ²⁶ *Pico della Mirandola G.* *Disputationes adversus astrologiam divinatricem / A cura di E. Garin.* 2 voll. Torino, 2004 (первое издание – 1946–1952 гг.).
- ²⁷ Это сочинение было издано на латыни в 1586 г.; уже в конце века оно распространилось по Европе в многочисленных переводах. Кроме него дела Порта собирался издать трактат «О хирофизиогномике», в котором речь шла о взаимосвязи свойств души с чертами человеческой руки, однако при его жизни сделать это не удалось. Текст «О хирофизиогномике» был опубликован только в 1677 г.
- ²⁸ *Della Porta G.B.* *Della fisionomia dell’uomo.* Venetia, 1610. P. 1–5.
- ²⁹ *Della Porta G.B.* *Coelestis physiognomonia.* P. 9: “*Sed quae ipsi syderibus, quibus unumquemque nostrum emancipari dicunt, et inde formae, morum et fortunae benignitatem, nos e qualitatibus evenire dicimus: nam imperat ei qualitas calida et humida, veluti aerea et sanguinea, et qui huiusmodi temperaturam sortiuntur, et similem formam et mores consequuntur, ut in nostra Humana Physiognomonia satis dilucide disputatum est*”. Самым известным исследованием этого вопроса является: *Klibansky R., Panofsky E., Saxl F.* *Saturne et la Mélancolie.* P., 1989 (первое издание вышло в 1964 г.).
- ³⁰ *Della Porta G.B.* *Coelestis physiognomonia.* P. 8: “*Cumque alio iudicio examinarem, quam prius didiceram, tandem comperi astrologiam non nisi fictam*

et imaginariam esse scientiam, et quicquid veri in ea esset, non nisi ex sola et mera physiognomoniam esset, sed ab eius scriptoribus ut eam magnificerent et hominibus gratificarentur, inter sydera centuriata est, utpote ad coelestes influxus et nobiliores causas sublata, coelestior et divinius scientia censeretur”.

³¹ Ibid. P. 9: “Mitto quod si hominum mores et formas vestigentur, ex quibus formentur, clarissime eorum coarguitur fallacia: nam ex parentum sanguinis qualitate, quae feminio praeest, concipitur faetus in materno alvo et post quadraginta dies advenit spiritus, talesque mores sortietur homo, quales embryonis temperies largitur”.

³² Ibid. P. 13–17.

³³ Ibid. P. 19: “Sed orientales planetas et sydera dubia et fortunas dixere, contra autem occidentales infortunatas et insalubres, ac orientales formam dare claram, coruscantem, scintillantem, colorationem, maiorem et tandem pulchritudinem, et ex inde fortunatos et virtuosos dici”.

³⁴ Ibid. P. 22: “Nos autem haec non planetis, sed qualitatibus ascribimus”.

³⁵ Ibid. P. 31: “Quando Iuppiter utique peculiarem habet dominatum, absolutamque nactus potestatem, scilicet quando locorum dispositionis dominus fuerit, et orientalis, facit naros albos cum quadam coloris commendatione, capillitio mediocri, nigris oculis et magnis, forma venerabili”; p. 33: “Sed si ipsi coelum circumspicissent vidissentque utique Iovem nitidum, luminosum, pulchrum, gratiosum atque adeo Veneri similem ut non nisi peritissimus astrologus internoscit, aspectu etiam iucundum et amicabilem, ob id fortunam vocitatum et hominibus salutarem conclamatum”.

³⁶ Ibid. P. 158: “Porphyrius, platonius phylosophus, quorum animi iniqui sunt, corpora item deformia habere dixit: nobisque natura datum est, ut contemptui nobis sint qui turpi corpore aut non ita eleganti”.

³⁷ Ibid. P. 159–160.

³⁸ Этому вопросу посвящена последняя, двадцатая, книга трактата.

³⁹ Ioanni Baptistae Portae Neapolitani Magiae naturalis libri viginti. Francofurti, 1607. P. 642–643.

⁴⁰ Кроме уже упомянутых публикаций П. Дзамбелли см.: Vasoli C. Profezie e profeti nella vita religiosa e politica fiorentina // Magia, astrologia e religione nel Rinascimento. Varsavia, 1974. P. 16–29; *Idem*. Temi mistici e profetici alla fine del Quattrocento // Vasoli C. Studi della cultura del Rinascimento. Manduria, 1968. P. 180–240. Этому также посвящены моя небольшая статья: Акоюн О.Л. Марсилио Фичино, *prisca theologia* и поиск новой религиозности в эпоху Ренессанса // Platonopolis: философское антиковедение как междисциплинарный синтез философских, исторических и филологических исследований. Материалы 7-й Летней молодежной школы, 18–25 августа 2010 г. СПб., 2012. С. 153–158, а также доклад «Споры об астрологии и магии в Европе в конце XV – начале XVI в. (Италия, Германия, Франция)», прочитанный 28 февраля 2012 г. в Германском историческом институте в Москве.

⁴¹ Хорошо известно, что на конец XV – начало XVI в. приходится рост еретических движений «снизу». Кроме того, в этот период Церковь активизировала борьбу с участвовавшими случаями ведовства.

Л.В. Клепикова

МИССИЯ ИЕЗУИТОВ В КИТАЕ И ЕЕ РОЛЬ
В РАСПРОСТРАНЕНИИ ИДЕЙ ПРОСВЕЩЕНИЯ
В ПОДНЕБЕСНОЙ ИМПЕРИИ
(на примере переписки Г.В. Лейбница
и отца И. Буве)

В статье на примере переписки знаменитого немецкого просветителя Г.В. Лейбница и французского иезуита И. Буве рассматривается проблема восприятия европейским человеком эпохи Просвещения китайской цивилизации. Автор пытается выяснить, каким образом шло знакомство ученых людей той эпохи с незнакомой культурой и какое место они отводили ей в собственной картине мира.

Ключевые слова: Китай, Лейбниц, Буве, Книга Перемен, Просвещение, христианство, академия.

Период активной деятельности иезуитской миссии в Китае относится к самым интересным эпизодам исторических взаимоотношений Европы с Китаем. Здесь и далее мы будем говорить именно о Китае, а не Востоке. Такое решение объясняется тем, что понятие «Восток» можно трактовать очень широко. Помимо Китая и стран, находившихся под его культурным влиянием (Корея, Япония), термином «Восток» характеризуют также и исламский мир, весь Африканский континент, индийскую цивилизацию и пр. А когда речь идет о культурном взаимопроникновении двух разных цивилизаций, все начинается, как правило, со столкновения духовных, религиозных традиций. И если арабский мир и частично Индия (где большой вес имела часть населения, исповедующая ислам), как Европа, входили в зону распространения авраамических религий, то китайская цивилизация стояла особняком.

С давних времен на политическую, социальную и культурную ситуацию в Китае влияли несколько религиозных и религиозно-этических учений, среди которых наиболее крупными являлись (и являются по сей день) буддизм, даосизм и конфуцианство.

Характерная особенность этих трех течений – отсутствие понятия Бога как такового. Конечно, такая разница в религиозном восприятии сильно осложняла взаимопонимание европейцев и китайцев, особенно учитывая, что настоящее их знакомство друг с другом началось именно на религиозной почве.

Активные отношения Европы с Китаем начались в середине XVI в. Можно назвать две важные даты: 1554 г., когда город Кантон¹ был открыт для лимитированной торговли с европейскими торговцами, и 1583 г., когда в Южный Китай прибывает итальянский священник-иезуит Маттео Риччи (1552–1610). Значение его миссионерской деятельности в Китае велико. Преподобному Маттео удалось добиться разрешения о допуске целой иезуитской миссии в Китай и обратить в христианство большое количество коренных китайцев. Его первого из европейцев допустили в Запретный город. Позднее по приказанию императора Маттео Риччи занимался разработкой карты мира для пекинского двора. Характерно, что, рисуя свою карту, Маттео Риччи поместил Поднебесную в самый центр, таким образом не противореча официальной идеологии, что Китай является «Срединным государством»². Также ученый иезуит осуществил переводы конфуцианских трудов на латынь и, наоборот, перевел важнейшие христианские книги и сочинения античных авторов на китайский язык³.

Важной особенностью проповеднической деятельности Риччи было не отрицание, а постепенная частичная адаптация местных традиций для будущего принятия христианства⁴. Впоследствии данный метод переняли другие иезуиты.

В Европе подобный подход вызывал неоднозначную реакцию. С одной стороны, на иезуитов сыпался град обвинений, прежде всего они исходили от представителей других миссионерских орденов. Критике подвергался иезуитский метод религиозной адаптации. Многие видели в нем намеренное искажение христианского учения, распространение ереси⁵. Объектом насмешек противников иезуитов стало то, что в своем приспособленчестве иезуиты якобы дошли до того, что изображают двенадцать апостолов китайцами⁶. С другой стороны, иезуиты, стараясь подготовить поле для принятия местными жителями католицизма, волей-неволей должны были изучать язык, местные обычаи, искать пути компромисса с китайскими властями. Возможно, сами того не ведая, эти проповедники закладывали основы науки синологии. И именно в этом находят главную пользу от деятельности иезуитов в Китае современные ученые-синологи⁷.

Однако на рубеже XVII–XVIII вв. европейские миссионеры в Китае видели свою важнейшую задачу отнюдь не в простом сборе

сведений о китайской цивилизации. Цель миссии до самого конца оставалась непоколебима – католическая христианизация Китая. Конечно, это не означало, что сам по себе Китай не вызывал у европейцев интереса. Большая часть европейской просвещенной элиты очень приветствовала деятельность проповеднических орденов в Китае именно с точки зрения установления с ним дипломатических, научных и культурных связей. Причем среди тех, кто поддерживал китайских иезуитов, были не только католики. Одним из самых ярых защитников иезуитских проповеднических методов был убежденный протестант Г.В. Лейбниц. Увлечение немецкого философа китайским феноменом началось еще в 1689 г., во время его визита в Рим, где он имел честь беседовать с иезуитом отцом Гримальди, недавно возвратившимся из Китая⁸. Но всерьез эта проблема стала занимать Лейбница лишь во второй половине 1690 – начале 1700-х годов, после выхода его книги *Novissima Sinica* (1697) и, главным образом, после учреждения в Берлине Академии наук (1700). Это увлечение носило не только научный характер. Лейбницу была необходима информация о таких вещах, как китайский способ изготовления бумаги или уход за червями-шелкопрядами⁹, для финансовых целей. Производство особой бумаги и шелка могло бы улучшить финансовое положение Академии наук, которая не получала денежной поддержки от государства в лице короля Пруссии.

Лейбниц не видел ничего зазорного в том, чтобы вступить в контакт с католическими проповедниками в Китае. Ведь, несмотря на свои религиозные взгляды, они были европейцами и христианами и могли сослужить хорошую службу в деле сближения Китая с Европой.

Тем не менее стоит отметить, что иезуитские миссионеры, казавшиеся внутри Китая единым целым, на самом деле представляли собой собрание людей разных национальностей (итальянцы, португальцы, французы и т. д.). Порой отдельно взятая группа иезуитов больше пеклась об интересах какого-либо европейского монарха, на чьи средства была снаряжена их экспедиция, нежели выполняла задания Римского престола. Так, например, в 1685 г. французский король посылает в Китай шестерых иезуитов-математиков, задача которых пропагандировать интересы Франции в Средней империи. По прибытии в Китай двоим из них – Жану-Франсуа Жербийону (1654–1707) и Иоахиму Буве (1656–1730) – было разрешено остаться при дворе императора Канси¹⁰.

Наибольший интерес для нас представляет деятельность И. Буве, точнее та ее часть, которая посвящена его переписке с

Лейбницем. Она длилась несколько лет, с 1700 по 1703 г. На последнее письмо Лейбница, датированное 18 мая 1703 г., ответа не последовало. Отец Буве прекратил контакт в одностороннем порядке, чему может быть несколько причин.

Возможно, служба при императорском дворе отнимала у иезуита слишком много сил и времени. Помимо обязанностей придворного математика, Буве исполнял обязанности переводчика, например, между папским посланником Чарльзом Томасом Мэйордом и императором¹¹.

Причиной прекращения переписки мог стать так называемый спор о ритуале, разгоревшийся в католическом мире¹². Суть спора заключалась в том, насколько местные ритуалы, которые иезуиты не пытались искоренить среди своей китайской паствы, согласовывались с христианской догмой. Древнюю традицию поклонения предкам иезуиты были склонны рассматривать как светский обычай, в то время как другие христианские ордены, на сторону которых в конце концов встал папа римский, считали это идолопоклонничеством¹³. Таким образом, Обществу Иисуса грозило обвинение в ереси и загрязнении католического учения. На этом фоне иезуиты могли счесть переписку с протестантом нежелательной.

Тем не менее и из нескольких писем, которыми успели обменяться преподобный Буве и Лейбниц, можно почерпнуть любопытную информацию о восприятии просвещенными европейцами Китая и узнать, каким образом эта страна вписывалась в европейское университетско-академическое пространство.

Опираясь на эту переписку в качестве основного источника, мы будем рассматривать проблему распространения европейских знаний в Китае через иезуитскую миссию, как это видели Лейбниц и отец Буве. Очень важно, что переписка велась как раз в то время, когда едва открылась Берлинская академия наук, и Лейбниц, будучи ее президентом, старался делать все для поднятия ее престижа и финансовой самостоятельности.

Первое письмо Буве Лейбницу может произвести впечатление, будто священник проповедует и подтверждает идеи веротерпимости и космополитизма¹⁴. Иезуит-математик жестко критиковал тех, кто пользовался Книгой Перемен (И-Цзин)¹⁵ для обвинений древних китайцев в косности и суеверии¹⁶. Такие радикальные взгляды не способствовали ни скорейшему обращению китайского населения в христианство, ни сближению миссионера с потенциальными неофитами. По мнению Буве, хороши те миссионеры, «которые, чтобы обеспечить обращение этого народа [китайцев], употребляют все свои душевные силы и лучшую часть своего времени,

*чтобы изучать китайские книги»*¹⁷. Кроме того, он утверждал, что нашел соответствия в книгах «китайских ученых мужей» и «европейских мужей». Под книгами «китайских ученых мужей» он в первую очередь подразумевал Поднебесный чертеж триграмм Фу Си¹⁸ (или система исчисления Фу Си).

На первый взгляд корреспондент Лейбница очень высоко оценивает как китайскую науку и культуру, так и самих китайцев. Однако, говоря об образованности и «чистоте» китайской науки, Буве подразумевал именно *древнюю* китайскую ученость. Его отношение к современным китайцам было гораздо прозаичней. Это видно из его характеристики системы Фу Си, которая «не может и не должна восприниматься как наука суеверная и испорченная, но напротив – к ней следует относиться, как к *инструменту для исправления всех ошибок и суеверий»*¹⁹. С ее помощью следует «демонстрировать китайцам *ошибки и противоречия их современной философии»*²⁰. С точки зрения придворного математика, современные китайцы и, соответственно, их нынешняя наука стояли значительно ниже по сравнению с их великими предками, которые, вероятно, исповедовали монотеистическую религию. Причем воплощением мудрости предков для Буве и Лейбница стала именно полумифическая фигура Фу Си, чьи триграммы-*багуа* будто бы были математической версией Древнего Закона (наподобие еврейской Торы), который со временем подвергся забвению²¹. Для его восстановления и требовалось усиленно штудировать древнекитайскую классику. Но замыслы Буве простирались гораздо дальше, чем просто обращение китайцев в христианство. Ведь в Китае, как он писал, когда-то существовала сложная и высокоразвитая наука, которая была утрачена вследствие забвения Древнего Закона. Поэтому после восстановления Закона можно и нужно было приступать «к восстановлению наук в Китае и к доведению их до совершенства»²².

Эти два пункта – поиск следов монотеистической религии на китайской земле и восстановление и распространение наук – объединяли миссионера-католика Буве и философа-протестанта Лейбница. Но очень важно отметить, что оба ученых мыслили реализацию этих замыслов как взаимосвязанные процессы, где один был невозможен без другого.

В своем письме от 15 февраля 1701 г.²³ Лейбниц прямо писал, что в полной мере заниматься наукой и поиском полезных сведений миссионеры смогут лишь тогда, «когда ваш отряд»²⁴ увеличится столь значительно, что вы охватите *все* количество населения страны и *прежде всего императора*, который [один] стоит ста мил-

лионов»²⁵. Тут возникают сразу два важных аспекта лейбницевской всемирной академической системы:

- 1) распространение идей просвещения и учености невозможно без принятия христианства;
- 2) ключевой фигурой в этом процессе должен стать монарх.

Лейбниц возлагал особые надежды на фигуру императора. Зная о китайском дворе лишь из писем своего корреспондента и из присылаемых в Европу отчетов других иезуитов, просветитель имел достаточно туманное представление о царивших там порядках и сложной системе церемоний, через которые требовалось пройти, чтобы получить аудиенцию у императора²⁶. Поэтому философ представлял себе китайского императора по аналогии с европейскими монархами, с которыми ему не единожды приходилось сотрудничать. Мечтой Лейбница было убеждение императора Канси в преимуществах христианской веры. Философ рассчитывал, что крещение императора станет необратимым импульсом для перехода всей Поднебесной в новую веру. Таким образом, Китай войдет в семью христианских стран (а христианство в философской системе Лейбница напрямую ассоциировалось с Европой²⁷) и откроется путь для распространения в этой стране идей Просвещения.

Лейбниц очень рассчитывал, что к принятию такого решения императора Канси побудят изыскания его, Лейбница, касательно происхождения системы Фу Си: «Быть может этот великий монарх не будет раздосадован, узнав, что европеец из ваших знакомых, который проявляет глубокий интерес к <...> Китаю и его культурным связям (*commerce de lumière*) с Европой, сделал это открытие и специально послал его вам [Буве], чтобы посвятить Его Величеству»²⁸. По мнению просветителя, ознакомившись с математическими обоснованиями христианской веры, император Канси и китайские философы должны были обнаружить весомые аргументы христианской истины Сотворения²⁹.

Лейбниц всегда считал, что импульс по реализации любой идеи, будь то учреждение академии наук или распространение христианства, всегда должен исходить сверху, т. е. от монарха³⁰. В соответствии со взглядами философа принятие императором христианства повлечет аналогичный поступок со стороны всех его подданных.

При этом президент Берлинской академии наук неспроста просил Буве донести до сведения Канси, кто именно явился открывателем христианского сокровища системы Фу Си. Пока христианизации Китая не произошло, научными изысканиями в этой стране нужно заниматься «ради пользы для нас в Европе»³¹. Лейбница интересовали открытия китайцев в области астрономии, физики,

медицины, хронологии и пр. При этом просветитель подчеркивал, что китайские научные данные должны будут послужить не для его собственной славы, а для процветания Берлинской академии наук и «воодушевления» прусского короля Фридриха I³². Что же Лейбниц имел в виду, говоря о «воодушевлении» прусского короля? В данном случае президент Академии наук рассуждал как опытный дипломат и дальновидный составитель научно-образовательных проектов.

После пышного венчания прусской короной Фридрих начал быстро забывать о Берлинской академии наук, согласие на основание которой дал исключительно из соображений поднятия собственного престижа. И Лейбниц всеми силами пытался убедить прусского монарха в пользе Академии, в частности, что именно благодаря ей Пруссия станет первым после Голландии³³ протестантским государством, установившим отношения с далеким Китаем. По этой причине Лейбниц также просил Буве сообщить китайскому императору, что прочие монархи, чьи страны не находятся в постоянных отношениях с западноевропейскими странами, например турецкий султан или московский царь, очень уважают короля Фридриха. Просветитель надеялся на возникновение интереса самого Канси к установлению дипломатических связей с прусским двором. Таким образом, протестантская Пруссия смогла бы поддерживать с Китаем прямые дипломатические отношения. Они бы не зависели ни от иезуитов, ни от других католических миссий, за спинами которых стоял или Римский престол, или какой-либо католический монарх (например, французский король).

Однако здесь играет роль еще один фактор. Помимо установления внешнеполитической связи Пруссии с Китаем, Лейбниц также желал самостоятельно контактировать с Канси. Ведь одной из важнейших функций Берлинской академии наук, созданной по лейбницевскому проекту, было поддержание отношений с другими аналогичными заведениями, находящимися в других странах. Конечно, подобной пока не существовало в Китае. Но Лейбниц не отрицал культурных связей нехристианского Китая с христианской Европой. Характерно, что в оригинале философ называет эти связи «*commerce de lumière*», что буквально можно перевести как «торговля Просвещением». То есть благодаря связям с Европой в Поднебесную проникнет Просвещение. А значит, возникновение научной академии на этой земле возможно в ближайшем будущем.

В своем ответе³⁴ Буве очень высоко оценивает Академию наук в Берлине и выгоду от ее создания для всего христианского мира: «Эта [новая просвещенная Академия] будет новым оружием, кото-

рым миссионеры воспользуются здесь, чтобы разрушить постепенно царство дьявола и установить в нем прочно оное Иисуса Христа»³⁵. Иезуит не уточняет, каким именно образом Берлинская академия наук станет подмогой в этом трудном деле. Однако можно предположить, что Буве и его компаньонам по ордену была необходима помощь в переводе и трактовке китайских книг. В другом письме придворный математик сетует на то, что знающих людей сильно не хватает и что, будь в его распоряжении еще 4–5 человек, они смогли бы в не очень длинный срок обработать значительно больше китайских трудов³⁶. Вероятно, читая строки из письма Лейбница об Академии наук, работающей на благо Прусского государства, Буве решил, что было бы хорошо иметь аналогичное заведение в Китае, где бы собирались его единомышленники. Недаром преподобный Буве излагает Лейбницу свой план «малой Китайской академии», состоящей из полдюжины иезуитов и преследующей цели:

- 1) распространять христианство в Китае;
- 2) предоставлять ученым в Европе все сведения о Китае³⁷.

Отец Буве полагал, что принципы наук должны будут помочь «очистить» «учение китайцев» от нехристианских наслоений³⁸. Отношение самого миссионера к потенциальным китайским неофитам по-прежнему оставалось более чем сдержанным. По его словам, за 2 тыс. лет китайцы «почти совершенно утратили знание истинного Бога, забыв иероглифический смысл *их* знаков и понимание *их* древних книг»³⁹. Иными словами, Буве считал, что он и иезуитская ученая братия лучше понимают и трактуют древние китайские сочинения, чем сами китайцы (!). Даже про Фу Си – пожалуй, единственного представителя китайской цивилизации, пользующегося у Буве уважением, – последний без смущения высказывался, что в облике этого великого философа «*нет ничего китайского*»⁴⁰ и что будто бы «*есть серьезные доводы, признаваемые весьма способными учеными, доказывающие, что Фу Си никогда не ступал на китайскую землю*»⁴¹. Буве говорил об этом как об установленном факте, не называя ни имен ученых, ни перечисляя предполагаемых доказательств. Путем такого рода рассуждений придворный математик подразумевал необходимость принятия христианства китайцами, чтобы они учились у иезуитов пониманию своих классических книг⁴².

Можно предположить, что такие мысли были навеяны европоцентричным мышлением проповедника. Впрочем, скорее всего он действительно полагал, что католики-иезуиты, обладающие знанием божественной истины, – единственные, кому может открыть

ся таинственный смысл древнего трактата. То же может касаться и коренных китайцев, но только с условием, что они примут крещение. Как любой убежденный проповедник, Буве считал это делом времени.

Тем не менее есть основания предполагать, что в какой-то момент Лейбниц стал сомневаться в грядущей христианизации Поднебесной или, по крайней мере, что иезуиты добьются успеха на этом поприще.

Как уже было сказано, Лейбница очень занимала личность императора Канси, так как просветитель полагал, что именно такой союзник требуется европейцам-христианам для обращения Китая в истинную веру и последующего включения этой страны в ареал распространения европейской просвещенности. Чтобы лучше понять характер китайского монарха, Лейбниц даже просил Буве «расширить ваш [описательный] портрет этого правителя [и представить его] в виде небольшой летописи его правления»⁴³. Конечно, президент Берлинской академии не мог не понимать, что интерес к европейским знаниям и культуре у императора или у кого-либо из царственной семьи быстрее возникнет в случае знания хотя бы одного европейского языка. Поэтому Лейбниц осторожно спрашивает иезуита, насколько верны слухи о том, что кто-то из сыновей императора изучил несколько европейских языков⁴⁴. Буве не замедлил опровергнуть эти слухи, заявив, что те, кто их распространяют, «плохо осведомлены»⁴⁵. Иезуит поясняет, что «императору действительно несколько раз было любопытно посмотреть, как мы пишем буквы нашего алфавита, и послушать, как мы читаем наши книги, точно так же как и его царственным детям, *но никогда с намерением этому научиться*»⁴⁶. Такие откровения не могли не насторожить Лейбница. Конечно, он сам сомневался в достоверности того, что китайский принц владеет европейскими языками. Однако известие о том, что созерцание латинских букв было для императорской семьи не более чем одноразовым развлечением, не сулило ничего хорошего для его проектов, касающихся культурных связей Китая и Европы.

Примерно такое же удручающее впечатление произвел на Лейбница рассказ Буве об аудиенции у императора Канси. С одной стороны, проповедник в очень благожелательных тонах расписывает свою аудиенцию, на которой он поведал императору о поражении русского царя под Нарвой⁴⁷. А с другой стороны, когда речь заходит об открытиях Лейбница относительно системы Фу Си, которые следовало преподнести китайскому правителю, отец Буве заметно сникает. Миссионер был вынужден признаться в том, что императорской аудиенции не так-то просто добиться, и добавля-

ет, что, в отличие от ученых бесед о теоретических принципах европейских наук, Канси не очень интересны способы обоснования христианства⁴⁸. В конце концов Буве ссылается на то, что у него совсем не было времени на доклад про открытие немецкого просветителя императору, к тому же Лейбниц пока не дал ему «достаточно полных сведений» о системе исчисления⁴⁹. Оправдание недостатком времени выглядит довольно неубедительно, ведь в этот отрезок времени Буве имел аудиенцию у императора, где подробно доложил последнему о нарвских событиях. Разумеется, здесь может играть роль простое нежелание сообщать императору о каких-либо достижениях протестантского ученого, так как в принципе иезуитам были невыгодны какие-либо прямые связи любого протестантского государства с Китаем. Однако, глядя на положение И. Буве при императорском дворе, о котором косвенно можно судить из его собственных слов, скорее всего придворный математик попросту не пользовался таким доверием императора, как хотелось бы ему самому или Лейбницу. Уже из признания Буве о большей заинтересованности императора в европейских науках, нежели в христианском учении, напрашивается вывод о том, что Канси рассматривал придворных иезуитов скорее как искусных мастеров и знатоков разных западных чудес, а не как представителей нового религиозного учения. Иезуитов использовали или для развлечения двора, или для сугубо утилитарных целей. Например, Буве писал Лейбницу, что все, чем он занимался после короткой отлучки из Китая во Францию, было составление топографической карты одной из китайских провинций⁵⁰.

Таким образом, иезуит пытался, во-первых, обнадежить Лейбница. Мол, как только последний предоставит ему более подробную информацию о своем открытии, оно тут же будет передано Канси. И, во-вторых, убедить и Лейбница, и себя в собственной возможности влиять на императора.

Однако из последнего письма Лейбница⁵¹ видно, что заверения отца Буве не сильно обнадежили просветителя. Лейбниц предостерегает Буве, что «доброжелательность, с которой они [китайцы] там относятся к иностранцам, очень сильно поубавится в один прекрасный день, если они сочтут, что более в них [иностранцах] нет такой нужды»⁵². Это не значит, что теперь следует замалчивать о достижениях западной науки. Но, делаясь опытом с китайцами, необходимо что-то брать взамен. Поэтому уже сейчас «чрезвычайно важно безотлагательно приступить к работе над историей искусств Китая»⁵³. С точки зрения Лейбница, самое опасное, что могло случиться в работе иезуитской миссии, это потеря внимания импера-

тора. Ведь как только он сполна удовлетворит свое любопытство к европейской науке, он может решить, что более не нуждается в услугах иезуитов. И тогда путь для христианизации Китая, а значит, и для распространения идей Просвещения на этой земле будет закрыт навеки. Следовательно, главное сейчас – это заинтересовать императора. И если он равнодушен к обоснованиям христианской веры, то пока нужно действовать в интересах науки. Может показаться, что Лейбниц противоречит сам себе, ведь до этого он же утверждал, что настоящие занятия наукой невозможны, пока Китай не вошел в семью христианских держав. На самом деле речь идет все о том же сборе важных данных и сведений, которые могли бы оказать существенную пользу для развития науки в Европе. Императора Канси нужно убедить в необходимости дополнения китайских искусств европейскими знаниями, и таким образом усовершенствовать и те и другие⁵⁴. По мнению Лейбница, ни в коем случае нельзя терять такого союзника, как император. И все важные начинания следовало непременно проводить в сотрудничестве с ним.

На этом переписка Лейбница с отцом Буве прерывается.

Данная переписка дает нам интересную картину представленной европейской просвещенной элиты о китайском государстве. В переписке участвовали два европейца, являвшиеся одними из лучших умов своего времени. Они происходили из двух враждебных друг другу религиозных лагерей (католического и протестантского) и представляли интересы двух разных стран (Франции и Пруссии), не всегда находившихся в дружественных отношениях. Тем не менее в вопросах интерпретации иной цивилизации и Буве и Лейбниц проявили редкое единодушие. Оба полагали, что установление полноценных политических и культурных связей с Китаем возможно только после обращения этой страны в христианство. Иезуит Буве полностью солидаризировался с Лейбницем в вопросе о том, что настоящая европейская наука есть орудие для укрепления господствующей тогда в Европе идеологии – христианской религии. В то же время оба ученых считали, что деятельность иезуитской миссии в Китае должна быть направлена не только «вовнутрь», но и «вовне». То есть данные и информацию, которые удавалось собрать о Китае, следовало незамедлительно отправлять в Европу в целях обогащения европейской науки. Буве даже не исключал возможности создания в Поднебесной «малой Китайской академии» с тем лишь условием, что трудиться там будут европейцы или китайцы, принявшие крещение. Парадоксальным образом, восхищаясь древнекитайской классикой и положительно оцени-

вая императора Канси, в своих просвещенческих замыслах Буве и Лейбниц мечтали провести европеизацию Китая без практического участия самих китайцев. О китайцах, за исключением императора и мифического Фу Си, миссионер Буве отзывался довольно негативно, обвиняя их в утере потаенного смысла древних трактатов.

Если географически переписка проходила между центром Европы и сердцем Китая, то, принимая во внимание мировоззрение и жизненные установки обоих корреспондентов, она ни разу не вышла за рамки Европы. В ту эпоху, столкнувшись с цивилизацией, не похожей на их собственную, европейцы были склонны подгонять свои представления о ней в заранее заданные рамки. Являясь носителями христианской культуры, европейцы считали ее единственно верной и единственно пригодной для научного и культурного развития. Конечно, представители иной развитой культуры – китайцы (китайские ученые и император в том числе) – не могли воспринять этой точки зрения. Отсутствие механизмов межкультурного сотрудничества в то время сильно осложняло культурный диалог.

Примечания

¹ Ныне Гуанчжоу.

² *Дубровская Д.В.* Миссия иезуитов в Китае. М.: Крафт+, 2000. С. 79–80.

³ На китайский – оды Горация, труды Эпиктета и Эзопа, а также «Начала» Евклида. На лагинский – ряд китайских трактатов о конфуцианстве.

⁴ Подробнее о Маттео Риччи и его деятельности в Китае см.: *Дубровская Д.В.* Указ. соч. 256 с.; *Heyndrickx J.* The man who brought China to Europe. Steyler: Nettetal, 1990. 250 p.; *Haub R., Oberholzer P.* Matteo Ricci und der Kaiser von China. Jesuitenmission im Reich der Mitte. Würzburg: Echter-Verlag, 2010. 160 s.; *Butz H., Cristin R.* Philosophie und Spiritualität bei Matteo Ricci. Berlin: Edition Parerga, 2007. 82 s.

⁵ *Kittsteiner H.D.* Die Stabilisierungsmoderne. München: Carl Hanser Verlag, 2008. S. 275.

⁶ *Дубровская Д.В.* Указ. соч. С. 177.

⁷ *Lee Th. H.C.* (ed.) China and Europe: Images and Influence in the Sixteenth to the Eighteenth Centuries. Hong Kong: Chinese University Press, 1991. 356 p.; *Jenkins R.C.* The Jesuits in China and the Legation of Cardinal de Tournon. An Examination of Conflicting Evidence and an Attempt at an Impartial Judgment. L.: BiblioBazaar, 2011. 200 p.; *Hsia A.* The Vision of China in the English Literature of the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Hong Kong: Chinese University Press, 1998. 404 p.

⁸ *Филлипов М.М.* Готфрид Лейбниц. Его жизнь, общественная, научная и философская деятельность [Электронный ресурс] // Проект «Собрание

- классики» Библиотеки Мошкова. URL: http://az.lib.ru/f/filippow_m_m/text_1893_leibnitz.shtml (дата обращения: 05.05.2012).
- ⁹ Лейбниц – И. Буве (Брауншвейг, 15 февраля 1701) // Лейбниц Г.В. Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления. М.: РАН ИФ, 2005. С. 95; *Kittsteiner H.D.* Op. cit. S. 276.
- ¹⁰ Император Канси (4 мая 1654 – 20 декабря 1722) – четвертый правитель маньчжурской династии Цин. В детстве и юности находился под сильным влиянием иезуита Фердинанда Вербиста, однако христианство не принял. Проводил политику веротерпимости. Период правления Канси считается «золотым веком» императорского Китая.
- ¹¹ Eine wissenschaftliche Akademie für China / Hrsg. von C. von Collani. Stuttgart; Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1989. S. 15.
- ¹² Ibid.
- ¹³ *Дубровская Д.В.* Указ. соч. С. 165.
- ¹⁴ И. Буве – Ш. ле Гобьену (для Лейбница) (Пекин, 8 ноября 1700) // Лейбниц Г.В. Указ. соч. С. 70–75.
- ¹⁵ Книга Перемен (И-Цзин) – является самым древним из дошедших до наших дней древнекитайских философских трактатов. Во II в. до н. э. был включен в канонический свод конфуцианских текстов.
- ¹⁶ И. Буве – Ш. ле Гобьену (для Лейбница) (Пекин, 8 ноября, 1700). С. 70.
- ¹⁷ Там же. С. 73.
- ¹⁸ Фу Си – легендарный первый правитель Китая, иногда изображался как существо с телом змеи и человеческой головой. Ему приписывалось создание китайской иероглифической письменности или первых восьми триграмм, которые стали основой для китайского письма и учености.
- ¹⁹ И. Буве – Ш. ле Гобьену (для Лейбница) (Пекин, 8 ноября 1700). С. 71.
- ²⁰ Там же. С. 73.
- ²¹ *Дубровская Д.В.* Указ. соч. С. 178–179.
- ²² И. Буве – Ш. ле Гобьену (для Лейбница) (Пекин, 8 ноября 1700). С. 74.
- ²³ Лейбниц – И. Буве (Брауншвейг, 15 февраля 1701). С. 87–100.
- ²⁴ Имеется в виду число местных жителей, принявших христианство.
- ²⁵ Лейбниц – И. Буве (Брауншвейг, 15 февраля 1701). С. 96–97.
- ²⁶ Среди этих церемоний можно назвать, к примеру, систему поклонов *коути*.
- ²⁷ *Клепикова Л.В.* Импульсы глобализации в образовательных практиках XVII–XVIII вв. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2011. № 2 (40). Серия «Гуманитарные и социальные науки». С. 41–44.
- ²⁸ Лейбниц – И. Буве (Брауншвейг, 15 февраля 1701). С. 91–92.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ См.: *Клепикова Л.В.* Указ. соч.
- ³¹ Лейбниц – И. Буве (Брауншвейг, 15 февраля 1701). С. 93.
- ³² Там же. С. 91–92.
- ³³ В результате посольства Джона Ньюхофа (17 июля – 16 октября 1656 г.) голландцам было дано официальное разрешение торговать на территории Китая раз в 8 лет (см.: *Дубровская Д.В.* Указ. соч. С. 134).

- ³⁴ И. Буве – Лейбницу (Пекин, 4 ноября 1701) // Лейбниц Г.В. Указ. соч. С. 119–141.
- ³⁵ Там же. С. 131.
- ³⁶ И. Буве – Лейбницу (Пекин, 8 ноября 1702) // Лейбниц Г.В. Указ. соч. С. 146–150.
- ³⁷ Там же. С. 149.
- ³⁸ Там же. С. 146.
- ³⁹ Там же. С. 146–147.
- ⁴⁰ И. Буве – Лейбницу (Пекин, 4 ноября 1701). С. 121.
- ⁴¹ Там же. С. 126.
- ⁴² Там же. С. 129.
- ⁴³ Лейбниц – И. Буве (Брауншвейг, 15 февраля 1701). С. 97.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ И. Буве – Лейбницу (Пекин, 4 ноября 1701). С. 133.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же. С. 119.
- ⁴⁸ Там же. С. 132.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Лейбниц – И. Буве (Берлин, 18 мая 1703) // Лейбниц Г.В. Указ. соч. С. 166–181.
- ⁵² Там же. С. 166.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Там же.

С.Г. Малкин

ГОРНАЯ СТРАНА НА ШКАЛЕ
ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА:
ЭТНОГРАФИЯ «ХАЙЛЕНДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ»
ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1689–1759 гг.*

В статье анализируются характерные для британских чинов представления об историко-этнографических особенностях мятежей в Горной Шотландии в 1689–1759 гг. Усилия ответственных за умиротворение этого края администраторов по изучению и осмыслению историко-этнографических особенностей развития Хайленда в 1689–1759 гг. рассматриваются в качестве необходимой интеллектуальной практики эпохи. Анализ академической практики как практики имперской, а риторических приемов как инструментов интеллектуальной колонизации позволяет приблизиться к пониманию многих аспектов решения «Хайлендской проблемы» Великобритании в 1689–1759 гг.

Ключевые слова: Великобритания, Горная Страна, «Хайлендская проблема», этнография, империя, модернизация, интеллектуальная колонизация.

Интерес историков к административной этнографии европейских империй Нового времени сформировал за последние полвека весомую академическую традицию¹. Этнографию все чаще рассматривают как дисциплину, способствовавшую формированию моделей восприятия «туземцев» колониальной администрацией и имперскими службами, моделей взаимодействия с местными сообществами в решении идеологических и практических задач метрополии. Этнографы на имперских окраинах часто оказывались колониальными чиновниками, на практике подтверждая тес-

© Малкин С.Г., 2013

* Статья подготовлена при поддержке Лондонской школы экономики и политических наук (LSE IDEAS, Paulsen Fellowship Programme, 2010–2015) в рамках проекта «Imperial Identity in Britain and Russia: Scotland and Ukraine, 1707–1914».

ную, хотя и не всегда очевидную связь между властью и знанием в рамках колониальной и окраинной имперской политики.

Британский случай обращения к этнографии как колониальной практике по-прежнему, как правило, связывают с политикой империи за океанами. В то же время такой исследовательский подход к событиям в Горной Шотландии в 1689–1759 гг., во время поддержки изгнанных в ходе Славной революции Стюартов главным образом именно в Хайленде, имеет принципиальное значение для понимания истории Великобритании в целом. До конца 1750-х годов Горная Страна являлась самой близкой и опасной этнографической лабораторией по испытанию различных проектов формирования, укрепления и расширения лояльности местных жителей Короне и правительству в Лондоне. При этом речь идет об условиях перманентных мятежей и угрозы вторжения иностранной державы. В результате административных назначений приобретенный в Хайленде опыт, как и полученный британскими администраторами на другой мятежной гэльской окраине, в Ирландии, переносился в заморские владения Британской империи². Последствия таких кадровых решений Лондона позволяют иначе поставить вопрос об особенностях функционирования внутренних механизмов ее управления.

Применительно к этнографии «Хайлендской проблемы» необходимо по-новому подойти к той роли, которую она играла в процессе «интеллектуальной колонизации» Горной Шотландии. Предметом исторического анализа в данном случае должен стать не только (и не столько) набор стереотипов восприятия горцев в Великобритании в 1689–1759 гг., но также их формирование и функционирование в процессе реализации имперских практик окраинной политики Британии. Этнографические описания ответственных за умиротворение Горной Страны чинов необходимо проанализировать как процесс не только языкового, но и культурного перевода местных мятежных реалий в понятия и нормы, принятые в остальном Соединенном Королевстве. К образу «варвара»-горца стоит подойти не только как к примеру этнографической мысли в век Просвещения, но и как к конституирующему «Другому» в процессе формирования новой британской (юнионистской и имперской) идентичности. Описание и анализ реформ, предполагавшихся в Горной Стране, представляют исследовательский интерес не только сами по себе, но и как набор характеристик «идеального» британца, необходимых, на взгляд официальных властей и

политической нации в целом, в процессе расширения британского присутствия на имперских окраинах.

Раскрытие этих сюжетов, в свою очередь, поможет дать ответы на вопросы более общего свойства: о соотношении проектов конструирования британской нации и создания Британской империи, о значении интеллектуальной колонизации Хайленда для имперского строительства за океанами, о роли гуманитарного знания в век Разума, Просвещения и глобальных империй.

Между 1700 и 1750 гг. в Соединенном Королевстве опубликовали более 50 различных по жанру и содержанию книг, представивших географию, этнографию, политэкономии, историю, культуру, быт Шотландии, – чуть меньше, чем за весь предшествующий век (почти 60 различных изданий между 1600 и 1700 гг.), но более чем в два раза меньше, чем в следующей половине столетия (не менее 150 различных изданий между 1750 и 1800 гг.)! При этом среди изданий до 1700 г. ни одно не являлось посвященным специально Горной Шотландии, а среди работ, появившихся в 1700–1750 гг., только несколько сочинений имели целью описание положения в большей степени именно в Горной Стране. Два из них вышли в печать еще в 1701 и 1703 гг., следующие два – в 1723 г., еще два – в 1746 и 1749 гг., еще одно являлось недоступным широкой публике рукописным текстом, впервые опубликованным только в 1754 г. Лишь следующая половина XVIII в. «открыла» путевыми заметками и дорожными дневниками для жителей Британии шотландский Хайленд (свыше 50 публикаций, посвященных именно Горной Стране)³.

Умиротворение гэльских окраин Великобритании сопровождалось не только гарнизонным расширением присутствия Лондона в этих краях, но и формированием внушительного корпуса текстов (мемориалы, рапорты, памфлеты, исторические, этнографические, географические, хорографические сочинения, путеводители), не только отражавшего восприятие этих частей Шотландии и Ирландии в остальном Соединенном Королевстве, но и служившего идеологическим обоснованием для политики Лондона в этих гэльских окраинах. В конце XVII – первой половине XVIII в. в правительственных кругах циркулировало не менее полусотни различного рода аналитических записок, мемориалов, отчетов и рапортов о военно-политической ситуации в Горной Стране. Большая их часть принадлежала перу государственных служащих, непосредственно отвечавших за политику Лондона в Горной Шотландии или близко с ними связанных⁴.

Располагая такими кадровыми ресурсами, правительство Великобритании к 1724 г. впервые обратило пристальное внимание на положение в Горной Шотландии. В 1722 г. в Англии был раскрыт заговор якобитов во главе с Фрэнсисом Эттербери, епископом Рочестерским⁵. В это же время ходили слухи о подобных договоренностях между бригадиром Уильямом Макинтошем из Борлама (попытки схватить его долгое время не могли увенчаться успехом, а когда бригадира все же поймали, то мятежные горцы освободили его из заточения в укрепленных казармах в Развене уже в октябре 1724 г.), Доналдом Кэмероном из Лохила, XIX вождем клана Кэмерон, и Александром Макдоналдом, «юным Гленгэрри» Макдоналдов из Мойдэрта. При этом все трое не пребывали в изгнании, как многие именитые якобиты, предпочитая, напротив, скрываться на родине, в Горной Стране⁶. Имелись сведения о тайном хождении в Хайленде простюартовской корреспонденции бежавшего во Францию графа Мара⁷. 7 марта 1723 г. в одном из рупоров вигской печати, газете «Flying Post», было высказано поддержанное многими мнение о том, что, несмотря на предпринятые правительством усилия, обитатели Хайленда по-прежнему вооружены и представляют собой «удобный инструмент» давления на Соединенное Королевство в руках иностранных держав⁸.

Под влиянием такого угрожающего стечения обстоятельств Лондон обнаружил более предметный интерес к решению «Хайлендской проблемы», в том числе к этнографии «мятежного» горца. Долго он не продержался, однако неожиданно удачные кадровые решения, принятые в 1724 г., обеспечили хайлендской политике властей преемственность и последовательность до окончательного умиротворения Горной Страны к концу 1750-х годов. Хайлендские штудии генерал-майора Джорджа Уэйда, командующего королевскими войсками в Шотландии в 1725–1740 гг., и Джеймса Эрскина, лорда-клерка Сессионного суда Шотландии (второй по значению пост в судебной системе Шотландии после должности лорда-президента Сессионного суда) как лорда Грэнджа, не только сформировали в Лондоне первые после Славной революции целостные представления о Горной Стране, но и сформулировали политику правительства в крае на десятилетия вперед вплоть до начала последнего мятежа якобитов в 1745 г. В этом смысле, несмотря на распространенное представление о восприятии Горной Шотландии в Великобритании в первой половине XVIII в., в отчетах официальных чинов (и их не всегда официальных агентов) информация о Горной Стране носила вполне практический характер, превращая этнографическое знание в составную часть военно-

политической и социально-экономической практики правительства в крае. Видимо не случайно наиболее популярное описание Хайленда в публичном пространстве Великобритании в это время оставил бывший агент Лондона в Шотландии Даниэль Дефо⁹. В связи с особым характером, содержанием и (на)значением миссии и аналитических сочинений ответственных за умиротворение Горного Края чинов, некоторые аспекты этнографического «прочтения» ими местных реалий вызывают особенный интерес.

Переход шотландских горцев от феодально-клановой системы и идентичности к включению в общебританский юнионистский проект (превращение «варваров»-горцев в «британцев») предполагал, что этот процесс можно измерить во времени. Горная Шотландия репрезентировалась по отношению к остальной Северной Британии и Англии как явление пограничное не только в пространственном, но и во временном отношении. При этом путешествие в Горную Страну на протяжении большей части XVIII в. являлось, по сути, путешествием в прошлое Англии и Нижней Шотландии (аналогичные примеры воображаемой географии Европы модерна представляют отзывы Ш.Л. Монтескье о Венгрии в 1728 г. или Г.Л. де Боплана об Украине в 1651 г., переиздававшиеся и в XVIII в., не утратив былого значения)¹⁰. Таким образом, отношения, в которых горцы состояли с остальными жителями Соединенного Королевства, характеризовались как отсталость, с другими «варварскими» краями – как сходство, со своими древними предками – как полная вневременная преемственность. Шкала относительной (пространства и времени) цивилизованности при этом выглядела так: «варварство–отсталость–цивилизованность». В результате в такой хорографии отчетливо выделяются два контекста темпоральности этой гэльской окраины: внешний (динамика стадийного развития) и внутренний («безвремяе») – цикличность и стадийность в историческом времени этого края.

Такая стадийная схема развития вполне соответствовала общепринятой схеме распространения «цивилизации» на Британских островах с римских времен: «Устье Тэя было самым дальним рубежом Римской империи в Британии. Хотя Юлий Агрикола, лучший из генералов при худшем из императоров, Домициане, прорвался дальше и по суше проник в самое сердце Горной Страны, но, так и не увидев пределов варварской страны и никакой пользы от захвата нескольких варваров-горцев, отбыл обратно и утвердил Римские орлы <...> сделав Тэй свою границей <...> Теперь мы находим войска короля Георга марширующими в самые отдаленные уголки [Горного Края] <...> Однако сейчас он [король] не иностранца-

нец и захватчик, но суверен...»¹¹. При этом постепенный ход «цивилизации» явственно зрим, например, в том, что горцы «также имеют традицию, бывшую в Нижней Шотландии в давние времена, – наследие предков, – считать себя вправе совершать беспорядки [на Равнинах] всегда, когда это в их силах» (что являло собой разительный контраст с образом жизни, теперь уже привычным в Нижней Шотландии)¹². Поэтому «несомненно, для правительства будет большим счастьем, когда не только жители Равнин, но и сами горцы, вся Шотландия, будут в равной степени цивилизованны, а горцы будут управляться с той же простотой и спокойствием, что и вся остальная Шотландия...»¹³.

В этом смысле (стадиальности развития) примечательна этнокультурная история горношотландского порубежья в пограничном с Горной Страной районе города Инвернесс: «Английские солдаты [гарнизон Оливера Кромвеля в Инвернесе, учрежденный лордом-протектором «сохранять в стране мир и держать Горную Страну в благоговении»] поселились в этой <...> части страны и два момента усматриваются как последствия этого: <...> как солдаты Кромвеля приобщили их [местное окружение] к искусству и прилежанию в хозяйстве, точно так же они оставили им английский язык над их языками, что сохраняется до настоящего дня <...> Среди них живет много близких английскому образу жизни...»¹⁴. При таком понимании «прогресса» существование Хайленда одновременно на разных стадиях развития не удивительно. Кроме того, сам этот «прогресс» в крае может сменяться «регрессом» и, следовательно, возвращением к прошлому – в прошлое. В изложении практически всех комментаторов (по большей части шотландцев), к мнению которых в правительстве прислушивались, Горная Страна предстает «имеющей слабые связи с Равнинами [Нижней Шотландией], практически недоступной всем, кроме ее собственных жителей, язык [«диалект ирландского, понятный лишь им самим»] и платье которой совершенно отличны от принятых на Равнинах, до нашего дня менее цивилизованная, чем другие части Шотландии, отчего множество неудобств происходит для подданных Его Величества и даже для самого правительства...»¹⁵.

Последний комментарий при этом особенно важен, так как в географических, исторических и культурных особенностях развития Горной Страны самым естественным образом кроются причины мятежного состояния Горного Края. В этом случае представляется уместным вновь процитировать лорда Каллодена: «Сила в Шотландском королевстве издревле покоилась на власти властителей над своими вассалами и вождей над их кланами, что в мир-

ное время всегда было тяжким бременем для короля и королевства, поскольку эти могущественные властители и вожди, возгордясь, действовали очень высокомерно и оскорбительно, не управляясь ни королем, ни законом; во времена войны их могущество вредило и более». Последние же монархи из дома Стюартов сами ослабили власть Короны в Горной Стране, «снеся укрепления, построенные среди кланов Горной Страны <...> и вернув их к прежнему варварству»¹⁶. В результате к началу XVIII в. власть в Горном Крае по-прежнему была главным образом властью вождей местных кланов, а право – их наследственной юрисдикцией: горцы, «принадлежа к одному из племен, полагают себя под защитой вождя», который «обладает огромной властью на ними, совершенно не зависимой от любой законной силы; в ряде случаев сохраняя ее <...> после того, как земли, на которых они живут, были отчуждены от вождей, которым они служат...»¹⁷. Такой реванш «варварства», таким образом, отбрасывал Хайленд на полвека назад, если при расчетах в решении этого уравнения «цивилизации» оперировать датами представления Саймоном Фрэзером, 11-м лордом Ловэтом и вождем клана Фрэзер, мемориала «О состоянии Горной Страны» в 1724 г. Георгу II Ганноверу (того самого, который на соответствие истинности должен был летом 1724 г. в числе прочих задач в Горной Шотландии проверить генерал Уэйд) и началом периода Реставрации Стюартов в 1660 г. Актуализация представлений об утраченном для цивилизации крае через апелляцию к ее границам в прошлом играла при этом особую роль в идеологическом обосновании претензий на британский престол представителей дома Ганноверов. Политическая история Горной Страны выступала в данном случае как свидетельство достоинств или недостатков правителя, как доказательство законности и закономерности власти новой, протестантской династии.

Учитывая, что ответственные за умиротворение Горной Шотландии чины либо являлись участниками ирландского колониального опыта, либо предлагали применить его на правах комментаторов, уместно привести сравнительный пример аналогичной модели восприятия в Великобритании гэльской Ирландии¹⁸. В том же 1724 г. в Дублине вышла в печать «Ирландская историческая библиотека», составленная лордом-епископом Дерри¹⁹. Она предназначалась, как следовало из текста обложки, для составителей общей истории «Изумрудного острова», включая обстоятельные комментарии к сочинениям, которые могут быть полезными в этом нелегком труде. При этом при написании истории Ирландии автор в первой половине XVIII в. пред-

лагал ориентироваться на сочинения конца XVI – XVII в. «Цивилизованный» взгляд на ирландское «варварство» Э. Спенсера, Р. Стэнхерста, Дж. Дэвиса, У. Петти, непосредственным образом участвовавших в экономической, военно-политической и интеллектуальной колонизации острова, по-прежнему представляется епископу Дерри и его читателям актуальным для понимания не только прошлого, но и нынешнего состояния гэлов Ирландии²⁰. Протестантская община, конечно, настаивала в таких сочинениях на своем особом праве представлять «Изумрудный остров» в отношениях с Лондоном. Но, в силу специфики своего положения среди враждебно настроенного и потенциально мятежного католического большинства, вместе с тем поддерживала проект общей британской нации, юридически оформленный заключением в 1707 г. между Англией и Шотландией унии.

Ну а если иметь в виду более отдаленную ретроспективу, то в отношении Ирландии было «хорошо известно», что ее история – это история завоеваний. Однако британское присутствие благотворно сказывается на «цивилизации» ирландцев, как замечали комментаторы уже середины столетия²¹. В конце XVIII в., впрочем, и в Ирландии «варварство» попыталось взять исторический реванш, подняв знамя «противоестественного» мятежа. Как и в случае с Горной Страной, чей исторический опыт, как казалось, подтверждал соображения британских администраторов, способом «цивилизации» ирландцев (в 1798 г. в действительности не одних только гэлов) должна была выступить уния²². Как и в случае с Горной Шотландией, варварство этой гэльской окраины также имело вполне определенные политические характеристики, включая приверженность «папизму» (т. е. «деспотизму») и «предательскую» связь с иностранной державой (в данном случае с наполеоновской Францией).

С одной стороны, такая интерпретация исторического развития воспроизводила одну из распространенных историописательных моделей просвещенной Европы XVIII в. – универсализм. Универсалистская точка зрения была представлена сочинениями об историческом времени и социальном развитии, объединявшимися в жанр «историй человеческого духа» (Ш.Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Вольтер). Как правило, их авторы основывались на двух типах источников – на сочинениях античных и средневековых авторов и описаниях современных путешественников. В этих работах Европа в эпоху Просвещения предстает единым культурным пространством. Гэльские окраины XVIII в. как «Европа за пределами Европы» – такой же классический пример универсализма,

как и сочинения Монтескьё, Руссо или Вольтера. Не удивительно, что наибольшее развитие теория стадияльного развития получила в работах представителей шотландского Просвещения²³. Участники этого интеллектуального проекта в Северной Британии имели возможность воочию, в пределах одной и той же страны и на протяжении жизни одного поколения, наблюдать на примере соотечественников в шотландских горах процесс перехода от «племенного» строя к «национальному».

С другой стороны, в том, что касалось отчетов ответственных за умиротворение Горной Страны «шотландских» чинов, дело в данном случае не ограничивалось лишь фиксацией положения Хайленда относительно остальной части Великобритании на единой шкале исторического прогресса. На практике переход от «варварства» к «цивилизации», от «бунтующего» подданного к «верноподданному» представлял собой теорию, актуальную скорее для просвещенных шотландских интеллектуалов-literati, стремившихся обосновать англо-шотландский договор 1707 г. о заключении унии между двумя королевствами ссылками на открываемые им перспективы развития Северной Британии в составе Соединенного Королевства и в рамках Британской империи, чем для военных и штатских чинов, озабоченных поиском этнографической формулы «мятежного» горца. Вопрос о конкретных путях такой модернизации, таким образом, оставался открытым. По обе стороны англо-шотландской границы в эпоху Просвещения полагали, что модернизация в Горной Шотландии возможна только при условии скорейшего искоренения местных социально-экономических, политических и культурных практик, распространения британского образа жизни. Ответственные за умиротворение Горной Страны чины и их агенты, разделяя такое британское, юнионистское представление о конечном результате их усилий в Хайленде, считали временное сохранение и использование феодально-клановой системы возможным альтернативным путем к британизации края – вместо всеобъемлющей унификации в рамках «завершения унии».

Аналитические рамки теории стадияльного развития оказались достаточно гибкими, чтобы поддержать два взгляда на «цивилизационный» потенциал шотландских горцев, предполагавший различные подходы к хайлендской политике Лондона. В действительности они сочетались и пересекались в зависимости от конкретных обстоятельств. Этнография мятежа не противоречила политэкономии решения «Хайлендской проблемы». Учитывая выгоды и перспективы военного сотрудничества с частью местной элиты, власти до последнего выступления якобитов в 1745 г. полагали

терпимую к «племенному» строю «консервативную» этнографию «шотландских» чинов более уместной, чем поддержанную сторонниками «завершения унии» и исключавшую культурный компромисс. Наглядным подтверждением может служить выбор Лондоном хайлендской политики, предложенной генералом Уэйдом. При этом даже весьма умеренные, по сравнению с модернизационным запалом лорда Грэнджа, предложения командующего в некоторых случаях казались правительству слишком масштабными²⁴. Хотя на самом деле после подавления восстания в 1746 г. апелляция к клановой системе в Горной Шотландии еще долгое время оставалась веским аргументом в руках правительства и многих представителей местной элиты, нуждавшихся во взаимной поддержке и искавших общую выгоду в рамках институтов британского государства раннего Нового времени²⁵.

В результате исторические сведения прочитывались этнографически, порождая стандартный британский юнионистский нарратив в истории этой гэльской окраины. Вопрос состоял не столько в необходимости описать шотландского горца в качестве объекта этнографического анализа, определяемого особенностями нравов и обычаев, принятых в местной среде, сколько в том, чтобы наделить их историей, позволявшей рационально постичь особенности его развития и предугадать поведение в будущем. Исторические комментарии замещали собой историю Горной Страны как историю с собственным смыслом, логикой и внутренней связностью. Неудивительно, что самое значительное в этом новоизобретенном прошлом горцев было связано с Эдинбургом и Лондоном. В известном смысле сам Хайленд существовал постольку, поскольку об этом было написано в сочинениях британских чинов и агентов²⁶. История этой гэльской окраины под их пером представляла лишь часть истории Великобритании. Комментаторы не просто восполняли историю Горной Шотландии, но восполняли ее как цепь событий из истории, вершившейся в Эдинбурге и Лондоне. Таким методичным, хотя и не всегда последовательным, образом велась интеллектуальная колонизация Горной Страны, при которой знание о регионе сообщало власть над ним (и наоборот). В результате британское присутствие в крае подкреплялось историческими аргументами, а оценка местных реалий становилась менее противоречивой. И чем шире Лондон распространял власть в шотландских горах, тем подробнее изучался и Хайленд. Процесс «интеллектуальной колонизации» гэльских окраин Соединенного Королевства был формализован благодаря этнографическим особенностям гэлов Горной Страны и «Изумрудного острова». Однако отличитель-

ные черты местного населения интерпретировались Лондоном по обстоятельствам.

Контрастность временного дискурса в то же время позволяет глубже понять природу исторической памяти британцев в XVIII в., а напряжение протекавших параллельно (в пределах одного и того же региона) времен представить как проблему межкультурной коммуникации на этой гэльской окраине. Весьма показательный в этом смысле пример представлен в «Путешествии к Западным островам Шотландии» знаменитого доктора Сэмюэля Джонсона. Для современников события, связанные с походом «младшего Претендента» на Лондон осенью 1745 г., и к 1773 г. не стали частью исключительно прошлого. В результате в сочинении речь идет о времени, бывшем «не так уж давно» (восстание якобитов 1745–1746 гг.); о времени, в котором пишет сам автор (1773 г.); о времени, в котором пока живут многие горцы (до 1745 г.), сохраняя «некоторые прежние альянсы», приверженность клану, вождю и «прежнему образу жизни»²⁷. В этом смысле впечатления доктора Покока от Ирландии в середине XVIII в. мало отличались от испытанных в Горной Шотландии доктором Джонсоном. Последствия деяний лорда Маунтджоя и Оливера Кромвеля в конце XVI – первой половине XVII в. являются частым фоном описания реалий «Изумрудного острова» столет спустя²⁸. А ученики благотворительных протестантских школ, обучавших основам «истинной» религии и английскому языку, несомненно, должны были по окончании обучения вести более «цивилизованный» образ жизни, чем их сверстники-католики, пребывавшие в состоянии «варварства»²⁹. В отчетах о положении в Горной Стране ее политические, экономические, социокультурные границы не только совпадали с разделявшими Верхнюю и Нижнюю Шотландию горными кряжами. Они обозначали пределы миновавшей для остальной Великобритании эпохи «тирании и варварства». В результате в географическом воображении британцев возникал «хайлендский рубеж», пересекая который, они попадали в свое «историческое» прошлое.

При этом если дорога в Горную Страну оказывалась для путешественников дорогой в их собственное «историческое» прошлое, неудивительно, что временная продолжительность маршрутов не являлась прямым следствием их географической протяженности. Весной 1716 г. Джон Кэмпбелл, 2-й герцог Аргайл, возглавлявший королевские войска в Шотландии в период вспыхнувшего в королевстве мятежа, распорядился об устройстве сменных лошадей между Эдинбургом и Инвернессом в надежде на своевременный обмен распоряжениями и сообщения-

ми с пришедшим в Хайленд усмирять якобитов генералом Уильямом Кэдогэном. Но с уходом генерала из Горной Страны и эта непрочная связь тут же оборвалась, почтовое сообщение за пределами горно-шотландского рубежа было свернуто³⁰. Тот день, когда «эхо Бен-Невиса тоже будет потревожено, но не боевым рогом воинственного вождя клана, а почтовым рожком», для Горной Шотландии, и в первой половине XVIII в. бывшей краем «мятежа и беззакония», еще не настал³¹. Притом что в настоящее время от Лондона до крайней северной точки Шотландии, Терсо, не более 16 часов автомобильной езды³². По меткому замечанию П. Шоню, к началу XVIII в. «Англия оставила Шотландию... в другой эре транспортной географии»³³. Игры со временем начинались уже на пути в Горный Край. К тому же перемещение во времени ощущалось не только в дороге, но и во время постоя. Не только британская философия и политическая теория Просвещения, но и британские вкусы, характерные для этой яркой эпохи, определяли стандарты цивилизации, которыми измерялась дистанция между Горной Страной и остальным Соединенным Королевством. И эти стандарты также осмысливались в категориях времени³⁴.

К началу XVIII в. наука и литература уже провели первичную подготовку для последующей «цивилизации» и интеграции Горного Края, изображая его жителей такими же «дикарями» и «варварами», какими в свое время (в том числе и в первой половине XVIII в.) представлялись ирландцы (еще раньше – валлийцы, но с другим идейным подтекстом), и подкрепляя мысль о цивилизующей миссии Соединенного Королевства в Горной Стране³⁵. В модель англоязычного протестантского образования на Британских островах с самого начала был встроен определенный «гэлизм» (и в этом смысле параллели уместны между шотландскими и ирландскими гэлами), аналогичный в сущностных чертах (возьмем наиболее примечательный в последние десятилетия пример) ориентализму Европы Нового времени, как его понимал в своем известном исследовании Э.В. Саид³⁶. Наблюдается весьма своеобразная коннотация исторических образов: изображаемый комментаторами горец времен первых Ганноверов очень похож на ирландца времен поздних Тюдоров, притом что XVII век не стал пробелом в этой нарративной традиции: достаточно упомянуть сообщения об «избиении» протестантов в Ирландии в 1641 г. и страх повторения этих событий в 1689–1691 гг. и значительно позже³⁷. «Описание Ирландии» Файнса Морисона, составленное еще при королеве Елизавете и вновь опубликованное в 1735 г., – показательный пример для сравнения³⁸. Таким образом сформировался опреде-

ленный «исследовательский менталитет». Так как британские власти вполне разделяли с ответственными за умиротворение Горной Страны чинами и их агентами и комментаторами в крае принятые в их среде образы «отсталости» и «варварства» гэлов (ирландцев и горцев, чей язык именовали «ирландским» еще в первой половине XVIII в.), этот «гэльский» словарь социальной лексики, видимо, способствовал доведению соображений их авторов до Лондона.

С одной стороны, комментарии ответственных чинов и агентов правительства порой противоречили друг другу в выборе оптимальной стратегии «цивилизации» Горного Края, порождая конфликт этнографических интерпретаций. Этот факт очевиден на примере отчетов о состоянии Горной Страны 1689–1759 гг. Имея в виду широкие, как казалось, и перспективные, как порой и являлось, возможности военно-политического сотрудничества с частью местной элиты, власти до начала последнего выступления якобитов в 1745 г. считали терпимое отношение ответственных за умиротворение Хайленда чинов к феодально-клановому строю в крае более уместным, чем мнение, исключавшее компромисс и военно-политическое сотрудничество. При этом в действительности и после подавления последнего мятежа сторонников изгнанных Стюартов в 1746 г. апелляция к клановой системе в Горной Шотландии долгое время оставалась веским аргументом в руках правительства и местной элиты, нуждавшихся во взаимной поддержке и искавших общую выгоду в рамках институтов британского регулярного государства раннего Нового времени³⁹.

С другой стороны, идеи Просвещения были универсальным эквивалентом обмена этнографическим знанием между комментаторами. Народы, населявшие окраины европейских империй раннего Нового времени, рассматривались в качестве сопоставимых для сравнения и обобщений на основе упрощения их отличительных этнографических признаков («племенная» организация шотландских и ирландских гэлов или их «естественная склонность к мятежу»). Разница же в восприятии зависела не только от интеллектуального контекста этнографических репрезентаций, но и от разнообразных форм и методов сопротивления горцев проекту Просвещения в Хайленде, в том числе и от конкретных военно-политических обстоятельств. При этом все комментаторы соглашались, что модернизация Горной Шотландии является конечным результатом хайлендской политики Лондона: идеальный вариант заключался в исчезновении самого предмета их этнографических штудий – говорившего на «ирландском» языке «варвара»-горца в Хайленде. Стadia варварства, зарезервированная за мятежными шотландскими

горцами, таким образом, предполагала, что источник цивилизации – Лондон, а дальнейший вектор социальной эволюции края – растворение кланов в общем теле британской политической нации. Такая форма этнографического прочтения правительством, его чинами и агентами в крае местных реалий предполагала, что содержание этого процесса будет представлять собой определенное сочетание познавательных и административных практик в хайлендской политике Лондона. Такой выбор средств умиротворения мятежной гэльской окраины был призван стать связующим звеном между теоретическим определением и практической реализацией модели «интеллектуальной колонизации» Горной Страны и расширения британского присутствия в крае.

Примечания

- ¹ В широком смысле начало новому направлению исследований характера колониального знания европейских современных держав положила известная работа Э.В. Саида об ориентализме западноевропейских колониальных империй: *Said E.W. Orientalism*. N. Y., 1978. Впрочем, исследования, рассматривающие этнографию как колониальную практику, появились еще раньше. См., напр.: *Anthropology and the Colonial Encounter* / Ed. by T. Asad. N. Y., 1973. Подробнее о становлении и развитии такого исследовательского подхода см.: *Goh D.P.S. States of Ethnography: Colonialism, Resistance, and Cultural Transcription in Malaya and the Philippines, 1890s–1930s* // *Comparative Studies in Society and History*. 2007. Vol. 41 (1). P. 109–142.
- ² *Starkey A. European and Native American Warfare 1675–1815*. L., 1998. P. 46–56; *Plank G. An Unsettled Conquest: The British Campaign against the Peoples of Acadia*. Philadelphia, 2001; *Murdoch A. James Glen and the Indians* // *Military Governors and Imperial Frontiers c. 1600–1800 A Study of Scotland and Empires* / Ed. by A. MacKillop, S. Murdoch. Brill; Leiden; Boston, 2003. P. 141–160; *MacKillop A. Fashioning a ‘British’ Empire: Sir Archibald Campbell of Inverneil and Madras, 1785–9* // *Ibid.* P. 205–232; *Plank G. Rebellion and Savagery: The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire*. Philadelphia, 2006. P. 103–191.
- ³ *Mitchell A. A List of Travels, Tours, Journeys, Voyages, Cruises, Excursions, Wanderings, Rambles, Visits, etc., relating to Scotland* // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1900–1901. Vol. 35. P. 468–528; *Idem. Supplementary List of Travels and Tours relating to Scotland, with Index (being an addition to the list printed in Vol. 35 of the Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland)* // *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. 1904–1905. Vol. 39. P. 502–510; *Idem. Second and final Supplementary List of Travels and Tours relating to Scotland, with an Index (being an addition to the Lists printed in Vols. 35 and 39 of*

- the Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland) // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. 1909–1910. Vol. 44. P. 393–395; *Coats R.H.* Travellers' Tales of Scotland. L., 1913. P. 41–193; *Brown P.H.* Early Travelers in Scotland. Edinburgh, 1891. P. 91–266.
- ⁴ *Mitchison R.* The Government and the Highlands, 1707–1745 // Scotland in the Age of Improvement / Ed. by N.T. Philipson and R. Mitchison. Edinburgh, 1970. P. 44–45; *Withers C.W.J.* Gaelic Scotland. The Transformation of a Culture Region. L.; N. Y., 1988. P. 80–83.
- ⁵ Лучшее свидетельство серьезности заговора – имена адресатов корреспонденции епископа Рочестера. Например: *Atterbery F.* Letter to Sir. August 15, 1717; *Same.* Letter to the Earl of Mar. December 14, 1717 // Letters of Francis Atterbury, Bishop of Rochester to the Chevalier de St. George and some of the adherents of the House of Stuart. Vol. I. L., 1847. P. 1–2, 11.
- ⁶ *Harris E.* Letter to General G. Wade. Ruthven, October 7, 1724; *Wade G.* Letter to Viscount Townshend. October 12, 1724 // State Papers Domestic George I. Typescript Calendar Part I. Vol. 155 (1722–1725). L., 1979. P. 252–254; *Mitchison R.* Op. cit. P. 32. Эти признанные якобиты и после «реализации» акта о разоружении кланов Горной Шотландии 1725 г. не оставили агентурную деятельность в интересах изгнанных Стюартов: *Campbell D.* Letter to General George Wade from Sir Dunkan Campbell, Capt. of one of the Highland Companys. Edinburgh, May 2, 1727 [вложено в: *Wade G.* Report, &c., relating to the Highlands, 1727] // Historical Papers relating to the Jacobite Period 1699–1750: In II vols. Vol. I / Ed. by J. Alardyce. Aberdeen, 1895–1896. P. 154, 159.
- ⁷ *Keltie J.S.* History of the Scottish Highlands, Highland Clans and Highland Regiments. With an Account of the Gaelic Language, Literature, and Music by T. Maclauchlan and an Essay on Highland Scenery by J. Wilson. Vol. I–II. Edinburgh; L., 1875. P. 494.
- ⁸ *Black J.* Culloden and the 45'. L., 1990. P. 36.
- ⁹ *Defoe D.* Letter XIII, containing a Description of the North of Scotland // *Defoe D.* Tour... P. 362–431.
- ¹⁰ Ш.Л. Монтескьё: «Я хотел увидеть Венгрию, все европейские государства некогда были то, что Венгрия сейчас, и я хотел познакомиться с нравами наших предков»; Г. Л. де Боплан: «...если бы не появление пороха, мы могли смело принять современных казаков за древних русских». Цит. по: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 308, 446.
- ¹¹ *Defoe D.* Letter XIII, containing a Description of the North of Scotland... P. 394.
- ¹² Например: *Wade G.* Report, &c., relating to the Highlands, December 10, 1724 // Historical Papers relating to the Jacobite Period... Vol. I. P. 133; *Wodrow R.* The State of Scotland in 1724 [содержится в: *Analecta: or Materials for a History of Remarkable Providences mostly relating to Scotch Ministers and Christians*] // The Early Hanoverian Age. 1714–1760. Commentaries of an Era / Ed. by A.F. Scott. L., 1980. P. 148.

- ¹³ *Fraser S.* Memorial Addressed to His Majesty George I concerning the State of the Highlands, 1724 // Burt E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With large Appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished; with an introduction and notes by R. Jamieson. Vol. II / Ed. by R. Jamieson. Edinburgh; Glasgow; L., 1822. P. 257.
- ¹⁴ *Defoe D.* Letter XIII, containing a Description of the North of Scotland... P. 407–408.
- ¹⁵ *Fraser S.* Op. cit. P. 254–255.
- ¹⁶ *Forbes D.* Memoir of Plan for preserving the Peace of the Highlands: written a short time after the Revolution // Culloden Papers: comprising an Extensive and Interesting Correspondence from the year 1625 to 1748; including numerous letters from the unfortunate Lord Lovat, and other distinguished persons of the time; with occasional state papers of much historical importance. L., 1815. P. 14.
- ¹⁷ *Fraser S.* Op. cit. P. 255.
- ¹⁸ Генерал Уэйд, например, родился в Ирландии в семье офицера Джерома Уэйда из Килэвэлли, сына одного из английских солдат, высадившихся на «Изумрудном острове» вместе с Оливером Кромвелем и получивших там же ветеранские владения. А, скажем, генерал Блэнд был ирландским протестантом и предлагал применить опыт «цивилизации» ирландских гэлов к гэлам шотландским: *Plank G.* Op. cit. P. 113–118.
- ¹⁹ The Irish Historical Library. Pointing at most of the Authors and Records in Print and Manuscript, which may be serviceable to the Compilers of a General History of Ireland. By William, Lord Bishop of Derry. Dublin, 1724.
- ²⁰ *Ibid.* P. 4–16.
- ²¹ *Angel J.* A General History of Ireland in its Ancient and Modern State. On a New and Concise Plan. Vol. I. Dublin, 1781. P. 3–25.
- ²² См., напр.: An Impartial View of the Causes leading this Country to the Necessity of an Union... Dublin, 1799.
- ²³ Подробнее об этом см., напр.: *Микешин М.И.* Социальная философия шотландского Просвещения. СПб., 2005. С. 87–147; *Amoh Y.* The ancient–modern controversy in the Scottish Enlightenment // The Rise of Political Economy in the Scottish Enlightenment / Ed. by T. Sakamoto, H. Tanaka. L.; N. Y., 2005. P. 69–85; *Koyanagi K.* Civilization and history in Lord Kames and William Robertson // *Ibid.* P. 150–162.
- ²⁴ Так, предложения, касавшиеся правового регулирования и отправления правосудия в Горной Стране (назначение шерифов, их заместителей, мировых судей и констеблей в Хайленде, финансирование расходов на судебные издержки и квартальные судебные сессии на регулярной основе), так и остались на бумаге: *Wade G.* Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // Historical Papers relating to the Jacobite Period... Vol. I. P. 142.
- ²⁵ См., напр.: *MacKillop A.* «More Fruitful Than The Soil»: Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715–1815. East Linton, 2000; *Dziennik M.P.*

- The Fatal Land: War, Empire and the Highland Soldier in British America, 1756–1783. Vol. I–II. Ph.D. thesis. Edinburgh, 2010.
- ²⁶ Горная Страна в мемориале старшего Данкана Форбса из Каллодена служит яркой иллюстрацией такого упрощения: четыре страницы текста представляют сжатый очерк нескольких сот лет истории края и этнографические заметки обо всем населении Хайленда: *Forbes D.* Op. cit. P. 14–18.
- ²⁷ *Johnson S.* A Journey to the Western Islands of Scotland. L., 1791. P. 72, 92–104, 127, 143–148, 175–210, 258–263, 267, 310–314.
- ²⁸ *Pocock R.* Pococke's Tour in Ireland in 1752. L., 1891. P. 105–106.
- ²⁹ *Ibid.* P. 136.
- ³⁰ *Chambers R.* Domestic Annals of Scotland. From the Revolution to the Rebellion of 1745. Vol. III. Edinburgh; London, 1861. P. 401.
- ³¹ *Скотт В.* Эдинбургская темница // Скотт В. Собр. соч.: В 8 т. М., 1990. Т. 5. С. 8.
- ³² *Брайсон Б.* Остров Ее Величества. Маленькая Британия большого мира. М.; СПб., 2008. С. 327.
- ³³ *Шоню П.* Цивилизация классической Европы. Екатеринбург, 2005. С. 264.
- ³⁴ Например: *Johnson S.* Op. cit.; *Defoe D.* Letter XIII, containing a Description of the North of Scotland... P. 362–430; *Robertson J.* Tour through some of the Western Islands, etc., of Scotland in 1768 / By A. Mitchell // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. 1897–1898. Vol. 32. P. 11–19.
- ³⁵ Среди аналитических сочинений 1689–1759 гг. об умиротворении Горной Страны ни одно не преминуло указать на «цивилизацию» Хайленда как неперемное условие решения этой задачи: *Forbes D.* Op. cit. P. 14–18; *Wade G.* Report, &c, relating to the Highlands, 1724. Vol. I. P. 131–146; *Erskine J.* An Account of the Highlanders and Highlands of Scotland. Edr., 29 Decbr., 1724 // National Archives of Scotland (далее – NAS). Mar and Kellie Papers (далее – МКР). GD 124/15/1263/1; *Idem.* A Continuation of the Account of the Highlanders and Highlands. Edr., 2 Jan., 1725 // *Ibid.* GD 124/15/1263/2; *Idem.* Memorial concerning the Highlanders, Sherifships, Vassalages and etc. 1 [2,3]. Edr., 14 [21,25] Jan., 1725 // *Ibid.* GD 124/15/1264/1 [2,4]; *Bland H., Fletcher A.* Proposals for Civilizing the Highlands [вложено в: *Fletcher A.* Letter to the Duke of Newcastle. Edinburgh, December 14, 1747] // Albemarle Papers. Being the Correspondence of William Anne, Second Earl of Albemarle, Commander-in-Chief in Scotland, 1746–1747. With an Appendix of Letters from Andrew Fletcher, Lord Justice-Clerk, to the Duke of Newcastle, 1746–1748 / Ed. by C.S. Terry. Vols. 1–II. Aberdeen, 1902. P. 480–492; The Highlands of Scotland in the 1750. From Manuscript 104 in the King's Library, British Museum. With an Introduction by A. Lang. Edinburgh; L., 1898.
- ³⁶ *Сайд Э.В.* Указ. соч.; *Said E.* Culture and Imperialism. L., 1993.
- ³⁷ Подробнее о формировании и бытовании в Великобритании в XVII–XIX вв. представлений о «резне», устроенной «ирландскими паписта-

ми» в 1641 г., как о ключевом событии в истории Ирландии XVII в. см.: *Fitzpatrick T.* The Bloody Bridge and other Papers relating to the Insurrection of 1641 (Sir Phelim O'Neill's Rebellion). Dublin, 1903. Истории «Ирландского мятежа» в конце XVII – первой половине XVIII в. издавались с завидной регулярностью, причем некоторые из них, как, например, труд сэра Дж. Тэмпла, впервые вышли в свет еще во второй половине XVII в.: *Manley R.* The History of the Rebellions in England, Scotland and Ireland. L., 1691; *Temple J.* The Irish Rebellion: Or, an History of the Beginnings and first Progress the General Rebellion raised within the Kingdom of Ireland, Upon the Three and twentieth Day of October, in the Year 1641. Together with the Barbarous Cruelties and Bloody Massacres which ensued thereupon. Dublin, 1713 [1716, 1724, 1746]; *Borlase E.* The History of the Irish Rebellion. Dublin, 1743; *Curry J.* Historical Memoirs of the Irish Rebellion in the Year, 1641. L., 1758. Стоит отметить, что публикации сочинений сэра Джона Темпла видимо не случайно в трех из четырех приведенных здесь случаев совпали с важными вехами в истории мятежного Горного Края (подавление мятежей якобитов в 1716 и 1746 гг. и прибытие в Горную Страну в 1724 г. генерала Уэйда на фоне роста опасений подготовки очередного восстания).

³⁸ *Moryson F.* The Description of Ireland // Illustrations of Irish History and Topography, mainly of the seventeenth century / Ed. by C.L. Falkiner. L., 1904. P. 214–232.

³⁹ *MacKillop A.* Op. cit.; *Dziennik M.P.* Op. cit.

Н.П. Танышина

ГРАФ Ж.-Ж. ДЕ СЕЛЛОН И БОРЬБА ЗА ОТМЕНУ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Цель работы заключается в изучении жизни и деятельности известного швейцарского общественного деятеля и публициста графа Ж.-Ж. де Селлона (1782–1839), который стоял у истоков европейского пацифизма, был создателем первого на европейском континенте Общества мира и которого по праву можно именовать провозвестником «духа Женевы». Борьба за мир между народами и недопущение войн как средство разрешения конфликтов теснейшим образом была связана для Ж.-Ж. де Селлона с защитой им идеи неприкосновенности человеческой жизни, что нашло практическое воплощение в его борьбе за упразднение смертной казни. Этот вопрос является центральной темой статьи.

Ключевые слова: граф Ж.-Ж. де Селлон, борьба за отмену смертной казни, пацифизм, женеvское Общество мира, неприкосновенность человеческой жизни, протестантизм, либерализм.

Обществу для своей защиты нет необходимости сооружать эшафоты¹.

Граф Ж.-Ж. де Селлон

XIX столетие по праву можно считать временем, когда общественное мнение становится реальной политической силой, которую вынуждены учитывать государи. Наследие Американской войны за независимость, Французской революции конца XVIII в. глубоко проникало в сознание западного человека вместе с постулатами классического либерализма, в том числе идеями ответственности власти перед обществом, необходимости диалога между ними для совместного решения жизненно важных проблем. Именно на рубеже XVIII–XIX вв. в Европе и Америке по инициативе снизу возникает масса общественных неправительственных

ассоциаций по вопросам, оказывающим непосредственное влияние на жизнь людей. К числу таких вопросов входили борьба с вредными привычками, например с алкоголизмом, образование для детей бедняков, отмена работорговли, установление всеобщего избирательного права, изменение статуса женщин. К этому же кругу проблем относилась борьба за обуздание милитаризма и выработку мирных способов решения международных конфликтов, а также за упразднение смертной казни, что было вполне естественным после кровопролитных революционных и наполеоновских войн, опустошавших европейский континент на протяжении двадцати лет.

Борьба за упразднение смертной казни и история европейского пацифизма неразрывно связаны с деятельностью графа Жан-Жака де Селлона, имя которого, к сожалению, очень мало известно в нашей стране не только широкому кругу читателей, но и узким специалистам. Поэтому целью настоящей статьи является знакомство российского читателя с основными вехами биографии этого незаурядного человека и подробное освещение одного из важных аспектов его деятельности, связанного с борьбой за упразднение смертной казни, откуда, собственно, берет истоки и его пацифизм².

Жан-Жак де Селлон родился 20 января 1782 г. в Женеве в семье Жана де Селлона и Анны Монц. Его предки были французскими протестантами, проживавшими в Ниме, на юге Франции, вынужденными покинуть родину после отмены в 1685 г. Нантского эдикта³ и начала гонений на гугенотов.

Семья Селлонов разбогатела на торговле шелком; в 1699 г. женеvская буржуазия допустила Селлонов в свои ряды. Дед Жан-Жака, Жан-Франсуа де Селлон, владелец замка Алламан, был женеvским министром короля Людовика XV. Отцу Жан-Жака в 1786 г. был пожалован титул графа Священной Римской империи императором Иосифом II, когда тот посетил Женеву.

До восьмилетнего возраста Селлон получал домашнее образование. Его наставником был молодой протестант Пьер Виц, оказавший заметное влияние на формирование личности Жан-Жака. Именно воспитателю Жан-Жак был обязан глубоким интересом к теологическим проблемам и филантропии, именно Виц обучил его немецкому языку. Впоследствии он стал пастором во французском Кольмаре и еще долгое время продолжал переписку со своим учеником.

В 1790 г. вместе со своими родителями Жан-Жак отправляется в Италию. Там семья пробыла четыре года, останавливаясь в Неаполе, Риме и Флоренции. Будущий глубокий интерес к проблеме смертной казни и борьбы за ее отмену во многом связан именно с

этим периодом в жизни Селлона. В 1793–1794 гг. семья проживала в Тоскане. Именно здесь Жан-Жак узнал об отмене смертной казни в Тоскане великим герцогом Леопольдом. Юного графа поразило, что упразднение этой меры наказания не привело к росту количества преступлений. По возвращении из Италии Селлон взялся за изучение юридической и теологической литературы, посвященной вопросам смертной казни.

Отвращение к смерти и войне усилилось у него по возвращении на родину. Проезжая через Тироль, Баварию и Швабию, на территории которых происходили военные действия, связанные с началом революционных войн в Европе, Жан-Жак был поражен количеством увиденных им убитых людей на берегах Рейна.

Как видим, уже в ранней юности можно обнаружить зачатки его будущего интереса к проблемам смертной казни и пацифизма. Этой направленности способствовало и регулярное чтение в семье современной прессы. Селлон писал впоследствии: «Начиная с десяти лет мой отец не переставал мне читать газеты, поскольку он считал, что в них заключена история нашего времени...»⁴

С 1794 по 1800 г. Жан-Жак провел в семейном замке Алламан, недалеко от Женевы, иногда проживая в самом городе, в доме номер два по улице де Гранж, женевском особняке семьи. Один из таких визитов в город, в апреле 1798 г., совпал со вступлением туда французской армии. Это событие глубоко потрясло молодого человека. Он писал: «Я испытал чувство содрогания, увидев французов у Корнавенских ворот <...> Я увидел, что впервые они охраняются иностранными войсками, и я был готов взять в руку шпацию (в возрасте шестнадцати), чтобы помешать французским солдатам сорвать с моей шляпы женевскую кокарду, которую я не собирался отдавать. Именно с этого дня я испытываю глубокую симпатию к разным народам, которые нестерпимо страдают от утраты своей национальности»⁵.

С 1800 г. основным местопребыванием графа становится Женева. В это время он активно путешествовал по Европе; в 1804 г., во время своего первого пребывания в Париже, впечатлительный молодой человек стал свидетелем сцен религиозного насилия. В 1806 г., являясь восторженным поклонником Наполеона, Жан-Жак присутствовал на его коронации в Дуомском соборе в Милане и оказался при дворе императора. Наполеон назначил его своим камергером, а потом возвел в кавалеры ордена Воссоединения⁶. Такой, на первый взгляд, неожиданный карьерный взлет вполне объясним: представляется, это произошло не без протекции со стороны сестер Жан-Жака. Старшая сестра, Жанна-Виктория (1777–1849),

была замужем за бароном Ла Турби (1758–1814), камергером Наполеона, чрезвычайным министром сардинского короля в Петербурге, и являлась фрейлиной Полины Бонапарт, сестры Наполеона⁷. Младшая, Аделаида-Сюзанна (1780–1846), в 1805 г. вышла замуж за Мишеля Бензо Кавура (1781–1850), который в 1809 г. стал бароном империи и камергером Камилло Боргезе, шурина Наполеона⁸.

В 1810 г. умер отец Жан-Жака. Являясь единственным наследником семейного состояния, Жан-Жак возвратился в Женеву, приняв во владение семейные земли и замок Алламан, недвижимость на улице Гранж в Женеве, а также торговлю шелком. Став владельцем значительного состояния, он воспользовался им, чтобы иметь возможность развивать свою филантропическую деятельность, а также приобрел в 1819 г. деревню, названную им «Ля Фнэтр», недалеко от Женевы, служившую ему резиденцией в летний сезон⁹. Кроме того, граф регулярно проводил работы по реконструкции замка Алламан.

Вращаясь почти исключительно в аристократической среде, гордясь своим дворянским титулом и будучи глубоко религиозным человеком, Жан-Жак стал одним из тех женевских космополитов и полиглотов, которые, глубоко пустив корни во многих цивилизациях, сохраняли свои национальные истоки. Сам Селлон писал о «невывразимом очаровании», которое он испытал в детстве и юности, общаясь с немцами, итальянцами, англичанами и испанцами.

31 марта 1813 г. Жан-Жак женился на Александрине Франсуазе Сесилии де Будэ Буасси (1790 (1792)–1863), один из предков которой был министром Франциска I, короля Франции. От этого брака родились четыре дочери: Катрин, Евгения, Гортензия и Валентина.

Когда 31 декабря 1813 г. австрийская армия оказалась в Женеве и первое французское укрепление, которое она встретила на своем пути, сдалось без боя под восторженные крики толпы, Жан-Жак приветствовал освобождение своего родного города. Когда с мая 1814 г. по 6 февраля 1815 г. швейцарский Сейм отправил свои военные контингенты отражать французскую армию генерала Суше, де Селлон, чувствуя себя свободным от клятвы, данной Бонапарту, был в гуще событий, занимая должность командующего милицией. Именно в это время, когда женевцы отражали французскую опасность, граф особо проникся идеей борьбы народов за свое право на независимость и свободное существование.

Начиная с 1814 г. замок графа и его дом на улице Гранж были всегда открыты для гостей, европейских аристократов, влиятель-

ных персон того времени. Среди его гостей были, например, многие члены семьи Бонапартов, императрица Жозефина, знаменитый пианист Ференц Лист и писательница Жорж Санд, королева Англии, граф Каподистрия и многие другие.

По результатам Венского конгресса в 1815 г. Женева была присоединена к Швейцарской конфедерации. В Женеве была реставрирована республика и принята новая конституция. В 1816 г. де Селлон стал членом высшего законодательного органа Женевы – Верховного представительного совета. Верный своим аболиционистским убеждениям, он надеялся найти в Совете почву, благодатную для реализации его замыслов. По его собственным словам, в течение десяти лет он обращался к Совету с предложениями упразднить смертную казнь¹⁰.

Однако видя, что его деятельность в Совете не имела ожидаемого успеха, и стремясь вызвать интерес общественности к своему делу, в 1826 г. он решил организовать публичный конкурс написание лучшей работы, посвященной защите идеи необходимости отмены смертной казни¹¹.

Деятельность де Селлона в Женеве не ограничивалась исключительно борьбой за упразднение смертной казни. Граф был истинным патриотом своего города, считая себя прежде всего «женевцем и уже потом швейцарцем». Он мечтал, чтобы его родной город был в «авангарде прогресса» и считал своим долгом увековечить память людей, прославивших Женеву. Особенно это касалось Жана Кальвина и Жан-Жака Руссо, которых Селлон глубоко уважал и постоянно цитировал на страницах своих работ.

Именно в эти годы в Женеве обсуждался вопрос о возведении памятника Руссо. Граф с большим рвением взялся за организацию подписки по сбору средств для создания монумента, который планировали соорудить на острове Берж. Эта идея была реализована, и 24 февраля 1835 г. де Селлон присутствовал на торжественном открытии памятника.

Иначе обстояло дело с созданием памятника Жану Кальвину. Для Селлона Кальвин являлся не просто великим церковным реформатором, но и талантливым политиком, «законодателем швейцарской республики». Причем де Селлон идеализировал Кальвина. Граф де Селлон, убежденный защитник религиозной и политической толерантности, оправдывал жесткие, а порой жестокие действия Жана Кальвина во главе женевской консистории и его известную нетерпимость к своим религиозным оппонентам «духом времени». Например, оправдывая казнь знаменитого реформатора и ученого, открывшего систему кровообращения, Мигеля де Сер-

вета, он отмечал: «...Сервет стал жертвой нетерпимости, и виновато в этом, скорее, время, нежели люди, осудившие его на казнь, поскольку они были уверены, что действуют в соответствии с принципами правосудия и поступают точно так же, как все тогдашние правители»¹².

Граф выступил с инициативой открыть подписку по сбору средств на создание памятника Кальвину в главном храме города – соборе Святого Петра, в связи с трехсотлетним юбилеем Реформации, отмечаемом в 1835 г.¹³ Однако вследствие происшедшей тогда борьбы между представителями различных протестантских конфессий это предложение не было поддержано Юбилейным комитетом по Реформации. Селлон же, напротив, верил, что организация подписки могла благоприятствовать сближению кальвинистской церкви и «сектантов». Не найдя поддержки со стороны властей, Селлон решил взять инициативу в свои руки и лично организовал сбор средств. Помимо этого 17 августа он обратился в Совет Женевы, чтобы тот выделил место для водружения первого камня памятника. Граф де Селлон полагал, что если этот монумент было невозможно воздвигнуть в соборе Святого Петра, его можно было бы установить в другом общественном месте. Однако власти заявили, что не могут принять столь поспешного решения. Газета «Женевский протестант», официальный орган Национальной церкви Женевы, также не поддержала эту идею.

Тогда Селлон решил, что своеобразный «закладной камень» этого монумента он мог бы водрузить на террасе своего собственного женевского дома, где бы тот и находился до тех пор, пока власти не придут к согласию по вопросу о подходящем для его размещения месте. Однако такое место так и не было предоставлено. Конечно, неудача в столь важном для графа проекте не могла его не разочаровать, ведь он не смог убедить женевцев и городские власти в правильности решения увековечить память знаменитого соотечественника.

С другой стороны, даже неудача в этом эпизоде демонстрирует веру графа в силу просвещения, воспитания, ту веру, которую он разделял вместе с большинством мыслителей XIX в. Конечно, просветительские проекты, в том числе самого де Селлона, имели в некотором роде элитарный характер и заключались в сооружении монументов, увековечивании памяти исторических деятелей и особенно в организации публичных конкурсов, подобного тому, который он предложил в 1834 г. Женевскому общественно-полезному обществу, учредив приз в размере двух сотен франков автору лучшего проекта соединения Рейна со Средиземным морем через

Швейцарию, чтобы Женева стала «морским портом». Как и проект увековечить память Кальвина, эта идея в сен-симонистском духе не получила поддержки.

Неудача, однако, не ослабила реформаторский энтузиазм графа де Селлона. Он был автором и многих других предложений к представительному Совету Женевы. Помимо основного, связанного с его борьбой за упразднение смертной казни, он выступал за понижение избирательного ценза, повышение фиксированного жалования священникам, установление праздника в честь прибытия в Женеву первого швейцарского гарнизона со времени Реставрации республики и особенно за предоставление права законодательной инициативы представительному Совету по инициативе его пятой части¹⁴.

В оставшиеся тринадцать лет своей недолгой жизни он опубликовал десятки брошюр и ряд книг, среди которых две театральные пьесы. В центре внимания всех его работ были, прежде всего, вопросы, связанные с упразднением смертной казни и установлением прочного мира. Финансовое состояние позволяло графу распространять публикации бесплатно или отдавать доход от продажи в пользу исправительных учреждений.

Помимо активной публицистической деятельности, Селлон организует многочисленные конкурсы по самым разным проблемам и является членом разнообразных обществ. В частности, он был членом Общественно-полезного женеvского общества, членом и почетным директором Американского общества мира, членом-корреспондентом Английского общества по упразднению смертной казни, членом Общества искусств в Женеве, членом-корреспондентом Общества сельского хозяйства, наук и изящных искусств Макона, членом академий Безансона, Страсбурга, Макона и Аббевиля и ряда других общественных организаций.

Из всех инициатив, предпринятых графом де Селлоном, создание Общества мира в конце 1830 г. явилось наиболее важным и значимым по последствиям не только для Женевы, но и для всего мира. Была создана первая на европейском континенте международная неправительственная организация (и третья после аналогичных обществ в Великобритании и США), ставшая провозвестником особого международного статуса Женевы и того, что именуется «духом Женевы».

Столь резкий, на первый взгляд, переход де Селлона к борьбе за мир между народами, его увлеченность идеями пацифизма на самом деле были вполне закономерными. Это было связано с воспитанием, протестантской верой и в целом либеральным мировоззрением графа.

Катализатором же обращения графа де Селлона к этим вопросам стали события 1830 г., а именно волна революций, прокатившаяся по Европе вслед за Июльской революцией 1830 г. во Франции. Июльская революция вызвала волнения в некоторых швейцарских кантонах, всколыхнула Бельгию, итальянские государства, Польшу. Потрясенный последствиями революции в одной стране, ставшей катализатором общеевропейского революционного процесса, граф очень активно погрузился в дело борьбы за мир между народами.

Движение за отмену смертной казни, в которое активно включился граф де Селлон, носило общеевропейский масштаб. В начале XIX столетия не только в Швейцарии, но и в целом на континенте сторонники ее упразднения были весьма активны. Во Франции в годы Реставрации (1814–1830) эти идеи развивались «Обществом христианской морали», созданным Ф.А. Ларошфуко-Лианкуром в 1821 г. Активными участниками общества были известные французские политики А. де Токвиль, А. Тьер, А. Ламартин. Граф де Селлон поддерживал тесные связи с этим обществом и был его членом-корреспондентом. Именно это общество организовало первый конкурс на лучшую работу, посвященную проблеме упразднения смертной казни, а в 1826 г. Ж.-Ж. де Селлон принял эстафету и объявил о подобном конкурсе в Женеве¹⁵.

Выше уже отмечалось, что истоки позиции де Селлона по вопросу об отмене смертной казни просматриваются еще в молодости, когда он с родителями пребывал в Италии и когда его особенно поразила ситуация с отменой смертной казни в Тоскане великим герцогом Леопольдом в 1786 г. Селлон неоднократно упоминал об этом в своих работах и высоко оценивал опыт великого герцога Леопольда, кодекс которого он перевел на французский язык в 1831 г.¹⁶ Причем время публикации было отнюдь не случайно: в это самое время во французском парламенте обсуждался вопрос о реформировании уголовного кодекса 1810 г., и именно для ознакомления французских политиков с тосканским опытом де Селлон переводит этот документ¹⁷.

Стремясь найти исторические примеры, подтверждающие правоту его идей, помимо итальянского опыта, Селлон на страницах своих работ приводит целый ряд других исторических случаев подобного рода. Он писал: «Да, я ссылаюсь на опыт Древнего Рима, где в течение двух столетий не существовало смертной казни, и полиция от этого не страдала, как уверяет Монтескье, вслед за античными авторами. Да, я обращаюсь к российскому опыту, и особенно к опыту Тосканы, где упразднение смертной казни оказало

такое влияние на нравы, что там больше не было зафиксировано убийств!»¹⁸

Как уже отмечалось, де Селлон активно изучал юридическую литературу по интересующему его вопросу. Особенно он выделял «Трактат о преступлениях и наказаниях» итальянского юриста, просветителя Чезари Беккариа, с работы которого в определенной степени и начинается современное движение за отмену смертной казни. Беккариа стал популярен в Европе во многом благодаря Вольтеру, а де Селлону, в свою очередь, импонировало одно из замечаний Вольтера о том, что «повешенный не годится ни для чего хорошего»¹⁹. Работа Беккариа повлияла на ряд европейских государств, таких как Екатерина II, Иосиф II, и особенно на Леопольда Тосканского, заменившего смертную казнь на тюремное заключение. Помимо этого труда Селлон цитировал многие высказывания из «Трактата об уголовном праве» своего католического соотечественника Росси, а также работы Алессандро Мандзони, внука Беккариа, которому граф посылал свои книги и брошюры.

Как видим, Селлон глубоко изучил юридический аспект проблемы применения смертной казни. Однако для него смертная казнь – это не столько юридическая, сколько нравственная проблема, связанная с этическими ценностями, освященными христианской моралью и религией. Он писал: «Наказание, погружающее человеческое создание в хаос вечности <...> противоречит религии, которая исходит из доктрины бессмертия души!»²⁰

Как и другие христианские пацифисты, Селлон был убежден, что ничто не оправдывает лишения человека жизни, – только Бог вправе это сделать. Он оспаривал легитимность смертной казни, совершаемой человеком: «Грешные существа, каково бы ни было их превосходство над другими и их просвещенность, никогда не должны ни голосовать за смертную казнь, ни применять ее»²¹. Он отмечал, что «если Бог хотел бы подать пример, он покарал бы смертью Каина за убийство Авеля; однако, далекий от этого, Он защитил Каина от людей, собиравшихся его убить»²². Вдохновленный Священным Писанием, граф любил говорить: «Я хочу не смерти грешника, я хочу, чтобы он раскаялся и чтобы он жил»²³.

Тюремное заключение, по мнению де Селлона, должно заметить смертную казнь. Романтическая вера в реформирование правонарушителя была укреплена в графе опытом женевской пенитенциарной системы. «Исправительная тюрьма Женевы во многих отношениях может служить образцом, – заявлял он. – В этом году ее посетило большое количество людей из разных стран...»²⁴. Часто этих визитеров Селлон принимал у себя.

Граф в целом идеализировал воспитательное значение фактора тюремного заключения, отмечая: «Жизненный принцип всех учреждений подобного рода – это исправление сердца, это принятие твердых принципов посредством нравственного и религиозного воспитания; это возвращение к искренней и живой вере, которой почти всегда не хватает тому, кто нарушил человеческие законы»²⁵. «Лишая его (преступника. – *Н. Т.*) свободы, вы заставляете его жить в установленной манере, вы делаете для него то, к чему, поразмыслив, он, может быть, придет позже и сам, и вы не берете на себя ответственность погубить человеческое существо, которое чаще сбивается с пути, нежели является убежденным преступником», – так граф обосновывал несомненные преимущества тюремного заключения перед смертной казнью²⁶.

Либерал, сторонник идеи свободы в самом широком понимании этой категории, он подчеркивал: «Лишение свободы никоим образом не должно, на мой взгляд, служить аргументом в пользу лишения жизни, поскольку между этими двумя идеями лежит пропасть, имя которой – вечность»²⁷.

Селлон принадлежал к поколению людей, хранивших в памяти ужасы якобинского террора в годы Французской революции, хотя сам он не был непосредственным свидетелем этих событий. Переворот 9 термидора граф воспринимал как единственную альтернативу насилию и нескончаемым потокам крови. Он писал: «Как люди девятнадцатого века, еще хранящие в памяти воспоминания о веке восемнадцатом, могут сравнивать смертную казнь с лишением свободы? Разве эти люди забыли о 9 Термидоре, который сохранил жизнь неисчислимому числу французов, которые были тогда в тюрьмах и которые без этой революции (т. е. переворота 9 Термидора. – *Н. Т.*) оказались бы на эшафоте! Полная отмена смертной казни будет новым 9 Термидором, поскольку она обеспечит обществу возможность исправлять свои ошибки и заблуждения!»²⁸

Селлон был убежден, что насилие могло породить только насилие. В качестве противоположности опыту Тосканы он приводит пример из французской истории периода после якобинской диктатуры, ссылаясь на французского ученого и политического деятеля К.Ф. Вольнея, который в ходе своего курса лекций в Эколь нормаль отмечал, что во Франции после крушения власти Робеспьера он видел детей, гильотинировавших собак, кошек, кур, дабы вызвать в памяти воспоминания о зрелище, которого их недавно лишили. «Какая школа!» – восклицает Селлон²⁹.

Граф был искренне убежден, что упразднение смертной казни произведет значительный моральный эффект в человеческом об-

пшестве. Это не означает, отмечал он, что тут же прекратятся убийства, будь то на войне, будь то на дуэли: «Никто не утверждает, что упразднение смертной казни приведет к немедленному искоренению этих двух бичей; но говорят, и я первый среди них, что, официально упраздняя смертную казнь и мотивируя эту меру уважением к человеческой жизни, правители и законодатели подадут огромный пример как массам, так и отдельным людям и внушат им чувства, полезные для человечества, а также религиозный, неосознанный, мистический ужас к убийству...»³⁰.

Идея упразднения смертной казни, по мысли Селлона, со временем из филантропической и религиозной превратится в сугубо практическую и «будет культивироваться и развиваться даже теми, кто требует ее сохранения исключительно как превентивной меры... Повсюду, где будут уничтожены эшафоты, на их месте возникнут школы и пенитенциарные дома; чем активнее будут развиваться первые, тем менее заполненными будут вторые; но, я повторяю, смертная казнь – это подушка для лености, усыпляющая членов общества, делающая их безразличными к поиску средств улучшения человеческого общежития»³¹.

Граф де Селлон был убежден, что упразднение смертной казни повлечет за собой целую цепочку последовательных эволюционных изменений, осуществленных с помощью реформ в самых разных сферах человеческого общества, которые будут способствовать улучшению самой природы человека. «...Я предвижу, что вскоре после отмены смертной казни повсюду будут созданы ассоциации в пользу улучшения тюремного режима, превентивной полиции, улучшения системы налогов, таможен, начального образования, всего того, что поможет избежать преступлений и сделать наказание даже полезным для того, кто все-таки его совершил. Все это сделает невозможным лишение человека жизни и даст новый импульс сторонникам поисков способов улучшения человеческой природы»³².

Все свои надежды граф связывал с представительным Советом Женевы, к которому он обращался с предложениями заменить смертную казнь тюремным заключением. Он это последовательно делал в течение десяти лет, о чем сам сообщал в своих работах³³. Когда в 1816 г. он впервые выступил с этим предложением, Совет дал такой ответ: «Государственный Совет, не имея ничего против этого предложения по существу, полагает, что оно может быть рассмотрено только в ходе пересмотра нашего уголовного законодательства»³⁴.

Учитывая важную роль такого фактора, как общественное мнение, о чем граф писал в своих работах, он решил использовать имен-

но этот путь. В 1826 г., как отмечалось выше, он открыл конкурс на лучшую работу по вопросу об отмене смертной казни. Участникам было предложено ответить на вопросы, сформулированные самим де Селлоном.

Кроме того, Селлон сделал обращение и к Союзному сейму, направив туда свои письма и речи в пользу упразднения смертной казни, и, кроме того, в том же году опубликовал свою первую брошюру под названием «Замечание в ответ на предложение г-на Ж.-Ж. де Селлона упразднить смертную казнь»³⁵.

Из тридцати двух работ, принимавших участие в конкурсе, жюри, состоящее в основном из членов женевского Совета, выбрало сочинение 24-летнего французского адвоката Шарля Люка. Этот труд, дополненный замечаниями Селлона, получил распространение по всему миру, дав рождение тридцати подобного рода сочинениям. Уже само проведение конкурса вызвало широкий международный резонанс. В частности, граф де Селлон получил письма от герцога Орлеанского, будущего короля Франции Луи-Филиппа, баварского короля Людовика, австрийского посла в Швейцарии³⁶.

Помимо организации конкурса, с целью пропаганды своих идей Селлон, владевший основными европейскими языками, переводил работы многих иностранных авторов на французский язык, со многими находился в переписке, получал огромную корреспонденцию, знакомил своих корреспондентов друг с другом, печатался во многих швейцарских и иностранных газетах и рассылал по всей Европе свои брошюры и публикации.

В зарубежной науке существует мнение, что начиная с 1830 г. граф де Селлон резко переключился на проблемы международной политики, а именно борьбы за мир между народами, отошел от своей прежней идеи – борьбы за отмену смертной казни³⁷. На мой взгляд, такое утверждение не вполне справедливо. Более того, революционные события во Франции только активизировали публицистическую деятельность Селлона в прежнем направлении. Во Франции в это время шел громкий процесс над бывшими министрами короля Карла X, которым угрожала смертная казнь. Французское общество и политики разделились по этому вопросу, и Селлон счел нужным подогреть внимание общественности к волновавшим его проблемам. Он писал: «В 1830 году я счел необходимым с еще большей энергией углубиться в работы по вопросам абсолютной отмены смертной казни в надежде, что они будут благоприятно восприняты обеими палатами французского парламента, который согласится с моим мнением. Эта мера, будучи принята до завершения процесса над министрами Карла X, предохранит

Париж от многих потрясений и бунтов, поскольку народ увидит в этом решении прогресс цивилизации, в то время как в предложении Палаты депутатов от 9 октября (в котором предлагалось сохранить жизнь бывшим министрам. – *Н. Т.*) он видит только намерение сохранить голову министрам Карла X, обвиненным в кровопролитии в ходе трех июльских дней 1830 г.»³⁸.

В 1830-е годы Селлон не менее активно писал о необходимости упразднения смертной казни, чем в предыдущее время, тем более что эта тема для него была самым непосредственным образом связана с его увлеченностью пацифизмом. Он продолжал заниматься переводом на французский язык работ, посвященных этой проблеме. В частности, в 1836 г. он перевел речь, произнесенную 18 марта того же года в университете города Пизы профессором уголовного права Джованни Карминани и опубликовал ее вместе со своим предисловием. Напомним, что Пиза расположена на территории Тосканы, которую граф называл «классической землей упразднения смертной казни»³⁹.

В 1832 г. граф де Селлон серьезно заболел: его одолела подагра, он потерял способность владеть правой рукой, страдал от постоянных проблем с голосовыми связками. Когда 7 марта 1834 г. во время заседания Верховного Совета он, несмотря на свой недуг, решил взять слово, то совершенно потерял голос. Именно тогда он принял решение выйти из состава Верховного Совета, оставить свою должность в женевской милиции и сконцентрировать свои усилия на Обществе мира и публикациях, число которых поступательно росло.

Только однажды граф снова оказался на политической арене: в 1838 г., будучи убежденным защитником прав политических беженцев⁴⁰, он выступил против экстрадиции принявшего швейцарское гражданство принца Луи-Наполеона, находившегося на территории швейцарского кантона Тургау, несмотря на протесты со стороны французского правительства и угрозу применить силу, если принц не будет выслан из страны⁴¹. Граф, чьи предки в свое время были вынуждены покинуть родину, спасаясь от преследований и найдя прибежище в Женеве, развил кипучую деятельность, обращаясь к разным влиятельным лицам. Апеллируя к общественному мнению, он в последний раз выступил с публичным заявлением. Это произошло в тот самый момент, когда швейцарские волонтеры уже находились на границе с целью предотвратить так и не состоявшееся французское вторжение. Де Селлон заявил тогда: «Они

сделали больше, чем велел им их долг, поскольку они проявили готовность пожертвовать своей жизнью, не будучи обязанными этого делать, для того, чтобы защитить национальную честь»⁴² – слова, которые могут показаться странными, будучи произнесенными человеком, явившимся основателем Общества мира. Но это только на первый взгляд: дело в том, что граф де Селлон, противник войн и любого насилия, убежденный сторонник идеи неприкосновенности человеческой жизни, не менее активно отстаивал и священное право человека защищать свои естественные права. Он выступал за разработку норм нового международного права, базирующегося на признании «принципа неприкосновенности человеческой жизни, сочетающегося с вечным и легитимным правом человека на защиту против любой агрессии по отношению к его жизни и собственности»⁴³.

7 июня 1839 г. граф де Селлон ушел из жизни в возрасте 57 лет и был похоронен на женевском «кладбище королей», где покоятся самые именитые граждане этого города.

Каковы же были результаты деятельности графа де Селлона в деле борьбы за отмену смертной казни? Конечно, он многого не успел, рано уйдя из жизни. Но и то, что он сделал и чему дал импульс, заслуживает самой высокой оценки. Уже при жизни граф мог видеть изменения в общественном мнении по вопросу целесообразности применения смертной казни. Упомянувшийся Шарль Люка, автор труда, победившего в конкурсе, организованном де Селлоном, стал генеральным инспектором тюрем во Франции, а его сочинение было удостоено одобрения парижского Общества христианской морали. Кроме того, Палата пэров единогласно приняла предложение Люка о реформировании во Франции пенитенциарной системы и создании в Париже «образцовой для всего королевства тюрьмы», о чем в годы Реставрации был издан ордонанс королем Людовиком XVIII, так и оставшийся только на бумаге⁴⁴.

В 1871 г. Большой совет Женевы проголосовал за упразднение смертной казни, что было расценено современниками как «победа прогресса над обскурантизмом, цивилизации над варварством, демократии над авторитаризмом». Большая заслуга в том, что это произошло, по праву принадлежит графу де Селлону.

Что касается пацифистской деятельности Ж.-Ж. де Селлона, то первый международный конгресс мира, к учреждению которого он настойчиво призывал, был организован Английским обществом мира в 1843 г., спустя всего лишь четыре года после смерти графа. Первый международный арбитражный суд, к созданию которого также призывал де Селлон, свое первое заседание провел в Женеве

в 1872 г., занимаясь разрешением спора между США и Великобританией по поводу Алабамы. А в бывшем имении графа, ныне «вилле ля Фнэтр», сейчас расположена европейская штаб-квартира генерального секретаря ООН.

Примечания

¹ Traduction littérale du Préambule du code de Léopold, grand-duc de Toscane au vertu duquele il a aboli la peine de mort dans ses États, accompagnée de quelques notes de M. de Sellon. Genève, 1831 // Sellon J.-J. Ecrits divers. Genève, 1832. P. 2.

² Выражаю сердечную благодарность за идею написания этой статьи Г.В. Комаревскому.

³ По Нантскому эдикту (1598), завершившему период Религиозных войн во Франции, французские протестанты-гугеноты получали право исповедовать свою веру вне Парижа, созывать периодические собрания, посылать своих представителей в столицу для прямых сношений с королем. Гарантией этих прав являлись двести крепостей, переданных гугенотам.

⁴ Цит. по: *Rens I., Giesen K.-G.* Jean-Jacque de Sellon: pacifiste et précurseur de "l'espri de Genève" // *Schweizerische Zeitschrift für Geschichte*. 1985. № 35. S. 263.

⁵ Ibid.

⁶ Орден Воссоединения (l'Ordre Impérial de la Réunion) был учрежден Наполеоном в 1811 г. после аннексии королевства Голландии. Этот титул де Селлон сохранил до падения Первой империи во Франции.

⁷ После смерти барона, в 1815 г., баронесса де Селлон де Ла Турби вышла замуж за герцога Клермон-Тоннера (1769–1837), маршала Франции.

⁸ От этого брака родился будущий премьер-министр Италии Камилло Бензо Кавур.

⁹ Селлон назвал эту деревню «Ля Фнэтр», т. е. «Окно», так объясняя свое решение: он писал, что был бы счастлив, если бы у него было окно, через которое он мог бы увидеть самое красивое, по его мнению, зрелище: восход солнца над Монбланом и Женевское озеро. См.: *Sellon J.-J.* Recueil de lettres adressées aux Archives de la Société de la paix par son président. Genève, 1832 // Sellon J.-J. Ecrits divers. P. 252. Сейчас «Ля Фнэтр» является частью Женевы, здесь находится парк Ариана, на территории которого расположен Дворец наций – европейское местопребывание ООН. В помещении «виллы ля Фнэтр» находится женевская штаб-квартира генерального секретаря ООН.

¹⁰ Traduction littérale du Préambule du code de Léopold... P. 3.

¹¹ Ibid. P. 3.

¹² *Sellon J.-J.* Mélanges // Sellon J.-J. Ecrits divers. P. 272.

¹³ В 1535 г. протестантизм был признан господствующей религией в Женеве, а Собор Святого Петра из католического стал реформатским.

- ¹⁴ *Sellon J.-J.* Quelques observations de M. de Sellon sur l'ouvrage intitulé: Nécessité du maintien de la peine de mort, tant pour les crimes politiques que pour les crimes privés. Genève, 1831. P. 231.
- ¹⁵ Fragmens d'un discours sur la peine de mort prononcé le 18 Mars 1836 M. le chevalier Carmignani. Genève, 1836. P. 3.
- ¹⁶ Traduction littérale du Préambule du code de Léopold...
- ¹⁷ Ibid. P. 1–2.
- ¹⁸ *Sellon J.-J.* Quelques observations... P. 20.
- ¹⁹ Ibid. P. 25.
- ²⁰ Ibid. P. 243–244.
- ²¹ Ibid. P. 7.
- ²² Ibid. P. 34–35.
- ²³ Ibid. P. 245.
- ²⁴ Цит. по: *Rens I., Giesen K.-G.* Op. cit. P. 280.
- ²⁵ Ibid. P. 279.
- ²⁶ *Sellon J.-J.* Quelques observations... P. 25.
- ²⁷ Ibid. P. 27.
- ²⁸ Ibid.
- ²⁹ Ibid. P. 35–36.
- ³⁰ Ibid. P. 36.
- ³¹ Ibid. P. 239–240.
- ³² Ibid. P. 239.
- ³³ Ibid. P. 16.
- ³⁴ *Rens I., Giesen K.-G.* Op. cit. P. 280.
- ³⁵ Un Mot sur la proposition de M. J.-J. de Sellon pour la suppression de la peine de mort. Suivi des points principaux qui doivent être traités dans le concours et de quelques fragmens sur ce sujet. Genève, 1826.
- ³⁶ *Sellon J.-J.* Lettres de la Société de la paix // *Sellon J.-J.* Ecrits divers. P. 58–60
- ³⁷ См.: *Rens I., Giesen K.-G.* Op. cit.
- ³⁸ *Sellon J.-J.* Quelques observations... P. 233–234.
- ³⁹ Fragments d'un discours sur la peine de mort prononcé le 18 mars 1836 / M. le Chevalier Carmignani. Genève, 1836. P. 3.
- ⁴⁰ В 1834–1838 гг. Швейцария оказалась вовлеченной в ряд дипломатических столкновений с иностранными государствами по причине нахождения на ее территории политических беженцев из Польши, Италии и Германии. Поощряемые местными радикалами, они открыто агитировали против своих правительств.
- ⁴¹ Французское правительство, возглавляемое графом Л. Моле, приняло меры как дипломатического, так и военного характера, стремясь оказать нажим на правительство Тургау. Через представителей Австрии и Пруссии в Париже Моле обратился к австрийскому и прусскому правительствам с предложением рассматривать Луи-Наполеона как простого политического беженца, несмотря на его статус гражданина Тургау. В качестве демонстрации военной силы к швейцарской границе были подтянуты французские войска. Конфликт был улажен только благо-

даря добровольному отъезду принца в Великобританию. См.: *Таньшина Н.П.* Политическая борьба во Франции по вопросам внешней политики. М., 2005. С. 135–136.

⁴² *Rens I., Giesen K.-G.* Op. cit. P. 266.

⁴³ Adress aux amis de la paix intérieure et extérieure, par M. J.-J. de Sellon, membre du conseil souverain de Genève. Genève, 1831 // Sellon J.-J. Ecrits divers. P. 5.

⁴⁴ *Sellon J.-J.* Réflexions sur les suites probables de l'Arbitrage européen // Sellon J.-J. Ecrits divers. P. 8.

Е.Ю. Кольшевская

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ
ИРЛАНДСКОЙ ИСТОРИИ В ТРУДАХ
ИРЛАНДСКИХ КОНСТИТУЦИОНАЛИСТОВ
(на примере памфлетов Дж.Э. Редмонда
«Правда о 98-м годе» и «Ирландия с 98-го года»)

В статье дан краткий анализ двух малоизученных публицистических произведений, принадлежащих перу лидера Ирландской парламентской партии Джона Эдварда Редмонда. Данные памфлеты представляют собой любопытный срез видения ирландскими конституционалистами ирландской национальной истории после принятия Англо-ирландской унии 1800 г. Проведенный анализ позволяет утверждать, что национальная ирландская идея была сконструирована вокруг консенсусных моделей конституционного и республиканского направлений ирландского национализма.

Ключевые слова: Ирландия, нация, национальная мифологема, национальный вариант истории, Англо-ирландская уния, гомруль, Ирландская парламентская партия, Общество объединенных ирландцев.

В современных исследованиях ирландского национализма XIX – начала XX в. на сегодняшний день восстановилось консенсусное разделение его направлений на республиканский, представляющий «традицию физической силы», и конституционный, или «традицию моральной силы». Подобный подход предполагает размежевание этих «традиций», однако более тщательный анализ публицистики ирландских республиканцев и конституционалистов заставляет вновь возвращаться к проработке типологии направлений ирландского национализма. Особенно актуальным этот вопрос становится при работе с ирландской публицистикой начала XX в., когда процессы поиска Ирландией собственного «национального лица» выходили на новый этап. Известный отечественный исследователь ирландской проблематики А.В. Мирошников считает феномен ирландского национализма сложной взаи-

мосвязью культурных, религиозных и политических факторов, наличие которой делает появление точной классификации его направлений невозможным¹. На взаимопроникновение многочисленных общественных и политических аспектов в ирландском национализме указывает и отечественный исследователь Е.Ю. Полякова². В зарубежной историографии одним из хрестоматийных примеров подобной позиции стал взгляд английского исследователя ирландского культурного национализма Джона Хатчинсона, образно описавшего выполнение задачи классификации ирландского национализма как «прокладывание дороги через джунгли национализма»³ вообще и ирландского национализма в частности. Все эти размышления отечественных и зарубежных исследователей справедливы и базируются на факте переплетенности (вполне аналогичной знаменитым «кельтским орнаментам») экономических, политических, культурных аспектов внутри феномена ирландского национализма. Особенно интенсивным в период конца XIX – начала XX в. был процесс переплетенности политических и культурных аспектов. Это связано с параллельным развитием культурной компоненты, выражающейся в широком распространении общественных организаций, научных обществ и общественно-политических сообществ, созданных вокруг идеи возрождения национальной культуры, языка, спортивных состязаний, популяризации национальной ирландской культуры в ирландском обществе, и политической компоненты – борьбы за введение гомруля, предполагающего воссоздание независимого ирландского парламента.

Указанный процесс особым образом отразился в публицистических произведениях ирландских конституционалистов – членов Ирландской парламентской партии (далее – ИПП), которые были единственными легитимными носителями «национальной ирландской идеи» в глазах их современников-англичан⁴. Создателем партии и ее лидером с 1882 по 1891 г. был Ч.С. Парнелл – харизматичный человек и смелый политик, который сумел вернуть «ирландский вопрос» в повестку обсуждения в Вестминстере. Парнелл успешно сочетал тактику обструкции, земельную агитацию и природное красноречие, претворяя в жизнь собственный политический курс, направленный на возрастание роли «ирландской нации» в политическом дискурсе и поиска независимых путей развития Ирландии. Популярность Парнелла в ирландском обществе была ошеломляющей – современники называли его «некоронованным королем Ирландии», сравниться по «народной любви» он мог разве что с «Великим освободителем» Д. О'Коннеллом, даровавшим Ирландии в 1829 г. долгожданный «акт о католической эмансипа-

ции». Позиции Парнелла в Вестминстере пошатнулись в связи с рядом скандалов, в которых фигурировало имя политика. Громкие кампании в английской прессе, самой известной из которых стала кампания старейшей английской газеты «Таймс» вокруг якобы одобрения Парнеллом убийства в дублинском Феникс-парке поверенного по делам Ирландии лорда Кавендиша, в итоге привели к расколу внутри ИПП и серьезно пошатнули здоровье самого Парнелла, который скончался после продолжительной болезни осенью 1891 г.

Раскол партии и смерть Парнелла сильно ослабили позиции ИПП в Вестминстере. Из 80 избранных на выборах 1892 г. только 9 членов партии были намерены продолжать поддерживать политический вектор, заданный Парнеллом. Среди них был и преемник Парнелла на посту лидера ИПП – Джон Эдвард Редмонд. Редмонд был достаточно опытным политиком, однако ему не удалось заменить масштабную политическую фигуру Парнелла, главным образом потому, что он придерживался тактики компромисса с правительственными мерами, принимаемыми в отношении Ирландии. В 1886 г. премьер-министром Великобритании В.Э. Гладстоном было инициировано обсуждение проекта гомруля – первый билль о гомруле. В ходе обсуждения билля Редмонд выступил в Палате общин Вестминстера⁵. Речь Редмонда показала направление политической дискуссии по вопросу гомруля, начатой Ч.С. Парнеллом и продолженной Редмондом после смерти первого лидера ИПП: это не только обсуждение самоуправления для Ирландии, но в значительной степени обсуждение Англо-ирландской унии. Уния, как и гомруль, после смерти Парнелла стала в значительной степени самостоятельным феноменом, культурным архетипом, вокруг которого объединялись политические и интеллектуальные силы Великобритании.

О Редмонде-политике в отечественной и западноевропейской историографии существует устоявшаяся точка зрения, в основном связанная с его политической деятельностью во время Первой мировой войны или же рассматриваемая в контексте Дублинского восстания 1916 г. Джон Редмонд вошел в историю Ирландии как политик, ищущий с Великобританией компромисс по вопросу гомруля. Однако его вклад в поиск национального ирландского архетипа остается недооцененным историками. Между тем перу Редмонда принадлежит ряд любопытных сочинений, в которых он излагает свое видение ирландской истории. Одним из них является памфлет, посвященный истории заключения Англо-ирландской унии, – «Правда о 98 годе»⁶. Памфлет был опубликован в шестом

номере английского политического альманаха «Ирландский вопрос». Четыре части своего сочинения Редмонд предваряет обстоятельным вступлением, в котором обращается в первую очередь к английскому читателю. Как и подавляющее большинство ирландских конституционалистов, Редмонд стремится к историческому диалогу с Англией, но при этом последовательно доказывает политическую целесообразность гомруля. Уния 1800 г., упразднившая независимый ирландский парламент, является для Редмонда образцом «намеренной и постыдной политики угнетения»⁷. Подобная риторика была свойственна и ирландской республиканской традиции, главным образом построенной на противопоставлении «ирландскости» и «английскости» по национальной модели «мы–они». Еще одним показательным сходством является выбранная Редмондом тема – история заключения Англо-ирландской унии 1800 г., восстание Общества объединенных ирландцев 1798 г. и фигура лидера Общества – Т.В. Тона. Тон – излюбленный герой ирландских республиканцев, герой поистине легендарный, достаточно вспомнить яркую фразу, передающуюся из уст в уста и переходящую из сочинения в сочинение, гласящую, что «тон республиканца – это тон Вольфа Тона»⁸. Во вступлении Редмонд заявляет, что стремится пролить свет на английскую политику конца XVIII в. в отношении Ирландии. Показательно, что свой ретроспективный анализ Редмонд делает не только как политик и, безусловно, талантливый публицист, но и как историк, пусть не профессиональный, но хорошо владеющий источниками и историческими трудами историков-англичан. При этом Редмонд адресует свое сочинение английскому читателю, но описывает он историю Ирландии, т. е. де-факто пишет об Ирландии с точки зрения национального варианта истории.

Весь памфлет, начиная с первой части, посвящен доказательствам закономерности восстания 1798 г. В развязывании восстания и принятии Унии Редмонд обвиняет премьер-министра Великобритании Вильяма Питта, который стремился «спровоцировать восстание <...> чтобы обмануть надежды католиков»⁹ на отмену угнетающего их права законодательства – свода так называемых карательных законов, принятых в конце XVII – начале XVIII в., по которым католическое население Ирландии серьезно ущемлялось в правах. Последовательное принятие «карательных законов» подорвало социально-экономическое развитие Ирландии. «Законы против папизма и папистов» – как именовались эти законодательные акты в Англии – послужили поводом для народных выступлений и начала ирландской эмиграции. Редмонд считает Питта виновным не только в создании условий для восстания в Ирлан-

дии, а прямо обвиняет премьер-министра в осуществлении целенаправленного курса по лишению Ирландии ее независимого парламента. В доказательство Редмонд приводит цитаты из сочинений английского историка В.Э. Лекки, а также ссылается на комментарии лордов-лейтенантов по делам Ирландии – лорда В. Фитцвильяма и пришедшего ему на смену Джона Джеффриса Пратта, лорда Камдена. «Возможно, что он [Питт] ждал принятия Унии. Вся суть его политики в Ирландии сводилась к <...> уничтожению там независимого законодательного органа. <...> *Восстание 1798 года стало прямым и предсказуемым последствием этой политики*» (выделено автором. – Е. К.), – приводит Редмонд строки из работы В.Э. Лекки «Лидеры общественного мнения в Ирландии»¹⁰. Через лорда Фитцвильяма В. Питт стремился осуществить свой политический курс и «не дать сбыться надеждам католиков» на принятие законодательства, возвращающего им основные гражданские права, и Фитцвильям должен быть «разжечь огонь восстания» в Ирландии¹¹. «Разочаровать надежды католиков означало раздуть в этой стране огонь такой силы, который мог быть подавлен только силой оружия»¹², – цитирует Редмонд слова лорда Фитцвильяма. Однако, по утверждению Редмонда, Питт не был полностью уверен в своем ирландском ставленнике и решил предусмотрительно сменить его, «дабы наверняка поднять бунт в Ирландии»¹³. Доводы Редмонда вряд ли могли убедить консервативного читателя-англичина, разделявшего идею укрепления Британской империи, однако к ним мог бы прислушаться читатель, разделяющий позиции вигов, особенно если учесть, что во время издания памфлета Вестминстер во главе с Гладстоном был либеральным. Поэтому Редмонд-публицист во второй части сочинения уступает место Редмонду-политику, который, во-первых, стремится подчеркнуть правильность выбранного Гладстоном курса «справедливости для Ирландии», а во-вторых, искусно пользуется конфессиональным аргументом, встраивая в рассказ о несправедливостях к католическому населению английской политической элиты историю создания Общества объединенных ирландцев, отличающегося «духом религиозного братства и свободы, быстро распространяемым по стране»¹⁴.

Изначальную конституционность Общества, стремление решить непростые вопросы англо-ирландских отношений в русле закона поддерживал и ряд английских политиков, к которым Редмонд относит и ушедшего с поста лорда-лейтенанта по делам Ирландии лорда Фитцвильяма, однако правительство Питта отвергло идеи ослабления законодательного гнета для католического населения.

В результате Общество объединенных ирландцев было вынуждено обратиться к насильственным методам борьбы. Самой большой частью памфлета является третья – «О том, как стало возможно стихийное восстание». В ней Редмонд обвиняет лорда-лейтенанта по делам Ирландии лорда Камдена в подготовке «системы восстаний», распространении по стране сети «оранжистских лож», а также судов, на которых тысячи людей приговаривались к смертной казни. Отмечу, что лорд Камден предстает в сочинении Редмонда поразительно жестоким человеком. В начале памфлета Редмонд приводит высказывание лорда Камдена о том, что *«меры, принятые правительством, заставили восстание разразиться быстрее, чем оно могло бы случиться без них»* (выделено автором. – Е. К.)¹⁵, а в третьей части своего сочинения Редмонд дает оценку действий лорда Камдена в цитатах современников последнего. Так, например, сэр Ральф Аберкромби, лорд Холланд, обвиняет лорда Камдена в злоупотреблениях своими полномочиями и неумении командовать армией¹⁶, лорд Мойра указывает на невыносимые условия жизни ирландцев, созданные при лорде Камдене¹⁷, а современник Редмонда, названный в памфлете «видным юнионистом» Голдуин Смит открыто называет оранжистскую политику лорда Камдена «террористической» и направленной на разжигание «ужасной гражданской войны 1798 года»¹⁸.

Интересно отметить, что сам Редмонд четко обозначает свою позицию по поводу высказанных английскими историками и политиками мнений о католическом восстании в Вэксфорде – южном регионе страны, где были самые массовые выступления католиков-крестьян и самое жестокое подавление этих выступлений со стороны английской армии. Редмонд выступает здесь истинным продолжателем идеи Ч.С. Парнелла о главенстве светского государства, основанного на соблюдении закона, – «вопрос религиозной принадлежности не имеет ничего общего с вопросом восстания»¹⁹, безапелляционно заявляет политик в заключительной части своего памфлета.

Сочинение Редмонда ценно расстановкой акцентов, в которых он как политик конца XIX – начала XX в. отражает противопоставление уже сложившихся к тому времени ирландской культурной модели и английской модели «высокой» культуры. Редмонд видит в англичанах «угнетателей Ирландии», но одновременно с этим он отделяет образ угнетателя от образа протестанта, заявляя, что «католическое восстание в Вэксфорде было направлено не против протестантизма, а против тирании»²⁰. В этом Редмонд следует сложившемуся культурному и политическому архетипу конституци-

онного национализма, сконцентрированного вокруг идеи христианской Ирландии, «земли святых и ученых», как называет страну в своих сочинениях еще один сторонник курса Ч.С. Парнелла А.М. Салливан. Также подтверждением этого следует считать манеру героизации Редмондом Вольфа Тона. Образ Тона под пером Редмонда приобретает конституционное прочтение: это прежде всего просвещенный, интеллигентный и образованный человек, который понимал ирландскую нацию вне конфессиональных догм и был вынужден пойти на революционные меры в результате отказа в диалоге со стороны английских политиков.

К этой же тематике Редмонд обратился в 1898 г. в связи со столетней годовщиной восстания. В небольшом сочинении «Ирландия с 98 года»²¹, опубликованном в апрельском номере консервативного американского журнала «North American Review», Редмонд развивает свое видение истории страны за столетний период. Хотя композиционно данный памфлет является сплошным текстом, его организации стоит уделить немного внимания. На условные части памфлет разделяет повторяющаяся фраза «Результат был неизбежен»: заключение Унии привело к противодействию со стороны «ирландской нации» (в оценке Редмонда ирландское противостояние является сложившимся национальным противостоянием) – «результат был неизбежен»; аграрные волнения охватили всю страну – но этот «результат был неизбежен», ведь англичане проводили в Ирландии «грабительскую налоговую политику». Неизбежность результата английской политики видится Редмонду даже в восстании фениев 1845 и 1867 гг., более того, Редмонд, в общем не одобряя политику «физической силы», подчеркивает национальный компонент восстаний – «Даже если фении не добились ничего <...> их восстания доказали, что национальный ирландский дух жив»²². Героизация «ирландских мучеников», более свойственная традиции республиканцев, соседствует у Редмонда с героизацией Ч.С. Парнелла. Сразу же после вышеприведенной оценки фенианских восстаний – в глазах англичан однозначно преступных актов против Короны – Редмонд героизирует Парнелла, не только «возродившего бессмертный национальный дух ирландцев», но и сделавшего национальный ирландский дискурс «величайшей практической ценностью»²³. Особо подчеркну, что излагаемая Редмондом в памфлете «национальная доктрина» базируется на конституционном фундаменте – идеях В. Молино, Дж. Свифта, Г. Граттана, которых Редмонд прямо называет «учителями ирландской нации»²⁴, но вместе с тем в памфлете Редмонда немало точек соприкосновения с республиканскими идеями. Например, харак-

терной мыслью последнего сочинения является оценка автором жертв, принесенных за становление независимости ирландской нации, – начиная с «отчаянной попытки Эммета» и заканчивая восстаниями фениев 1848 и 1867 гг. в качестве мучеников за ирландский народ. Освещение Редмондом этих вопросов перекликается с концептами «общей жертвы» и «мученичества за ирландскую нацию», которые были развиты в рамках республиканской традиции. Общей с республиканцами является и точка зрения Редмонда на причины Великого голода, которыми послужила «политика англичан, а не болезнь картофеля»²⁵.

Конституционная парадигма ирландского национализма развита Редмондом в заключительных абзацах его сочинения, в которых автор памфлета вступает в полемику (в привычный для конституционалистов политический диалог) со сторонниками сохранения Унии в Англии и Ирландии. Среди доводов в пользу отмены Унии и введения в Ирландии гомруля Редмонд справедливо указывает на ведущий фактор нового мирового развития, изменения мировой политической картины и образования новых европейских национальных государств. «Даже сторонники Унии в Ирландии признают этот факт, даже они склонны провозгласить самоуправление»²⁶, – пишет Редмонд в ответ на аргумент юнионистов о последствиях введения гомруля в Ирландии.

Памфлеты Дж.Э. Редмонда ценны в качестве документов, в которых дается оценка ирландской истории в традициях конституционной парадигмы ирландского национализма. Вместе с тем в сочинениях Редмонда прослеживается линия культурной архетипизации на основе ирландской культурной модели: в погибших фениях он видит мучеников за ирландский народ, Вольф Тон и Генри Граттан поставлены им на один пьедестал «ирландских освободителей». Редмонд-политик олицетворяет заключительный этап векового поиска ирландцами собственной культурной и политической идентичности, создания идеологических границ ирландской нации. Редмонд-публицист описывает историю Ирландии при помощи выработанных в ходе этого поиска консенсусных моделей национального восприятия ирландцев. Но дальнейший ход истории показал, что Редмонд явно недооценил значение ольстерского юнионизма, повлиявшего на драматический раздел страны.

-
- ¹ *Мирошников А.В.* Восстания и реформы. Ирландский национализм от Унии до Братства фениев (1800–1858 гг). Воронеж, 2001. С. 20–25.
 - ² *Полякова Е.Ю.* Ирландия в XX веке: Учеб. пособие. М., 2009. С. 27.
 - ³ *Hutchinson J.* The Dynamics of Cultural Nationalism. The Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation State. L., 1987. P. VII.
 - ⁴ Понятие «национальной ирландской идеи» в данном случае весьма условно, так как английская элита крайне скептически относилась к ирландской национальной идее как таковой. Республиканцы-фениев, представляющие лагерь «физической силы» ирландского национализма, объявлялись англичанами преступниками.
 - ⁵ Hansard's Parliamentary Debates. 13 May 1886. Vol. 305. P. 912–1023.
 - ⁶ *Redmond J.E.* The Truth About the '98 // The Irish Question. 1886. № 6.
 - ⁷ Ibid. P. 2.
 - ⁸ См., например: «My *tone* is the *tone* of Wolfe *Tone*» (курсив мой. – *Е. К.*). *O'Leary J.* Recollections of Fenians and Fenianism. L., 1896. Vol. 1. Preface. P. VIII.
 - ⁹ *Redmond J.E.* Op. cit. P. 8.
 - ¹⁰ Ibid. P. 7.
 - ¹¹ Ibid.
 - ¹² Ibid. P. 8.
 - ¹³ Ibid.
 - ¹⁴ Ibid. P. 11.
 - ¹⁵ Ibid. P. 8.
 - ¹⁶ Ibid. P. 17–18.
 - ¹⁷ Ibid. P. 18–19.
 - ¹⁸ Ibid. P. 24.
 - ¹⁹ Ibid. P. 31.
 - ²⁰ Ibid. P. 30.
 - ²¹ *Redmond J.E.* Ireland since '98 // The North American Review. 1898. April. № 497. Vol. 166. P. 385–397.
 - ²² Ibid. P. 389.
 - ²³ Ibid.
 - ²⁴ Ibid. P. 386.
 - ²⁵ Ibid. P. 396.
 - ²⁶ Ibid. P. 397.

Н.В. Ростиславлева

ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
В ГЕРМАНСКОЙ
РАННЕЛИБЕРАЛЬНОЙ ДОКТРИНЕ
(первая половина XIX в.)

В статье рассматриваются теоретические представления о формах государства таких германских либералов первой половины XIX в., как К. фон Роттек, К.Т. Велькер, Ф.К. Дальман, В. фон Гумбольдт. Различия в их представлениях были связаны, по мнению автора, с общефилософскими ориентирами авторов, а также отчасти и с политическими потребностями регионов Германии, к которым они принадлежали.

Ключевые слова: ранний германский либерализм, формы государственной власти, К. фон Роттек, К.Т. Велькер, Ф.К. Дальман, В. фон Гумбольдт.

В центре либеральной теории и практики стоит категория свободы. Именно стремления защитить ее, обеспечить реализацию индивидуальных прав и свобод определяли представления германских либералов первой половины XIX в. о государстве. Однако эта инвариантная основа не привела к гомогенности их политических воззрений. Какие формы государства выделяли они в теории, какая форма была, по их мнению, оптимальной для Германии и чем можно объяснить различия в их представлениях?

Типология форм государства, которой суждено было обрести классический статус, получила обоснование в «Политике» Аристотеля, который выделял в качестве правильных форм монархию, аристократию и демократию¹. Это нашло отражение в трудах баденского либерала К. фон Роттека (1775–1840). Он различал формы государства по внутренним и внешним критериям. Внешние критерии в его системе – это количество людей, обладающих властью. Соответственно, монархия – это власть одного, аристократия – господство немногих, «лучших», демократия – власть всех, идеальная и

самая древняя форма. К внутренним основаниям Роттек относил условия, которые имманентно присущи данной форме государства и являются либо благоприятными, либо неблагоприятными для реализации общей воли. По этим основаниям он определял республиканское, деспотическое и анархическое правления и их мутации – тиранию, олигархию и охлократию². Используя типологию Аристотеля, он одновременно упрекал его в одностороннем подходе, так как философ, по мнению либерала, ориентировался только на внешние критерии в системе форм государства.

Роттек понимал, что в чистом виде существование названных им форм государственной власти едва ли возможно. Он ставил применение той или иной формы в зависимость от условий жизни народов. В духе Руссо Роттек замечал, что демократия является благом только для маленького народа с простыми обычаями и низким уровнем культуры; монархия – для больших и богатых государств, причем с точки зрения права Роттек высказывался только за ограниченную монархическую власть, так как каждая неограниченная власть, по его мнению, – смерть всякого права и, следовательно, также и государства; аристократия, по его мнению, вообще не имела шансов на существование в конституционной системе правления³. Последнее отличает Роттека от Руссо, полагавшего, что аристократия как форма власти соответствует народам средней величины. Роттека интересовали внутренняя природа и правовой фундамент демократии, которую он еще обозначал как демократический принцип⁴.

Полагая демократию самой древней формой государства, возникшую непосредственно после заключения общественного договора, Роттек усматривал элементы демократии во всех обществах. «Аристократия и монархия были лишь искусственными персонификациями общественной власти, тогда как демократия – естественная, и поэтому “прародина” всех остальных форм», – отмечал Роттек на страницах «Лексикона». Он уточнял: «Демократия, а именно демократический принцип или идея правового господства общей воли, выражает сущность государства»⁵.

Роттек отождествлял демократию с «конституционным принципом», с разумным правом⁶. Здесь не следует усматривать никакого противоречия, так как, восхваляя демократию, он не верил в возможность ее существования в чистом виде, полагая, что неограниченная власть большинства могла привести к деспотии, а полное отсутствие каких-либо управляющих структур – к анархии⁷. Поэтому Роттек распространял принципы свободы не на всех граждан, а только на тех, которые способны были осуществлять разумный

выбор. Интересы таких граждан, по его мнению, должны быть защищены в конституции.

Роттек видел возможность существования демократии в республиканской и монархической формах. Он ввел такие понятия, как республиканско-демократический и монархическо-демократический принципы, и полагал, что преимущество одного над другим имеет решающее значение только для определенных народов и времен⁸. Удачное воплощение демократической республики Роттек видел в США. С позиции политической реальности тогдашней Германии он полагал, что во избежание ужасов революции монархическо-демократический принцип имеет преимущества. Поэтому вероятность установления демократической республики скептически оценивалась Роттеком на страницах «Лексикона». Как пример он приводил Французскую республику 1792–1794 гг., установившую, по его мнению, господство «черни»⁹.

К середине 30-х годов XIX в., не отказываясь от основ своего учения о государстве в принципе, Роттек главное внимание уделял конституционной монархии.

Стремясь избежать революции, нарушающей индивидуальную свободу, он не считал возможным отбросить историческую традицию, и наилучшей формой правления для Германии была, по его мнению, именно конституционная монархия. Роттек стремился сохранить рациональность своей государственно-правовой теории, но в решении практических вопросов также начал обращаться к морально-историческим факторам.

Продолжением этой тенденции можно считать государственно-правовые идеи не менее известного либерального деятеля Баде-на Карла Велькера (1790–1861) и либерального политика немецкого Севера профессора истории Фридриха Кристофа Дальмана (1785–1860). Во время своей доцентской практики в Киле Велькер подружился с Дальманом и явно под его влиянием проникся идеей взаимодействия в государственной жизни рациональных, исторических, религиозных, культурных сил¹⁰. Велькер, как уже отмечалось, признавал значение естественного права. Так, в статье «Лексикона» «Источники учений о государстве» он называл также в качестве источника и естественное право. Однако в отличие от Роттека полагал, что основой позитивного права является наряду с естественным и историческое право¹¹, поэтому его представления о государстве имеют скорее компромиссную основу.

К возникновению и развитию форм государства Велькер подходил с точки зрения историко-философского метода. Он вел поиск периодизации истории в направлении определения ступеней

развития в пространстве и во времени любой жизни, включая народную и государственную жизнь¹². Мыслитель выделял такие периоды: начало или прорастание; взлет к высшему развитию или цветение; зрелость; падение, увядание, оцепенение, омертвление¹³. Конечно, он подходил к идее развития с точки зрения характерного для Просвещения принципа прогресса, но объясняющий дискурс был по Велькеру эмпирическим: основным импульсом выстраивания иерархии основных форм государства являлась идея единого организма, где отдельный человек – его часть. Государство в связи с этим – основной тип жизнеспособного союза людей¹⁴.

Пристальное внимание мыслитель уделял индивидууму, углублялся в психологию человеческой сущности и выделял такую ее константу, как стремление к гармонии, которая определяет интеллектуальное наполнение индивидуума. В качестве импульсов к гармонии могут выступать, по мнению Велькера, чувственные и эгоистические побуждения, слепая вера или теократия; разумный закон и принцип. Подобный подход, полагал мыслитель, применим и в сфере государства. Но в государственной жизни должно определяться господствующее положение одного из важных для индивидуума принципов, из которых и вытекает исчерпывающая классификация. Итак, по аналогии с развитием человека Велькер выделял: фазу детского и старческого возраста, которому соответствовал деспотический период общественных отношений; период юности, где наблюдалось господство теократии, время зрелости, когда устанавливаются разумно-правовые общественные отношения¹⁵. Он выделял три основные ступени развития государства – деспотию, теократию и правовое государство, пристальное внимание уделяя последнему.

Правовое государство, по Велькеру, будет основывать и развивать городской ремесленный промысел и земледелие, семейные отношения, которые сохраняют личное достоинство, обеспечит свободное самоопределение на службе, отделение церкви от гражданско-правового порядка, разделение властей и достижение легитимности при посредстве объективной общей воли¹⁶. Для него феномен правового государства – это основа его общего учения, единственно возможный и достойный в XIX в. идеал, и он много сделал, чтобы его реализовать на практике. Немецкий историк Борингер справедливо замечал, что в представлениях Велькера о государстве переплетаются наука и политика¹⁷. Велькер воспринимал государство не как абстрактное, созданное разумом общество, а как живой организм, где в тесном взаимодействии с правом находятся эмпирические факторы. Таким образом Велькер, явно под

влиянием идей романтиков, собирался установить гармонию между индивидуумом и государством. Р. Шетле полагал, что он включал в сферу государства всеопределяющие сущностные характеристики индивидуума как части целого¹⁸.

Вопрос отношения человечества к государству, теория государства были фокусом трактата «Политика»¹⁹, опубликованного в 1834 г. видным либералом немецкого Севера Ф.К. Дальманом. Он принимал типологию Аристотеля в принципе, полагая, что по числу лиц, допущенных к управлению, следует выделять такие формы правления, как демократия, монархия и аристократия²⁰, однако полагал, что ни одна из них не соответствует хорошему государственному устройству, более того, чем «чище» форма, тем она хуже. Автор тем не менее отмечал определенные преимущества каждой из них, которые могли бы быть востребованы. Так, демократия обеспечивает всем участие в управлении, монархия гарантирует единство воли, без которого государство не может быть сильным и надежным, аристократия является своеобразной серединой между двумя выше-названными формами, продвигая одновременно господствующий орган власти в народ, что более обеспечивает единство, чем само господство народа, и ограничивая присущий монархии произвол²¹.

В понимании сути и форм государства у Ф.К. Дальмана преваляли исторические начала: он утверждал, что государству не предшествует естественное состояние²². Его существование ученый допускал только в качестве вспомогательного средства, которое дает возможность рассматривать возникновение государственных структур как акт человеческого творения²³. По мнению Дальмана, государство архипервоначально, протосемья – это уже протогосударство, каждая семья – это государство, и вообще не может быть народа без государства²⁴. Он оспаривал точку зрения, что государство якобы повсюду выросло из склонности людей к кровопролитию; напротив, важные предпосылки его возникновения Дальман видел в одинаковом жизненном опыте народов, основой которого был общий язык²⁵. Отстаивая идеи постепенности появления государства, он по существу вставал на позиции отрицания теории общественного договора, но сам процесс возникновения государства был назван им одной из «глубоких загадок нашего бытия»²⁶.

Дальман размышлял о сути государства и заявлял, что этические принципы не исчерпывают ее, поэтому необходимо образовывать внешние учреждения, призванные оградить государство от раздоров и утвердить дух примирения. Но все же оно не тождественно божественному порядку, хотя «нет ничего ближе к божественному порядку, чем государство», полагал ученый²⁷. Внима-

тельное прочтение настоящего сочинения убеждает нас, что автор видел смысл этого института в правовых учреждениях, защищающих личность²⁸. Исчерпывающей дефиниции государства он в своей работе не предложил, поскольку оно всегда связано с особенностями своей эпохи. Также ученый указывал на связь государств друг с другом, поэтому учение о нем он, соответственно, делил на две части: на учение о государстве в его внутреннем устройстве и на теорию о нем как члена сообщества государств. Теорию внутреннего устройства он, в свою очередь, делил на две части – на учение о деятельности правительства и на раздел о представительстве, который основан на принципе множественности людей и вещей и является ведущим для введения конституции, с чьей помощью подданные могут осуществлять управление, опираясь на понимание основ ее действия²⁹ и осозная, что гармония лежит во взаимодействии между этими разделами и достижима только при учете исторической ситуации.

Основания современного ему государственного устройства Дальман усматривал только с момента появления христианства, когда «единоличная государственная власть вместо того, чтобы ограничивать свободу хорошо устроенного государства, стремится энергично выразить чувство и мнение всех и всеобщность народных решений дополнить мнением своей личности»³⁰. Но единоличная власть не была для Дальмана идеалом, он понимал, что для Европы это уже пройденный этап. «...Короли и власти обретают законную силу на основании божественного установления, но являются ими постольку, поскольку государство – это сам народ. Ведь хороший король ничего не хочет помимо воли народа, он не ищет другой власти, кроме той, что ведет к этой самой прекрасной из всех цели. <...> чтобы народу осуществить свое право, государство обязано принимать во внимание его голос, но вовсе не безобразный крик толпы. <...> Каждая конституция должна отражать все стремления лучшей части народа, и в этом проявляется мастерство ее создателей»³¹.

В сочинении «Слово о конституции» автор сконцентрировался прежде всего на анализе политических систем европейского региона (европейскую часть Российской империи он в эту территорию не включал. – *Н. Р.*). Дальман не отрицал особенностей отдельных европейских государств, но полагал, что Европа Нового времени имеет много схожего и она способна на создание идентичных конституций. Идеалом политического устройства на страницах этого, как, впрочем, и многих других сочинений, ученого была объявлена Англия³²: «...все, кто признает ценность различных ветвей вла-

сти, едины в том, что в Англии основы конституционного устройства как раз те, к которым стремятся все новоевропейские государства»³³. Проецируя свои приоритеты на Германию, Дальман выдвинул задачу перед немецким отечеством – из развивавшихся в ходе истории слоев сформировать сильное народное представительство, но создавать его «не из воздуха», а на исторических основаниях³⁴.

Государственно-правовое наследие Аристотеля практически не нашло воплощения в политической теории выдающегося мыслителя и политика Пруссии Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1834). Идея индивидуальной свободы стала структурообразующим принципом работы В. Гумбольдта «О пределах деятельности государства». Структура сочинения свидетельствует о том, что автора прежде всего волнует определение цели государства и рассмотрение спектра политических проблем сквозь призму потребностей индивидуума. Фокусом рассуждений Гумбольдта на эту тему являлась проблема счастья человека, ведь «стремиться к цели и достигать ее при развитии физической и нравственной силы есть основание счастья для здорового и сильного человека». Автор затронул также стремление индивида к идеалу и уточнил, что «образование приближает человека к идеалу», но только свобода – это «возможность неопределенно разнообразной деятельности», а «жажда свободы возникает поэтому слишком часто из сознания ее недостатка», в связи с чем «расследование пределов деятельности государства должно, как легко можно предвидеть, привести к большей свободе человеческой энергии и к большему разнообразию в положении людей»³⁵. Размышляя о политических вопросах, Гумбольдт апеллировал к истории государственных устройств. Признанным классиком в типологии форм государства считался и считается Аристотель, но он обратился к Платону, который был одним из востребованных философов античности в эпоху гуманизма³⁶. Немецкий мыслитель замечал, что «часто древние законодатели, а древние философы всегда, заботились также в существенном смысле и о человеке; а так как нравственное достоинство казалось им в человеке высшим благом, то поэтому “Республика” Платона, например, по чрезвычайно верному замечанию Руссо, есть сочинение не политическое, а, скорее, педагогическое»³⁷. Однако к античным государственным порядкам Гумбольдт относился со скепсисом, признавая, что «государственные учреждения у древних поддерживали и возвышали деятельную силу человека», но «ограничения свободы в древнейших государствах более подавляли и были опаснее, так как они касались именно того, что составляет своеобразную сущность человека, его внутреннюю жизнь»³⁸. Гумбольдт по-

лагал важным выстроить политическое устройство так, чтобы принималось во внимание внутреннее существо отдельной личности. Поэтому мыслитель стремился показать негативные стороны влияния современного ему государства на личность и предложить идеальную модель взаимодействия личности и государства, которое не должно, по его мнению, заботиться «о положительном благе граждан, оно не должно делать ни одного шага далее, чем необходимо для их безопасности друг от друга и от внешних врагов; ни для какой другой цели не должно оно стеснять их свободы»³⁹.

Отчетливо видно, что и в этом вопросе центром оси координат является принцип свободы. Он же определяет оптимальную по Гумбольдту форму правления. Этому вопросу не посвящена специальная глава, речь о ней шла в связи с заботой о безопасности граждан. Гумбольдт полагал в качестве наиболее оптимальной формы правления монархию: «...избрание именно монархической формы представляется доказательством высшей свободы избирающих <...> Наиболее целесообразным в этом случае будет один единственный предводитель или один судья. Забота о том, что этот единственный предводитель или судья может сделаться властителем, недоступна свободному человеку»⁴⁰. Построения Гумбольдта упираются в осознание человеком его свободы, подтекст очевиден: это ответ на вопрос, как формируется такой индивидуум. Поэтому немецкий мыслитель счел необходимым, предвзяв обсуждение конкретно-юридических вариантов заботы государства о безопасности, рассмотреть этико-педагогические аспекты формирования личности.

В германской раннелиберальной доктрине представления о формах государства были связаны с общефилософскими ориентирами авторов. Тяготение к рационалистической философии характерно для либералов немецкого Юго-Запада, поэтому и для Роттека, и для Велькера сохраняет значение типология форм правления Аристотеля. Для лидера либерального Севера Германии Дальмана отношение к учению Аристотеля о государстве довольно формальное: либерал апеллирует к историческим основаниям данного института. Вполне корректно это объяснить характерным для либералов немецкого Севера желанием решить Шлезвиг-Гольштейнский вопрос: используя исторические основания обосновать независимость герцогств от Дании и необходимость их включения в состав Германии. Идеи Аристотеля абсолютно чужды интеллектуальному либерализму Пруссии: В. фон Гумбольдт тяготеет к наследию Платона и более сконцентрирован на вопросе развития личности, а не на размышлении об идеальной форме государства. Пиетет мыслителя перед монархией не более как проявление его стремления к сохранению традиции.

Примечания

- ¹ См.: *Аристотель*. Политика // Аристотель. Сочинения. М., 1983. Т. 4. С. 457–495.
- ² *Rotteck C.V.* Lehrbuch des Vernunftsrechts und Staatswissenschaften. Stuttgart, 1829–1835. 4 Bde. Bd. 2. S. 183 (далее – LdV).
- ³ *Ibid.* S. 194.
- ⁴ Staatslexikon oder Enzyklopädie der Staatswissenschaften // Verbindung mit vielen der angesehensten Publicisten Deutschlands / Hrsg. von C. von Rotteck, C. Welcker. Altona: Hammerich, 1834–1848. 15 Bde. Bd. 4. S. 252 (далее – SL).
- ⁵ *Ibid.* S. 257.
- ⁶ *Ibid.* S. 262.
- ⁷ LdV. Bd. 2. S. 199.
- ⁸ SL. Bd. 4. S. 260–261.
- ⁹ *Ibid.* Bd. 1. S. XV–XVI.
- ¹⁰ *Goessler P.* Der Dualismus zwischen Volk und Regierung im Denken der vormärzlichen Liberalen in Baden und Württemberg. Tübingen, 1932. S. 27–28.
- ¹¹ См. об этом: SL. Bd. 11. S. 277.
- ¹² *Welcker C.Th.* Das innere und äussere System der praktischen natürlichen und römisch-christlich-germanischen Rechts-, Staats- und Gesetzgebungslehre. Bd. 1: Der mehr historisch-politischen Seite erste Abteilung; oder Grundlagen und Grundverhältnisse. Stuttgart, 1829. S. 323 (далее – System).
- ¹³ *Ibid.* S. 327.
- ¹⁴ *Welcker C.Th.* Die letzten Gründe von Recht, Staat und Strafe philosophisch und nach den Gesetzen der merkwürdigsten Völker rechtshistorisch entwickelt. Giessen, 1813. S. 333 (далее – Die letzten Gründe).
- ¹⁵ System. S. 334.
- ¹⁶ *Ibid.* S. 407–408.
- ¹⁷ *Böringer A.* Die Rechtslehre Karl Theodor Welckers und auf Grund deines Systems. Jur. Diss. Tübingen, 1952. S. 60.
- ¹⁸ *Schöttle R.* Politische Freiheit für die deutsche Nation: Carl Theodor Welckers politische Theorie. Baden-Baden, 1985. S. 32, 53–54.
- ¹⁹ *Dahlmann F.C.* Die Politik auf den Grund und das Maß der gegebenen Zustände zurückgeführt. Berlin, 1924.
- ²⁰ *Ibid.* S. 59.
- ²¹ *Ibid.* S. 62.
- ²² *Ibid.* S. 52.
- ²³ *Ibid.* S. 52–53.
- ²⁴ *Ibid.* S. 52.
- ²⁵ *Ibid.* S. 54.
- ²⁶ *Ibid.* S. 55.
- ²⁷ *Ibid.*
- ²⁸ *Ibid.* S. 55–56.
- ²⁹ *Ibid.* S. 58.

- ³⁰ *Dahlmann F.C.* Ein Wort über Verfassung // Dahlmann F.C. Kleine Schriften und Reden. Stuttgart, 1886. S. 17.
- ³¹ Ibid. S. 17–18.
- ³² Дальман очень глубоко понимал сюжеты, посвященные английскому устройству в трактате Монтеस्कье, он серьезно изучал работу У. Блекстоуна «Комментарии английского права», где в систематической форме изложено английское государственное право. См. об этом: *Wilhelm Th.* Die englische Verfassung und der vormärzliche deutsche Liberalismus: eine Darstellung und Kritik des Verfassungsbildes der liberalen Führer. Stuttgart, 1928.
- ³³ Ibid. S. 18.
- ³⁴ Ibid. S. 27–28.
- ³⁵ *Гумбольдт В.* О пределах государственной деятельности. М., 2003. С. 6–7.
- ³⁶ См., например, сочинения Т. Мора или Эразма Роттердамского.
- ³⁷ *Гумбольдт В.* Указ. соч. С. 9.
- ³⁸ Там же. С. 10.
- ³⁹ Там же. С. 40.
- ⁴⁰ Там же С. 48.

ИДЕЯ СВОБОДЫ И ИНСТРУМЕНТ «ЗОЛОТОЙ СЕРЕДИНЫ» В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ XIX СТОЛЕТИЯ

Статья посвящена истории возникновения либеральной доктрины и философии либерализма, эволюции европейского либерализма, анализу важнейшего, стержневого для либерализма понятия свободы, взаимосвязи и взаимодействию понятий «либерализм» и «демократия», интерпретациям либерализма в различных регионах и частях Европы, а именно в странах с отсутствием традиций (или с недостаточно сформированными традициями) уважения к правам человека: жизни, свободе, собственности человека, к закону; в странах с «травматическим опытом». Важнейшая аналитическая проблема статьи – соотношение свободы в либеральном прочтении и идеи «золотой середины», ставшей политическим инструментом либералов, используемым для примирения и достижения компромисса различных сил и движений.

Ключевые слова: либерализм, либеральные традиции, реформирование, политика реформ, свобода, демократия, манипулирование, травматический опыт, бизнес, европейские либералы, Россия.

С середины XIX в. на Западе усиливается интерес к либеральным доктринам, идеологии, утверждается соответствующий стиль жизни, складываются либеральные системы. В основе этих процессов были идеи Джона Локка, Шарля Луи Монтескьё, других деятелей английского, французского, американского Просвещения, экономистов конца XVIII – первой половины XIX в. Адама Смита, Дэвида Юма, Вильяма Кобдена и других.

Либерализм (лат. *Liberus*¹) – политическое кредо, совокупность философских, правовых, экономических идей, образ мышления, стиль жизни западных интеллектуалов. В основе этого комплекса теорий, поведенческих стереотипов, практик и моделей власти лежит идея *свободы* – основополагающего стремления человека и

важного принципа государственной политики. Свобода предусматривает ответственность, свободное волеизъявление, собственность, свободу личности от произвола власти в результате снижения опекающей роли государства и церкви, верховенство права, свободное предпринимательство. В «Британской энциклопедии» либерализм определен как политико-правовая доктрина, нацеленная на «защиту жизни и свободы личности, недопустимость ущемления ее прав, обеспечиваемых законами, судом присяжных и правоохранительными органами». Индивидуум может быть «настолько свободным, насколько его действия не препятствуют свободе других»². В итальянском «Большом историческом словаре» либерализм определен как «доктрина, основанная на личной свободе, либеризме, юридическом равенстве граждан, разделении властей, суверенитете, правовом государстве, основанном на системе представительства и гарантированном Конституцией, на участии граждан в выборах на базе цензовой системы, светском характере власти, на веротерпимости»³. Немецкая энциклопедия *Der Grosse Brockhaus* определила либерализм как движение за свободу и государство, которое не нарушает свободу личности⁴. Российский исследователь Наталья Ростиславлева считает, что либерализм – это и склад ума, отличающийся терпимостью, открытостью, и тип политической практики. Свобода максимально реализуется в гражданском обществе, а свойственная либерализму толерантность создает действенные механизмы защиты граждан от произвола власти⁵. А в ряде недавних российских исследований либерализм квалифицируется как «интеллектуальное направление, центрирующееся вокруг проблематики прав и свобод личности, их политико-правового обеспечения»⁶. По мнению же теоретика либерализма Томаса Палмера, либерализм имеет три базовые опоры – права личности, спонтанный порядок, ограничение вертикали власти⁷.

Стремление к свободе было свойственно народам во все времена – от городов-полисов Древней Греции⁸ до средневековых европейских городов. Формула «Я – Римский гражданин» эволюционировала в направлении принципа «Городской воздух делает свободным по истечении года и одного дня», а итогом стало создание элементов правового государства в сочетании со свободой предпринимательства⁹. В эпоху Гуманизма разгорелась борьба свободных городов – коммун и Святого престола: дух свободы был несовместим с диктатом Понтифика¹⁰. Позднее в Европе рождаются привычка к свободе и сопротивление произволу – сегодня они реализуются через гражданскую инициативу.

Либералы XIX столетия оспорили божественное право монарха на власть, роль религии как единственного источника познания, выступили в защиту свободы и достоинства человека, его личного пространства, отстаивали идеи свободного контракта, равенства граждан перед законом и прозрачности власти – свойства, необходимого для обеспечения этих принципов.

Реализация либеральных идей обеспечивала светский характер власти, терпимость в отношении конфессиональной принадлежности граждан¹¹. По мнению Джона Стюарта Милля, проявлениями свободы являются право на выбор, независимость, а угроза автономии личного пространства исходит от «правительственной тирании» и «тирании господствующего в обществе мнения».

Источником либерализма стала теория естественного права, изложенная Джоном Лильберном в середине XVII в. Политик и мыслитель обосновал необходимость формального равенства, свободы личности независимо от происхождения, приоритета народа в сфере законодательной инициативы, исходящей от народа, принадлежащей ему и осуществляемой им через парламент. Вслед за Лильберном Джон Локк доказал, что свободная личность – основа стабильного общества¹².

Концептуальное ядро либерализма образуют следующие положения. Первое: *изначально* присущая человеку свобода, ответственность, личное пространство, возможность самореализации, обеспечиваемая собственностью и политико-правовыми институтами¹³, приоритет частной пользы – человек лучше знает, что для него лучше. Второе: оптимальная модель социума основана на свободном обмене идей, интеллектуальных и иных ценностей, на свободной конкуренции. Третье: либеральная система обеспечивает раскрытие творческого потенциала человека и его благополучие, но одновременно приводит к раскрытию потенциала общества и обеспечивает его (общества) благополучие. Из этого вытекают рациональное устройство общества и оптимальный баланс частной и общей пользы (блага). В центре внимания либералов – идеи правового государства, представительства, гражданской инициативы.

Свобода в либеральном прочтении основана на терпимости и компромиссе. Важным инструментом и методом достижения компромисса у «классических» либералов XIX столетия стала «*золотая середина*» – *juste milieu*. Этот инструмент нацелен на создание баланса политических сил, достижение компромиссов, *маятника* власти в Великобритании, США, затем во Франции и Италии. *Juste milieu* успешно использовалась в целях компромисса и примирения партий в рамках системы сдержек и противовесов, для контроля

вертикали власти, баланса частной и общей пользы, светской и духовной власти – ради стабильности.

Либералы позаимствовали *juste milieu* у французских доктринеров – представителей спиритуалистической школы 30–40-х годов, особенно Пьера Поля Руайе-Коллара и Франсуа Гизо, стремившихся к утверждению свободы и порядка, компромиссу различных движений элиты с целью преодоления конфликта интересов, достижения стабильности в обществе. *Juste milieu* взяли на вооружение английские виги, затем либералы, начиная с лидеров 1830-х годов Джона Рассела, Джона Грея, Генри Джона Пальмерстона и кончая Вильямом Эвартом Гладстоном. Либералы стремились найти точки соприкосновения с консерваторами и достичь с ними консенсуса. Иногда это приводило к переплетению идей либералов и консерваторов и политическому «перекрашиванию» отдельных политиков, особенно в таких узловых пунктах, как сокращение «опекающих» функций государства, отношение к традициям и прецеденту. Во Франции адепты доктринерства также получили заметный резонанс, входили в состав правительств и возглавляли их.

Свобода независимо от статуса человека, рода занятий, религии, политических убеждений оставалась умоглядной до американской Войны за независимость и революции во Франции. Этот стиль жизни встретила в штыки значительная часть французской аристократии и бюрократии, терявшая привилегии и мечтавшая о реставрации режима, сковывавшего свободу и предприимчивость. Идеи элиты аристократического сословия замешаны на традиционализме и романтизме – их можно квалифицировать как консерватизм в разных его модификациях. Пик распространения консерватизма пришелся на первую треть XIX столетия и предшествовал расцвету либерализма, но, в отличие от него, консерватизм не имел столь очерченного концептуального ядра¹⁴.

Мыслители Просвещения сформулировали идею свободы в терминах прав человека, а американская Война за независимость привела к созданию конституции, в основе которой лежит центральная идея либерализма (и представительной демократии) – *the government of the people, by the people and for the people*. А французские фельяны попытались создать новую либеральную элиту и сформулировать ее программу в «Декларации прав человека и гражданина» и Конституции 1791 г.

В экономической сфере основой либерализма стали либеристские постулаты¹⁵. В Британской энциклопедии указано: *laissez-faire*, или фритрейдерство, – «политика *минимального* вмешатель-

ства государства в свободную экономическую инициативу личности и общества... получившая развитие в классической экономике XIX в.»¹⁶. А Большой итальянский исторический словарь определяет *либеризм* как «экономическую доктрину, основанную на свободной инициативе, свободной торговле, свободном рынке». *Laissez faire, laissez passer* подразумевает «невмешательство и экономическую свободу, а государству отводится роль чистого гаранта»¹⁷. В *laissez faire* заложена идея *dreaming (minimum) state* – государства с минимальными функциями в *экономической сфере*: защита собственности, деловой активности, конкуренции, так как свободный рынок – залог свободы человека¹⁸. По мысли автора памфлета «Здравый смысл» Томаса Пейна, правительство есть «не более чем необходимое зло»¹⁹, а рынок не нуждается в регулировании²⁰. Адам Смит был убежден, что вмешательство государства подавляет инициативу – наиболее сильны страны, где граждане свободно проявляют ее. В «Теории нравственных чувств» экономист развил теорию мотивации труда, основанного на личной заинтересованности, а в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» доказал, что свободный рынок способен включать механизмы саморегулирования²¹. Эту идею отстаивали французские физиократы начиная с Франсуа Кене, а позднее экономисты Жан-Батист Сэй и Дестют де Траси, ставшие популяризаторами «гармонии рынка».

Либеризм предполагает устранение препятствий для инициативы человека, а личный успех – результат предприимчивости, трудолюбия, что соответствует *высшим интересам* государства. Государство, сохраняя пассивную роль, должно обеспечить защиту предприимчивости, если она не противоречит законам, свободе и инициативе другого человека.

По мысли Адама Смита, государству следует принимать меры по расширению образованности бедных классов. А в утилитаристской доктрине Джереми Бентама предусматривались осуществляемые государством функции защиты необеспеченных слоев населения, хотя в целом сторонники либеризма полагали, что социальные проблемы не нужно регулировать (или регулировать минимально). Бентам полагал, что свобода – это смысл существования, в ней заключены *частная польза* и рациональный расчет; в то же время баланс частной и общей пользы – залог стабильности в обществе²². Отвергнув христианскую догму о ничтожности человека перед Богом, либералы обосновали возможность счастья на земле как естественного права человека. Свобода и счастье максимального количества людей обеспечивают нравственность в обществе²³: принцип

личного счастья «срабатывает», если он согласован с общей пользой. А отцы-основатели американской демократии создали новое государство во имя жизни, свободы и стремления к счастью. Томас Джефферсон воспринял идею Локка о базовых правах с поправкой, заменив право собственности правом стремиться к счастью, поскольку находил это более естественным для Америки.

В «Теории нравственных чувств» Смит утверждал, что мораль – продукт творчества свободных людей, создающих благосостояние общества, а затем она воспринимается и обществом. Эволюция государственных институтов позволяет человеку действовать во имя общей пользы, даже если он преследует частный интерес. Смит определил спонтанный порядок – равновесие и стабильность, основанные на устойчивых моделях поведения в обществе, где невозможно нарушить рамки этих моделей. Это ключевое положение *laissez faire*, а в XX в. – либертарианской доктрины.

Страна, сохранявшая экономическое, колониальное, морское, торговое, финансовое, политическое лидерство, стала *колыбелью* и эпицентром либерализма. Политико-правовая мысль Англии объясняла причины лидерства свободной инициативой, защитой собственности, недопустимостью нарушения личного пространства человека. С 30–40-х годов XIX в. именно здесь распространились теории Смита, Милля, «манчестерской школы» Ричарда Кобдена, Джона Брайта и утилитаристские идеи. Впрочем, в Великобритании, где с 30-х годов XIX в. уже существовало трудовое законодательство, идеи ответственности власти и бизнеса получили развитие в период раннего Нового времени²⁴.

Свободная деловая активность пустила глубокие корни в атлантических странах. Развитие идей Кальвина об абсолютном предопределении, Божественном невмешательстве в дела человеческие, а главное, ее интерпретации адептами этого уже этического учения привели их приверженцев к убеждению: человек может по тому, насколько успешна его деятельность, стабилен и высок уровень благосостояния, просчитать свою будущую судьбу – и свободен в выборе. Следствием стало создание современной индустриальной цивилизации. Идеи Кальвина, с которыми отлично согласовывались либеральные идеи, попали в английские колонии в Северной Америке с пилигримами «Мэйфлауэра» и «Арабеллы», утвердились в доктринах *Ковенанта*, *Града Божьего На Холме*, *Фронтيرا*, нашли отражение в Своде свобод Массачусетской колонии в декабре 1641 г. И «Пакт на Мэйфлауэре», и «Свод свобод» Джона Уинтропа стали основой формирования в дальнейшем либеральной доктрины в США²⁵.

Либерализм как политическая теория основан на идеях парламентаризма, конституционализма и представительной демократии. И Вольтер, и Жан-Жак Руссо с его идеей о естественной свободе настаивали на том, что свобода человека может быть ограничена лишь законом и не должна ущемляться ни другим человеком, ни властью, ни церковью. Залогом стабильности государства является, по Дж. С. Миллю, представительное правление, и народ должен иметь навыки исполнения возлагаемых на него прав и обязанностей. Милль выстроил модель блокирования произвола вертикали власти²⁶, осудил вмешательство в частную жизнь и произвол чиновников, превращавшихся в безответственных «слуг правительства». Правовое государство стало итогом развития либеральной политико-юридической мысли.

Либерализм основан на формальном равенстве граждан и на принципах правового государства, избирательные же права граждан реализуются через цензовую систему при условии *позитивно* расширения электората. Политическими правами могут пользоваться граждане, которые обладают собственностью и не просят помощи у государства: они разумно распоряжаются своей судьбой, что дает им право решать судьбу страны, к тому же люди, обладающие собственностью, обеспечат ее защиту лучше, чем неимущие. Наконец, они обладают достаточной образованностью – поэтому ценз имущественный, как правило, сопровождается цензом образовательным²⁷. По убеждению отцов-основателей Америки, образованный человек сам ограничивает свободу²⁸. Так же считал Милль: образованный человек пользуется свободой в разумных рамках.

Новый этап национального самосознания привел в середине XIX в. к осознанию народами своей идентичности. Ее основой стал суверенитет, а следствием – идея корпоративной свободы, которую получает личность через отождествление себя с нацией.

По мере эволюции либеральной системы в развитых странах произошли сдвиги в политической культуре, правосознании граждан, предпочтение стало отдаваться реформам, brutальный путь социального протеста – революции, социальные катаклизмы – рассматривался как тупиковый все большим количеством граждан. Либералы стали смещать фокус внимания на свободу совести, академическую свободу, недопустимость ущемления *privacy*. Милль в эссе «О свободе» противопоставил свободу вседозволенности: человек свободен при достижении определенного уровня гражданского и нравственного развития. Власть такова, каково общество в целом, – эта мысль занимала и Милля, и немецких либералов Людвиг фон Мизеса и Вильгельма фон Гумбольдта.

На рубеже XIX–XX вв., с осуществлением реформ, в развитых странах проросли первые ростки демократии, но и там демократия стала результатом длительной борьбы. Борьба за избирательную реформу Великобритании привлекла внимание власти к социальным проблемам. Следствием стало постепенное расширение демократии как результат ответственности: либеральные интерпретации предполагают баланс между ответственностью правительства и личной ответственностью. По мнению Вольтера, демократия есть результат длительной борьбы. Вспомним рассуждения французского историка-либерала Алексиса де Токвиля о двух составляющих демократии²⁹. Первая – осознанное стремление значительной части населения к реформам с использованием таких инструментов гражданской инициативы, как массовая оппозиция, профсоюзное, забастовочное и иные формы движения. Другая составляющая – осознанное стремление власти осуществить добровольно назревшие реформы: они все равно будут осуществлены, но ценой такой политики могут стать бунт или революция.

Либеральный опыт Запада способствовал утверждению правового государства, где свобода квалифицируется как ответственность. Ответственность – обратная сторона свободы, и свободный образованный человек не потерпит манипулирования, в какой бы форме оно ни преподносилось: через привилегии, СМИ, заигрывание власти с народом или через иные каналы доступа. Человек, понимающий свободу как ответственность, выбор, гарантию прав, не способен терпеть нарушение *privacy* властью, другими людьми³⁰.

Говоря о соотношении понятий «либеральная система» и «демократия», следует обратиться к понятию «демократия». Британская энциклопедия определяет ее, с оговоркой, что речь идет о представительной демократии, как «форму правления, где права большинства – свобода слова, выступлений или совести – осуществляются в рамках конституции через избираемые учреждения»³¹. В статье в Итальянском словаре истории, посвященной либерализму, подчеркивается, что «либерализм лежит в основе современной демократии и является ее незыблемым принципом», а демократия – «политическая система, в которой власть представляет интересы большинства населения»³².

Страны менее развитые, чем Великобритания, Франция, США, в определенной мере Италия, демонстрировали эпизодический интерес к либеральным идеям, но либеральный опыт не получил развития из-за слабой политико-правовой культуры большинства граждан.

Механизм *juste milieu* представляет большой интерес для российского исследователя, особенно сквозь призму деятельности либерального политика Италии. Ведь либеральные идеи утвердились в стране, на которую оказывал давление понтификат, а либеральное государство было слабым в сравнении с «классической» либеральной Великобританией.

В первой половине XIX в. многие сторонники объединения исходили из приоритета Святого престола и баланса государственных систем, политических сил и движений, сложившихся на полуострове к началу 50-х годов. Либеральные католики и либералы стали использовать *juste milieu* в политической практике для достижения компромисса между Римом, препятствовавшим объединению итальянских государств, и Сардинским королевством, ставшим лидером Рисорджименто³³. *Juste milieu* с блеском использовал в 50-е годы XIX в. Камилло Бенсо ди Кавур³⁴, политик европейского масштаба, человек «золотой середины» по личным качествам и методам политического действия³⁵.

Воззрения Кавура сформировались в 1830–1840-е годы под влиянием католицизма, швейцарского кальвинизма и европейского либерализма. «Я раб свободы, – не устал он повторять, – ей я обязан всем, что имею». Он был убежден: без парламента не может существовать свободы, и заявлял, что чувствовал себя *свободным* человеком лишь в периоды, когда в Пьемонте заседал парламент³⁶.

Деловой мир с интересом встретил меры графа Кавура по реформированию экономики в Пьемонте – он заслужил репутацию успешного предпринимателя и преисполнился убеждением, что свободная конкуренция укрепит экономику, внутренний и внешний рынок Италии, обеспечит деловую активность бизнеса.

Талант экономиста, управленца Кавур проявил во время своего министерства (он возглавил кабинет с 4 ноября 1852 г.). Результатом стало железнодорожное строительство, возросли объем внешней торговли, производство шелка, хлопчатобумажных и шерстяных изделий, набрали обороты тяжелая промышленность и аграрное производство³⁷. Кавур стал лидером либералов Пьемонта, обращался к опыту Великобритании, предотвратившей потрясения проведением реформ³⁸.

Путь к независимости Италии политик увидел в консенсусе государства и церкви, что приобрело особое звучание, учитывая масштабы политической власти Святого престола, превратившие его в одно из самых реакционных государств Европы, подавлявших про-

явления свободы. Человек *золотой середины* отвергал brutальные пути к объединению страны, включая поход Тысячи Гарибальди³⁹, считал методы последнего диктаторскими⁴⁰ и сделал ставку на военные и дипломатические методы, а был он виртуозом дипломатии! Не случайно в итальянской историографии Рисорджименто называют «дипломатической революцией».

Особую проблему в объединительном процессе Италии представляла позиция Святого престола. В отношениях с понтификатом Кавур воспринял распространившийся в Женеве, а позднее и не только там, «религиозный рационализм», признававший за верующим свободу выбора – часть базового права человека на свободу в политике, морали, религии⁴¹. Христианство, понимаемое человеком *juste milieu* уже больше как нравственная модель, станет в будущем основой личной свободы⁴². А метод «золотой середины» Кавур использовал, чтобы избежать крайностей в создании независимой Италии – атеизма и религиозного фанатизма – и чтобы применить теорию прогресса к сфере духовной; отсюда стремление к компромиссу «реакции и революции, монархии и народа»⁴³.

В августе 1850 г. Кавур сформулировал принцип отделения церкви от государства по американскому образцу. Он был убежден: католик может отстаивать свободу государства от диктата церкви. А квинтэссенция *juste milieu* выражена Кавуром в формуле «Свободная церковь в свободном государстве», провозглашенной в марте 1861 г., хотя ее истоки нужно искать в идеях либералов 30–40-х годов XIX в.⁴⁴ Местоположение столицы в Риме Кавур мотивировал тем, что Рим – ядро европейской цивилизации, центр духовного, политического и культурного единства⁴⁵, а также необходимостью урегулировать взаимоотношения церкви и государства в будущей единой Италии⁴⁶. По его мнению, свобода совести могла бы стать реальностью после отделения церкви от государства: как субъект государства церковь будет подчиняться его законам, а при отправлении религиозного культа пользоваться свободой. Церковь свободна в духовной сфере и не вмешивается в политику. Таким образом будет достигнут компромисс – «золотая середина» в отношениях церкви и государства.

После смерти архитектора Рисорджименто премьер-министром Королевства Италии, провозглашенного в Турине 17 марта 1861 г., стал представитель либерального блока «исторической правой»⁴⁷ Беттино Риказоли, продолживший политику Кавура. В отношении понтифика надеждам человека *juste milieu* не суждено было сбыться: папа Пий IX и в момент присоединения Рима, и в дальнейшем занимал в отношении Королевства Италии враждебную

позицию. (Отметим, правда: итальянские либералы платили ему той же монетой.) В декабре 1864 г. понтифик обнародовал «Syllabus» – приложение к энциклике «Quanta cura», где осудил рационализм, либерализм, свободу науки, свободу совести, расцениваемую как «равнодушие к вере»; эти «заблуждения» были осуждены и I Ватиканским Собором (1869–1870). Утверждение либерализма в Италии обострило отношения государства с понтификатом и стало фактором нестабильности и уязвимости власти в стране. Все же появившееся на карте Европы государство получило глоток свободы, а человек *juste milieu* вошел в историю как борец за свободу и либерал – правда, не то с французским, не то с английским «акцентом».

Не обладая традициями демократии, итальянцы приобрели привычку к свободе, а власть – умение находить компромиссы, в том числе через механизм *juste milieu* Россияне никогда не имели такого опыта и традиций.

Страна с центром в Вечном городе восприняла античную культуру, философию и римское право. Ядро европейской цивилизации, колыбель свободных коммун, процветавших благодаря систематическому труду, в Средние века и на заре Нового времени государства Северной Италии стали очагом свободы, перекрестком мира, информационным мостом между Западом и Востоком, эпицентром деловой активности, образования⁴⁸.

Россия находилась «за скобками Европы», и многовековая изоляция от европейских, и не только, научных достижений, теорий и практик власти, права не прошла бесследно. С эпохи Киевской Руси власть была прочной, если во главе ее стоял грозный правитель. Этому способствовали суровый климат, скудные почвы, безбрежные просторы при отсутствии естественных границ, удаленность от Мирового океана, изоляция от Европы, Дальнего Востока. Зыбкость границ приводила к нападениям – власть и подданные нацеливались на поиск врага. Правитель владел собственностью, включая *людей*, – уважения россиян к человеку, закону, опыту свободы, привычки к свободному труду не возникло. После сближения с Византией власть на Руси *отзеркалила* сходные черты власти этой страны, восприняла цезаропапизм – так возникла система отношений, основанная на подчинении церкви и населения государству. В правление Андрея Боголюбского (ок. 1111–1174) Владимиро-Суздальское княжество достигло могущества и впоследствии стало ядром России. Политика этого князя оценивается многими историками как переворот в политическом строе Руси:

он одной своей волей изменил механизм наследования престола и укрепил верховную власть⁴⁹.

На Юге Италии, из-за вторжений арабов, норманнов, а в дальнейшем – утверждения власти Анжуйской династии, позднее Испании, возникли (так же, как в России) преклонение перед сильной, но не обязательно законной властью и неуважение к человеку, закону. Итогом стал произвол власти в отношении населения, с одной стороны, и формирование специфических механизмов сопротивления власти – с другой. Организованная преступность – *мафия* – проникала во властные структуры и *сливалась* с властью. Кроме мафии, на Юге возникло большое число нелегальных организаций, пополнявшихся за счет маргинальных слоев общества, удельный вес которых в структуре общества всегда был высок. Вековая отсталость, сохранение архаических форм землевладения, отсутствие промышленности, поголовная неграмотность населения, преступность не позволяли развиваться активности, направленной на производительную сферу, – ее основными формами стало участие в преступных сообществах.

Однако в Южной Италии возникли первые университеты Европы – они играли огромную роль в формировании рациональной правовой системы Запада и правосознания⁵⁰. С течением времени Италия восприняла стандарт западной культуры: образованность – стартовый капитал для свободного человека. Этому способствовали отсутствие крепостного права, а в Северной Италии – серьезной личной несвободы, а также заинтересованность элиты в оптимальных для человеческого достоинства формах политической власти – результат распространения гуманистических идей.

Россия находилась за пределами европейского пространства – власть и общество не усвоили наследие античной культуры.

Деспотизм власти укреплялся в течение 300 лет владычества татаро-монгольского ига. Правление азиатов-завоевателей укрепило пиетет россиян перед сильной властью, а их долготерпение вылилось в многовековое рабство *более половины* населения – в апатию, безразличие и сервиллизм⁵¹.

Италия стала колыбелью Гуманизма – возросло уважение к личности, ее правам, образованию. Россия оказалась за скобками Гуманизма, в плену «травматического опыта»⁵² – деспотической власти, замешанной на восточной деспотии и византийском цезаропапизме. Уважения к достоинству человека, закону не возникло, россияне позиционировали себя *подданными* правителя, но не *гражданами* – так включилась «программа самоуничтожения».

В Новое время на Севере Италии, хотя и потерявшей независимость, проводились ограниченные реформы по образцу европейских. После объединения страны в сентябре 1870 г. развитие либеральной идеологии в Северной Италии стало противовесом опыту южных и центральных областей. Но позднее преодоление политического сепаратизма привело к утверждению либерализма с итальянским *акцентом*. Это проявилось, в частности, в недоверии итальянцев к центральной власти или, как минимум, в противопоставлении общества и власти⁵³.

Отсутствие *прививки* свободы вывело Россию за скобки уважения человека к самому себе и своей стране⁵⁴. Слово «либерализм» пришло в русский язык в конце XVIII в. в значении «вольнодумство», и негативный оттенок (терпимость, попустительство) сохраняется до сих пор. Восстание декабристов – первое оформленное требование *ввести* ограничения власти – завершилось крахом; в зону турбулентности попали и проекты Михаила Сперанского. Либеральные реформы 60–70-х годов XIX в. привели к отмене крепостного права, послужили толчком к внедрению правовой нормы *Habeas Corpus Act* и созданию суда присяжных, расширили рамки самоуправления. Но реформы *зависли*, а проект российской конституции М. Лорис-Меликова (1881 г.) «затонул» после смерти российского императора. Та же судьба постигла реформы начала XX в. С. Витте, П. Столыпин – реформаторам в России был уготован тернистый, а то и трагический путь⁵⁵. Амбициозность, предприимчивость осуждались на всех этапах истории России. Правовая поддержка деловой активности в России не возникла, а в Италии она опиралась на политико-правовой прецедент. В России свобода не была востребована ни в XIX столетии, ни в начале XXI в., власть и общество бросало из одной крайности в другую, а нежелание искать компромиссы привело к отсутствию опыта *juste milieu*.

Автократические режимы XX в. дискредитировали ценности либерализма. Но в Италии Савойский Дом, Святой престол, меньшее распространение атеизма, итальянский конформизм сделали невозможной устойчивую приверженность власти и общества к тоталитарной автократии. Россия же после Октября 1917 г. оказалась в состоянии *цивилизационной* катастрофы, откуда не выбралась и поныне⁵⁶, – и она, по-видимому, была не первой в истории страны. Ведь режим использовал *готовую* матрицу – иерархию, механизмы политического действия, неуважение к элите, интеллектуалам, к человеческой жизни вообще, отсутствие привычки к свободе.

Перестройка слегка изменила отношение к свободе на уровне массового сознания, но и сегодня большинство населения России

относится к праву человека на свободу неоднозначно. Власть культивирует агрессивную безграмотность: неграмотный народ не имеет представления о свободе и гражданской инициативе. Россия, по выражению Игоря Яковенко, остается страной «сущностно вчерашней», а ее сознание отражает позавчерашний день⁵⁷.

Уместно привести рассуждения Бруно Гроппо о «травматическом опыте»⁵⁸ стран, переживших бунты и диктатуры, где власть постоянно нарушала *свободу* прежде всего интеллектуальных и самодостаточных слоев населения. Такой опыт России привел к появлению в социальном теле ран, от которых остались шрамы, требующие длительного времени заживления. Возникла *точка невозврата*, когда путь к свободе и жизни в цивилизованном обществе блокирован: диктатуры не проходят бесследно.

Авторитарная власть стремится вычеркнуть или исказить целые страницы истории России. Общество, называющее себя свободным, не может игнорировать необходимость беспристрастного изложения истории. Как полагает Игорь Яковенко, базовые культурные ориентиры мешают объективному восприятию россиянами собственной истории. Преодоление этих барьеров – единственный выход из тупика, хотя это вызывает протест у «ревнителей устоев»⁵⁹. Но травматическое прошлое не раз ставило и ставит под угрозу не только свободу, но и нормальную жизнь страны.

Примечания

¹ Термин имеет в основе слова «свобода» и однокоренные с ним. В испанской конституции 1812 г. вероятно впервые употреблено слово «либерал», т. е. адепт оппозиции, целью которого стала *свобода*.

² Liberalism // Encyclopædia Britannica. URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/339173/liberalism>; Encyclopaedia Britannica. Chicago; London; Toronto, 1946. Vol. 13. P. 1000; в опубликованных в последние годы работах по теории и практике либерализма приводятся выдержки из европейских энциклопедий.

³ Grande Dizionario di Storia. Milano, 1998. P. 738.

⁴ Цит. по: Ростиславлева Н.В. Германские либералы первой половины XIX в. К. фон Роттек. К.Т. Велькер. Ф.К. Дальман. В. фон Гумбольдт. Д. Ганзман. М., 2010. С. 5.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Очерки истории западноевропейского либерализма (XVII–XIX вв.). М., 2004. С. 3. См. также: Либерализм Запада XVII–XX века. М., 1995.

⁷ Палмер Т. Либерализм, глобализация и проблема национального суверенитета // Полит.ру. URL: <http://www.polit.ru/article/2005/12/09/palmer>

- ⁸ Приведем изречение Перикла, ставшее одой *свободе*: «Гражданин может распоряжаться собственной личностью». Цит. по: *Палмер Т.* Указ. соч.
- ⁹ Тит Ливий в «Истории Рима от основания города» описывает борьбу плебеев и патрициев за свободу, а Марк Аврелий в «Рассуждениях» пишет о «государстве, где закон равен для всех» и о «единодержавии, которое почитает свободу подданных».
- ¹⁰ Никколо Макиавелли в работах «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» и «Государь» изложил принципы свободного республиканского правления.
- ¹¹ Эти права изложены во «Всеобщей декларации прав человека» 1948 г.
- ¹² *Локк Дж.* Два трактата о правлении. М., 1988. С. 137–138.
- ¹³ *Мизес Л.* Индивид, рынок и правовое государство. СПб., 2010. С. 17.
- ¹⁴ Представителями консервативной политической элиты Франции были Жозеф де Местр (1753–1821) и Луи де Бональд (1754–1840), немецкой – Людвиг фон Галлер (1768–1854) и Адам Мюллер (1778–1829), итальянской – Антонио К. Минутоло, князь Каноза, Мональдо Леопарди и другие.
- ¹⁵ В англоязычной интерпретации более употребительна терминология «манчестерский либерализм» («манчестерство», «манчестерская школа»), или free-trade, во французской – *laissez faire*.
- ¹⁶ *Laissez faire* // Encyclopædia Britannica. URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/328028/laissez-faire>
- ¹⁷ Grande Dizionario di Storia. P. 740.
- ¹⁸ В XX в. адептом этой идеи стал Фридрих фон Хайек. См.: *Хайек Ф.* Дорога к рабству. М., 2005.
- ¹⁹ *Пейн Т.* Здравый смысл (1776). Цит. по: Liberalism // Encyclopædia Britannica. URL: <http://www.britannica.com/EBchecked/topic/339173/liberalism>
- ²⁰ Сегодня данная форма выражена в либертарианстве: государство не должно вмешиваться в личную жизнь или предпринимательскую деятельность, за исключением защиты свободы от посягательств других, видя в таком вмешательстве угрозу для свободы.
- ²¹ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1993. С. 524–525.
- ²² *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998. С. 234.
- ²³ Эти идеи изложены Дж. Бентамом в «Принципах законодательства» и других работах. Он стал родоначальником теории утилитаризма, вошедшей в себя ряд социально-философских идей Гоббса, Локка, Юма, французских материалистов XVIII в. (Гельвеция, Гольбах).
- ²⁴ А возможно, раньше: с 1349 г. в Англии существовал закон, по которому местные органы должны были заботиться о трудоустройстве лиц, не имевших средств для жизни, если они не могли работать. В XVII–XVIII вв. распространились приюты, впоследствии работные дома, где призрелись инвалиды, вдовы, малолетние дети, а состоятельная часть населения уплачивала налог в пользу бедных.

- ²⁵ См.: *Хрулева И.Ю.* Государство. Церковь и общество в системе взглядов радикальных пуритан Новой Англии в XVII веке. М., 2001; *Харц Л.* Либеральная традиция в Америке. М., 1993.
- ²⁶ Идею правового государства отстаивал немецкий либерал Людвиг фон Мизес. См.: *Мизес Л.* Указ. соч. С. 17.
- ²⁷ По Конституции Королевства Италии 1882 г. избирательные права имели граждане, получившие свидетельство о трехлетнем начальном образовании. Это условие в опосредованной форме имеется в избирательных законах Великобритании (1832, 1867, 1884–1885 гг.)
- ²⁸ Эти идеи стали ключевым элементом Декларации прав человека и гражданина во Франции и американских отцов-основателей, особенно Бенджамина Франклина и Томаса Джефферсона.
- ²⁹ *Токвиль А. де.* Демократия в Америке. М., 1994. С. 37.
- ³⁰ *Князева С.Е.* Стратегия успеха: как избежать манипуляций // BZZN.ru. URL: http://bzzn.ru/way_lider/article/Strategiya_uspeha:_kak_izbezhat_manipulyatsii
- ³¹ Democracy // Encyclopædia Britannica. URL: <http://global.britannica.com/EBchecked/topic/157129/democracy>
- ³² Grande Dizionario di Storia. P. 397–398.
- ³³ См.: *Aquarone A.* Alla ricerca dell'Italia liberale. Napoli, 1972; *Di Lalla M.* Storia del liberalismo italiano. Bologna, 1976.
- ³⁴ *Язькова В.Е.* Камилло Кавур – человек «золотой середины» // Вестник Европы. Т. XVII. М., 2006. С. 154 (<http://magazines.russ.ru/vestnik>).
- ³⁵ *Ruffini F.* Ultimi studi sul conte di Cavour. Bari, 1936. P. 57–58.
- ³⁶ Ibid. P. 53.
- ³⁷ За период министерств Кавура 1850–1858 гг. объем экспорта возрос в 3 раза, настолько же вырос объем сельскохозяйственного производства, в несколько раз увеличилась длина железнодорожной сети. См.: *Brancati A.* Civiltà nei secoli 3. Firenze, 1990. P. 35–37.
- ³⁸ *Cavour C.B.* Discorsi parlamentari. II. (1850–1851). Firenze, 1964. P. 345.
- ³⁹ *Marrone A.* I Mille. La battaglia finale. Roma, 2012. P. 32.
- ⁴⁰ *Vittorio Emanuele.* Cavour e Garibaldi, cinque lettere inedite – A cura di L. Mondini // Nuova Antologia di Lettere, Scienze ed Arti. 1960. Vol. CCCCXXIX. P. 267.
- ⁴¹ *Язькова В.Е.* К.Б. Кавур и «римский вопрос». 1860–1861 годы // Новая и новейшая история. 2007. № 4. С. 174–175.
- ⁴² *Calamaiani P.* La rivoluzione moderata. Torino, 1978. P. 58; *Язькова В.Е.* К.Б. Кавур и «римский вопрос»... С. 177.
- ⁴³ *Salvatorelli L.* Il ritorno di Cavour // Lama E. Antologia del Risorgimento italiano. Roma, 1961. P. 697.
- ⁴⁴ На концепцию Кавура повлияли идеи Александра Вине – швейцарского протестанта, стоявшего у истоков формулы «Свободная церковь в свободном государстве», а также Шарля Монталамбера, Фелисите Робера Де Ламенне, Антонио Розмини, Чезаре Бальбо и других.

- ⁴⁵ *Язькова В.Е.* К.Б. Кавур о путях решения «римского вопроса» // Сб. научных трудов факультета иностранных языков и регионоведения МГУ / Под ред. И.Е. Андропова. Вып. 2. М., 2006. С. 152–162.
- ⁴⁶ *Savour C.B.* Stato e Chiesa. A cura di Paolo Alatri. Firenze, 1995. P. 131–132. Кавур никогда не был в Риме, что объясняется его неприятием понтификата.
- ⁴⁷ «Историческая правая» – блок движений либерального направления, ставший преемником Кавура.
- ⁴⁸ *Князева С.Е.* Власть и общество в Италии и России // Россия и государства Апеннинского полуострова на современном этапе: Сб. М., 2012. С. 51–52.
- ⁴⁹ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. СПб., 1904. Лекция 18; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. СПб., 1851–1879. События от смерти Юрия Владимировича до взятия Киева войсками Андрея Боголюбского (1157–1169 гг.).
- ⁵⁰ Университеты возникли в Салерно и Неаполе одновременно со старейшими университетами Европы (Оксфорд, Кембридж и др.).
- ⁵¹ *Князева С.Е.* Россия глазами итальянцев: вчера и сегодня // Вестник Европы. XXI век. Журнал европейской культуры. 2008. Т. XXII–XXIII. С. 50–66.
- ⁵² См.: *Гроппо Б.* Как быть с «темным» историческим прошлым // Полит.ру. URL: <http://www.polit.ru/article/2005/02/25/groppo>
- ⁵³ *Colombo G., Marzoli F.* Farla franca. La legge e' uguale per tutti? Milano, 2012. P. 5–7.
- ⁵⁴ *Гишинский Я.И.* Исключенные навсегда. Российское будущее: тревоги, о которых нельзя промолчать // Новая газета. 2011. 18 нояб.
- ⁵⁵ *Князева С.* Россия глазами итальянцев: имидж России в Италии // Италия. На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI в. (Старый Свет – новые времена). М.: Весь мир, 2011. Гл. 19. С. 393–395, 398; *Она же.* Власть и общество в Италии и России. С. 58, 64–65.
- ⁵⁶ *Гишинский Я.* Указ. соч.; После Империи / Под общ. ред. И.М. Клямкина. М., 2007. С. 222; *Яковенко И.* Культурный рок. Как долго нам еще оставаться «страной особой судьбы»? // Новая газета – Сценарии. 2013. 26 февр.
- ⁵⁷ *Яковенко И.* Указ. соч.
- ⁵⁸ *Гроппо Б.* Указ. соч. Бруно Гроппо – политолог, профессор Сорбонны.
- ⁵⁹ *Яковенко И.* Указ. соч.

С.Ю. Серёгичев

МЕЖДУ КОРАНОМ И «КАЛАШНИКОВЫМ»:
ОСОБЕННОСТИ ЕГИПЕТСКОГО ИСЛАМИЗМА
В 1970–1981 гг.

Статья посвящена специфике и особенностям формирования египетского исламо-фундаменталистского движения в 1970-х годах. Особый упор делается на анализ причин радикализации исламистской теории и практики, следствием чего стало появление вооруженных группировок, видевших в джихаде против «неверного» режима и общества единственный путь к торжеству исламских норм и порядков на египетской земле.

Ключевые слова: Сейид Кутб, ассоциация «Братья-мусульмане», исламизм, Шукри Мустафа, «Группа военной академии».

Семидесятые годы прошлого века являются важным рубежом в эволюции исламо-фундаменталистского движения Египта, временем, когда на авансцену истории вышли возвращенные на идеях Сейида Кутба и его предшественников вооруженные группировки исламских радикалов. Вышли, чтобы сотворить исламскую революцию и низвергнуть в ад «джахилийский» режим и общество, а на их месте установить власть общины «истинно» праведных мусульман, правящих с помощью шариата, Корана и Сунны Пророка. Поэтому крайне важно понять, почему это произошло и какое воздействие оказало на весь последующий ход социально-политического развития Египта.

Начать, пожалуй, стоит с ряда базовых, но от этого не менее важных вещей. Анвар Садат, сменивший на посту президента ОАР скоропостижно скончавшегося 28 сентября 1970 г. Гамалю Абдель Насера, на первых порах не воспринимался большинством египетского населения как сильный харизматичный лидер, способный справиться с тем тяжелейшим политическим, экономическим, об-

пщественным, духовным и культурным кризисом, в который оказалась погружена страна после «Катастрофы 1967 г.».

Стремлением исправить данную безрадостную для себя картину, да и просто удержать власть и объясняются действия Садата и его единомышленников на первом этапе их правления: осуществление «майской исправительной революции 1971 г.» (чистка высших египетских партийных и государственных органов от левых насеристов и марксистов), активная инфильтрация садатовцев во властные и общественные структуры всех уровней. Все это проводилось вкупе с «реабилитацией и восстановлением в званиях офицеров, уволенных из армии в 1960-х гг., освобождением из тюрем политических заключенных, в том числе и видных деятелей запрещенной в 1954 г. ассоциации “Братья-мусульмане”»¹.

Опора Садата на исламистов, сохранивших несмотря на жесткие репрессии со стороны властей в 1950–1960-х годах широкую и хорошо разветвленную социальную базу в Египте, вовсе не случайна. Новый египетский лидер видел в них неплохой противовес опасности «левого реванша» в лице уже упомянутых левых насеристов и марксистов, а поэтому на первых порах всячески поощрял (при этом официально не легализуя ассоциацию «Братья-мусульмане», далее АБМ) деятельность исламских фундаменталистов.

Кроме того, эгалитаристская и антикоррупционная риторика АБМ на фоне более чем очевидного краха панарабского и светского националистического проекта Насера привлекала в ряды «Братьев» все больше и больше молодежи из различных слоев общества, искавшей практического выхода своим чувствам горечи и разочарования результатами многолетнего правления прежнего египетского лидера, бывшего кумиром миллионов арабов, но в итоге не оправдавшего надежд своей страны.

Очень актуально в связи с этим меткое замечание современно-го философа С.А. Семедова о том, что «население исламских государств прошло через общемировой цикл “модернизация – секуляризация – разочарование – реисламизация”. Все государства, охваченные затем волной исламизма, первоначально выдвигали амбициозные проекты светской модернизации»².

Учитывая подобный общественно-политический расклад в Египте, Садат первым из светских арабских лидеров (вторым в 1977–1985 гг. будет Джаафар Нимейри в соседнем Судане) решил использовать набирающих все большую популярность исламистов, превратив их в эффективное орудие своей политики.

Ему это было нужно, чтобы сбить накал страстей из-за все увеличивавшейся пропасти между немногими очень богатыми егип-

тянами, наживавшимися на политике «инфитаха», и остальными – с трудом выживавшими в разросшихся сверх предела городах долины Нила с их постоянно ухудшающейся инфраструктурой и экологией.

Для этого он стал старательно выстраивать непривычный для светского и националистического Египта имидж «верующего президента» (ар-раиса аль-мууминин), регулярно появляясь на пятничной молитве в окружении журналистов и фоторепортеров ведущих печатных СМИ страны³.

Действуя далее в этом духе, Садат вскоре «перекраивает» Основной закон страны под новые исламистские реалии: конституция, принятая 11 сентября 1971 г. на общеегипетском референдуме, содержала статью 2 главы 1 «Основы государства», где прямо говорилось о том, что «исламский закон (шариат) – основной источник законодательства»⁴.

Стоит обратить внимание на еще одно интересное обстоятельство, справедливо отмечаемое отечественными специалистами по политической истории современного Египта. Речь идет о том, что официальный Каир, пытаясь если не контролировать, то по крайней мере успешно противостоять исламистам, «стремился выглядеть более правоверным, чем исламские активисты»⁵.

Это, с одной стороны, в условиях жесткого военного режима лишило светскую и умеренную религиозную оппозицию права голоса, выключая их из легитимной общественно-политической деятельности, а с другой – открывало прекрасные возможности для исламских радикалов, считавших себя маленьким «островком правоверия» в океане «джахилийи», пропагандировать свои взгляды и ценности, утверждать и решительно навязывать, в том числе силой, свое видение праведной жизни остальным членам уммы.

Теперь пора переходить к главному, а именно характеристике египетского исламо-фундаменталистского движения 1970-х годов. Значительное место в нем продолжала занимать «ветеран» египетского исламизма АБМ, по-прежнему стоявшая на позициях салафитов-охранителей⁶, которая, как уже было указано выше, получила возможность полулегально работать, завоевывая все новые и новые позиции в различных общественных группах.

Как уже говорилось выше, АБМ должна была стать надежным проводником политики нового египетского руководства во главе с Анваром Садатом, а потому во второй половине 1971 г. в вузах и на предприятиях страны с целью окончательного искоренения из сознания народных масс «атеистического марксизма» вкупе с «христианско-коммунистическими левыми» стали образы-

ваться исламские комитеты (аль-гамаа аль-ислямийя), где ключевые позиции занимали «Братья»⁷.

Официальной целью АБМ в саатовский период была легализация их движения путем приобретения статуса партии, имеющей госрегистрацию (неофициально «Братья» стремились создать во властных коридорах всех уровней устойчивое большинство своих сторонников, чтобы оказывать решающее воздействие на управление обществом и государством в Египте, постепенно подготавливая страну к созданию «государства ислама»).

Власти, зная об этом, всячески заигрывали с исламистами, то давая им надежду получить официальный статус, то отнимая ее. Долго так продолжаться, естественно, не могло. Развязка наступила в 1977–1979 гг.: «Братьям» было окончательно отказано в регистрации их партии; на это наложились острая критика исламистами социально-экономических итогов политики «инфитаха», провал которой стал очевиден, реформы семейного права, расширившие права женщин при разводе, и, конечно, Кэмп-Дэвидский мирный процесс, включая ноябрьский визит 1977 г. Саата в Израиль и его выступление с трибуны кнессета.

В ответ на яростную критику АБМ внутреннего и внешнего курса египетское правительство потребовало от Ассоциации немедленно прекратить заниматься политикой и ограничило ее издательскую деятельность.

Однако к этому времени на арене политического ислама ее стали постепенно теснить группировки гораздо более экстремистского характера, чем «Ихванийя». Чрезмерная радикализация исламистского движения в Египте на протяжении 1970-х годов и переход части его последователей на путь бескомпромиссной вооруженной борьбы с «неверным» режимом были вызваны целым комплексом причин.

Политическая практика 1930–1960-х годов убедила многих исламистов в бесперспективности легальной мирной борьбы с авторитарным египетским государством, опиравшимся на силовой аппарат угнетения, и вследствие этого в необходимости смены не оправдавших себя тактики и стратегии. В подтверждение этого тезиса стоит привести слова Аббуда аз-Зумура, одного из авторов нашумевшей в свое время брошюры «Метод Исламской группы джихада»:

Мы сильно верили в то, что они [египетский режим и элита] не будут реагировать на наши обращения, не будут следовать многопартийной политике, у нас не будет законных возможностей противостоять их деятельности, они не будут реагировать на

мирные демонстрации... потому что мы верим в необходимость и неизбежность конфронтации между праведниками и грешниками, между силами правоверных и силами неверных, между слугами Аллаха и Сатаны, ибо Аллах был прав, когда сказал: «Если же они нарушат свои клятвы после заключения договора и станут посягать на вашу религию, то сражайтесь с предводителями неверия, ибо для них нет клятв. Быть может, тогда они прекратят» (Коран, 9:12) и Аллах также был прав, когда сказал: «Сражайтесь с ними, пока не исчезнет искушение и пока религия не будет полностью посвящена Аллаху» (8:39)⁸.

Гораздо жестче и не менее ярко писал о том же в своем программном труде «Вехи на пути Аллаха» идеолог радикального исламизма Сейид Кутба, от чьих трудов будет отталкиваться в своей деятельности не одно поколение исламских экстремистов, видевший в вооруженном джихаде единственный путь к спасению погрязшего в джахилии мира:

Установления царства Аллаха на Земле, ликвидации царства людей, изъятия власти из рук узурпаторов из числа рабов и возвращения ее Аллаху и никому другому, господства Небесного закона и ничего иного, ликвидации человеческих законов нельзя достичь только посредством красноречивой пропаганды и разъяснения, поскольку власть предержавшие на шее у рабов и узурпировавшие власть Аллаха на Земле не отступятся от своего правления под действием увещания и разъяснения⁹.

Жесткие репрессии (особенно казнь в 1966 г. Сейида Кутбы, сделавшая его бессмертным героем в глазах десятков и сотен молодых исламистов) и беспощадные пытки в насеровских тюрьмах толкнули членов АБМ на путь террора против власти. Как пишет об этом современный отечественный исследователь проблем египетского исламского фундаментализма М.З. Ражбадинов: «По мнению одного из мусульманских деятелей Египта Ю. Кардави, теория такфира возникла в результате попыток находившихся в заключении “братьев” понять, можно ли считать мусульманами тех, кто подвергает их истязаниям и пыткам за приверженность религиозным убеждениям и рассматривает стремление к созданию исламского государства в качестве преступления»¹⁰.

Однако существует и иная точка зрения, согласно которой политика египетских властей не была и не могла стать первопричиной радикализации исламистского движения в стране, в частности российский арабист С.Э. Бабкин писал: «...трудно согласиться с некоторыми исследователями проблем исламизма в Египте, утверждающими, что решающее влияние на распространение экс-

тремистских идей якобы оказала жестокость репрессий, которые обрушил на исламистов Насер»¹¹.

Война на истощение, которую вел против Израиля Египет в 1967–1973 гг., до предела милитаризовала тогдашнее египетское общество, многие, если не большинство, будущих боевиков групп исламских экстремистов прошли хорошую начальную военную подготовку, что вкупе с относительно нетрудным процессом приобретения оружия и боеприпасов делало обстановку внутри страны крайне взрывоопасной.

Нельзя исключать и того момента, что египетские силы безопасности в начале – первой половине 1970-х годов попросту недооценили потенциал радикальной исламистской оппозиции, видя реальную угрозу исключительно в представителях левого лагеря и дав время бойцам с джахилией собраться с силами и подготовиться к джихаду. Такой, как покажет время, ошибочный подход диктовался не только внутренними, но и внешними факторами: в соседнем Судане в июле 1971 г. именно левоориентированные политические силы попытаются с помощью оружия захватить власть, но через три дня путч провалится и руководство крупнейшей на африканском континенте суданской компартии будет казнено.

При анализе причин возникновения и роста вооруженных радикально настроенных исламо-фундаменталистских группировок также стоит учитывать фактор мощного влияния современных СМИ, особенно радио и телевидения. Они, с одной стороны, упрощали распространение радикальных взглядов среди населения (в 1970–1980-х годах в Египте обрели большую популярность исламистские проповеди, записанные на магнитофонных кассетах), а с другой – фактически обеспечивали деятельность воинов «антиджахилийского фронта» необходимыми им PR и рекламой, повествуя об их «подвигах» на всю страну и мир.

В условиях высокого уровня молодежной безработицы, особенно среди выпускников вузов, сильно контрастирующего с неприкрытой роскошью и богатством саатовских нуворишей, теле- и радиорепортажи, статьи в газетах и журналах о безумцах, пытающихся «спасти» Египет от морально-нравственного краха и разложения, вполне могли стать и становились образцом для подражания для отчаивавшихся добиться нормального уровня жизни, следуя официальным правилам, молодых людей, увидевших в вооруженном джихаде, направленном против коррумпированных и морально разложившихся институтов власти, единственный путь и способ правильной, как им казалось, жизни истинного мусульманина. Благо, к их услугам в школах, вузах и на рабочих местах

были сотни профессиональных агитаторов, инструкторов, командиров и «вождей» джихадистского движения, ищущих «пушечное мясо» для реализации своих «великих» идей.

В отечественной науке принято увязывать появление радикальных исламистских групп с образованием «Гамаат аль-муслимин» («Община мусульман»), вошедшей в анналы египетской политической истории под названием «Ат-Такфир ва аль-хиджра» («Обвинение в неверии и уход из общества»), основателем которой в 1971 г. стал Шукри Мустафа, незадолго до этого выпущенный из тюрьмы по указанию Садата, где он отбывал шестилетний срок заключения за участие в АБМ¹².

В основе идеологии «Ат-Такфир» лежал «охранительный фундаментализм реформаторского типа» (как его определяет известный российский исламовед З.И. Левин¹³), видевший идеал мусульманской общины в мединской общине. Поэтому нет ничего удивительного, что план борьбы с «неверным» режимом является полной калькой с соответствующих событий из жизни пророка Мухаммеда в период с 622 по 630 г.

1. Фаза пропаганды («даава» – исламского призыва), которая заключалась в наборе и вербовке новых членов «истинной» общины правоверных среди отчаявшихся улучшить свою жизнь иными способами египетских бедняков, причем не откликнувшихся на «призыв» Шукри Мустафа причислял к неверным. За шесть лет (с 1971 по 1977 г.) членами общины стало порядка 2000 человек.

2. «Хиджра», т. е. уход «истинных мусульман» из джахилийского общества и полный разрыв всех связей с ним. Членам общины было запрещено работать в государственных учреждениях, учиться в государственных учебных заведениях, служить в армии, посещать официальные мечети. Часть последователей Шукри Мустафы поселилась в пустынных и изолированных районах Верхнего Египта (в пещерах), а также в коммунальных квартирах с намерением создать там «истинное» исламское общество и подготовиться к предстоящему джихаду. Часть «правоверных» поехала по указанию Мустафы в страны Залива на работу, их денежные переводы пополняли казну общины.

3. Фаза джихада. На этом этапе предполагалось, что со временем достаточно окрепшая группа «истинных мусульман» вступит в войну с безбожным режимом, победит его и установит исламское правление¹⁴.

Апогей деятельности такфиристов пришелся на лето 1977 г., когда Шукри Мустафа взял в заложники видного представите-

ля традиционного религиозного истеблишмента, экс-министра по делам вакуфов, шейха Хусейна аз-Захаби, ранее объявившего своих будущих похитителей хариджитами, считающимися еретиками с точки зрения традиционного ислама¹⁵.

Захват аз-Захаби был осуществлен с целью оказания давления на власти, чтобы последние выпустили из тюрем в обмен на плененного шейха порядка 60 своих приверженцев. В случае успеха влияние «Ат-Такфир ва аль-хиджра» в Египте, да и за его пределами, значительно бы выросло. Садат, прекрасно понимая это, не пошел на сделку с радикалами, в итоге аз-Захаби был убит спустя два дня после похищения, за что «Ат-Такфир» была разгромлена силами безопасности, Шукри и четверо его сторонников были осуждены и казнены¹⁶.

В то же время зарубежная англоязычная историография за точку отсчета возникновения египетских исламских радикалов берет иную, не менее известную группировку – «Группу военной академии» (ГВА) (это название она получила за свою самую громкую акцию, изначально же организация именовалась «Партия исламского освобождения» (ПИО), «Хизбу ат-тахрири аль-ислямий»¹⁷). ПИО возникла в 1953 г. в Иерусалиме под руководством судьи шариатского апелляционного суда Такиуддина ан-Набхани. Как сказано в «Концепции Хизб ут-Тахрир»: «Хизб ут-Тахрир является политической партией, идеологией которой является ислам, а ее целью является возвращение к исламскому образу жизни путем установления исламского государства, которое реализует ислам и распространение своего призыва во всем мире»¹⁸.

Египетский филиал ПИО, та самая «Группа военной академии» (или, как это принято в отечественной арабистике, «Группа Военно-технической академии»¹⁹), был создан палестинцем Салихом Саррией в 1971 г. из молодых (средний возраст 22 года) прихожан негосударственных мечетей, студентов и выпускников каирского и александрийского университетов, выходцев из средней и низшей страты среднего класса, а также из деревни²⁰.

ГВА в духе последней политической моды, неосознанно копируя тактику «Свободных офицеров», делала ставку на вооруженный переворот силами «элитного корпуса верующих», который должен скинуть с вершины властной пирамиды неверный режим и установить «исламский общественный порядок»²¹.

С этой целью Саррийя планировал 18 апреля 1974 г. захватить здание Военно-технической академии в Каире и получить доступ к ее богатому арсеналу, а на втором этапе взять штурмом соседнее с академией здание, где в это время Садат выступал перед руко-

водством страны. Мятежникам удалось скрытно захватить здание ВТА, но затем при переходе к следующей фазе намеченного плана они были раскрыты и нейтрализованы силами безопасности, 11 человек в ходе возникшей перестрелки погибли. Саррийя был арестован, осужден и казнен, а его соратники получили большие сроки заключения²².

Неудачная «проба пера», осуществленная «Ат-Такфир ва аль-хиджра» и «Группой военной академии», не остановила дальнейшую радикализацию исламистского крыла оппозиционных сил Египта, наоборот, она лишь побудила идейных последователей Кутба и Маудуди активизировать свои усилия по свержению «джахилийского режима», поднять градус борьбы с ним. Из опыта деятельности групп Шукри Мустафы и Салиха Саррийи исламские радикалы сделали вывод о реальной возможности убить Садата и поднять массовое восстание в стране при условии более тщательной подготовки и планирования своих операций.

Успех иранских «коллег»-шиитов в 1979 г. вкупе с растущим народным недовольством политикой правительства Садата (продуктовые бунты 1977 г.) окончательно сформировали в головах лидеров исламистского подполья картину революционного Египта, где осталось сделать только один шаг – убить президента и действиями небольших специальных отрядов, захвативших стратегические объекты, разжечь пламя народной борьбы с остатками прежнего режима.

Однако события 6 октября 1981 г. наглядно показали всю ошибочность и ущербность декабристской тактики египетских исламистов «для народа, но без народа»: вслед за убийством боевиками «Аль-Джихада» на военном параде в честь Октябрьской войны 1973 г. Анвара Садата последовала попытка мятежа в Асьюте, решительно подавленная десантниками Хусни Мубарака, ставшего новым президентом страны.

Провал революционных планов исламских радикалов Египта, не поддержанных широкими массами населения, напуганными чрезмерно одиозными мерами и программами своих «спасителей» от «джахилии», стал своеобразным итогом, с одной стороны, одиннадцатилетнего «эксперимента» Садата по «приручению» исламистов, а с другой – обозначил четкий раскол в исламо-фундаменталистском лагере страны на приверженцев умеренной тактики общественно-политической и идеолого-культурной борьбы в лице АБМ и сторонников агрессивного исламо-экстремизма в лице «Аль-Джихад» и других группировок.

Как нам кажется, главная линия этого раскола прошла по вопросам тактики и стратегии достижения главной цели, одинаковой для умеренных и радикалов, – строительства «исламского государства» по образцу и подобию мединской общины Пророка.

АБМ и подконтрольные ей организации делали основной упор на трансформацию законными способами по исламскому образцу отдельных сегментов общественной жизни в Египте, например, превращая студгородки в образцовые лагеря исламских норм и порядков, как это убедительно доказывает французский журналист и исследователь Кепель²³, фактически создавая параллельное светскому и секуляризированному обществу исламское общество, которое в конечном итоге должно поглотить и растворить в себе первое.

Тактика и стратегия исламо-экстремистов – наоборот, полная противоположность политике умеренных «Братьев», ставка делается на непримиримую вооруженную борьбу с кяфирами до победного конца, так как постепенное перестраивание общества по исламской модели неизбежно ведет, с точки зрения радикалов, к перенесению пороков «джахилийского» общества на рождающееся исламское, превращая его в неверное, что делает бессмысленной тактику и стратегию АБМ²⁴.

Примечания

¹ Египет // История Востока: В 6 т. Т. 6. Восток в новейший период (1945–2000 гг.). М., 2005. С. 162.

² Семедов С.А. Политический ислам в современном мире: Автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2009. С. 51.

³ Видясова М.Ф., Умеров М.Ш. Египет в последней трети XX века: опыт либерализации экономики и политической системы. М., 2002. С. 164.

⁴ The Constitution of the Arab Republic of Egypt, 1971 (as Amended to 2007).

⁵ Видясова М.Ф., Умеров М.Ш. Указ. соч. С. 159.

⁶ Левин З.И. Реформа в исламе. Быть или не быть? Опыт системного и социокультурного исследования. М., 2005. С. 181.

⁷ Бабкин С.Э. Движения политического ислама в Северной Африке. М., 2000. С. 58.

⁸ Цит. по: *Abdullah Jabre Al-otaibi*. Knowledge/power, war, etnics and politics in the discourse of Egypt's militant islamist movements: 1970–1995 / A dissertation presented to the Faculty of the Graduate School of International Studies, University of Denver. In partial fulfillment of the requirements for the Degree Doctor of Philosophy. Denver, 1999. P. 116.

- ⁹ *Кутб С.* Отрывки из книги «Вехи на пути» // Исламская интеллектуальная инициатива XX века / Сост. и ком. А. Ежова; под ред. Г.Д. Джемала. М., 2005. С. 282.
- ¹⁰ *Ражбадинов М.З.* Радикальный исламизм в Египте (на примере деятельности организаций «Аль-Джихад» и «Аль-Гамаа Аль-Ислямийя»). М., 2003. С. 57.
- ¹¹ *Бабкин С.Э.* Указ. соч. С. 57–58.
- ¹² *Ражбадинов М.З.* Указ. соч. С. 60; *Abdullah Jabre Al-otaibi.* Op. cit. P. 144.
- ¹³ *Левин З.И.* Указ. соч. С. 192.
- ¹⁴ *Бабкин С.Э.* Указ. соч. С. 38; *Ражбадинов М.З.* Указ. соч. С. 60–61; *Кепель Ж.* Джихад: экспансия и закат исламизма. М., 2004. С. 83; *Abdullah Jabre Al-otaibi.* Op. cit. P. 145.
- ¹⁵ *Кепель Ж.* Указ. соч. С. 83.
- ¹⁶ *Бабкин С.Э.* Указ. соч. С. 39.
- ¹⁷ *Davidson Ch.R.* Political violence in Egypt: a case study of the islamist insurgency 1992–1997 / A thesis presented to the Faculty of the Fletcher School of Law and Diplomacy. In partial fulfillment of the requirements for the Degree Doctor of Philosophy. Ann Arbor, 2005. P. 117; *Abdullah Jabre Al-otaibi.* Op. cit. P. 143.
- ¹⁸ *Taqiuddin an-Nabhani.* Concepts of Hizb ut-Tahrir (Mafahim Hizb ut-Tahrir) / Transl. from the Arabic edition. L., [w. y.]. P. 76.
- ¹⁹ См., например: *Бабкин С.Э.* Указ. соч.
- ²⁰ *Davidson Ch.R.* Op. cit. P. 117.
- ²¹ Ibid.
- ²² Ibid. P. 118.
- ²³ *Кепель Ж.* Указ. соч. С. 80–81.
- ²⁴ Там же. С. 85.

А.Н. Комаров

ПРАВЫЙ КОНСЕРВАТИЗМ В КАНАДЕ
НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.:
ПАРТИЯ РЕФОРМ И КАНАДСКИЙ
КОНСЕРВАТИВНЫЙ АЛЬЯНС РЕФОРМ
В БОРЬБЕ ЗА ВЛАСТЬ НА ВСЕОБЩИХ ВЫБОРАХ
1993, 1997, 2000 гг.

Цель статьи – проанализировать основные постулаты правого консерватизма в Канаде в период с 1993 по 2000 г. В статье уделяется внимание программным и организационным принципам Партии реформ и Канадского консервативного альянса реформ, их участию в предвыборных дебатах накануне всеобщих выборов 1993, 1997 и 2000 гг., особенностям их избирательных кампаний, а также непосредственно лидерским качествам П. Мэннинга и С. Дэй. Предметом рассмотрения автора является также общественно-политическая ситуация, сложившаяся в Канаде к моменту проведения всеобщих выборов 1993, 1997 и 2000 гг.

Ключевые слова: Партия реформ, П. Мэннинг, Канадский консервативный альянс реформ, С. Дэй, правый консерватизм, провинции канадского Запада, популизм.

В отличие от эпохи Б. Малруни, когда в период всеобщих выборов 1984 и 1988 гг. Прогрессивно-консервативная партия Канады (ПКП) была единственной политической силой, ассоциируемой с канадским консерватизмом, на парламентских выборах 1993, 1997 и 2000 гг. ситуация кардинально изменилась. Возникновение правоконсервативных объединений – Партии реформ, а затем в 2000 г. Канадского консервативного альянса реформ (ККАР), конкурирующих с ПКП, означало новый этап в развитии канадского консерватизма. Он отражал недовольство провинций канадского Запада политикой федеральных консервативных и либеральных кабинетов. Необходимо отметить, что неудачи конституционных инициатив Б. Малруни вызвали рост как националистических настроений в Квебеке, так и шовинистических – в провинциях канадского Запада. На фоне этого политические элиты канадского Запада в союзе с представителями малого и среднего бизнеса Мани-

тобы, Саскачевана, Альберты, Британской Колумбии давали своеобразный ответ на непромерные, по их мнению, действия канадских консерваторов, пытаясь, таким образом, представить свою альтернативу политического и экономического развития страны. В своих выступлениях правые консерваторы активно использовали популистскую риторику, социальную демагогию, зачастую стремление получить политическую выгоду из непростой ситуации, в которой оказалась страна после провала конституционных инициатив правительства Б. Малруни. Например, в политических выступлениях П. Мэннинга неоднократно сочетались взаимоисключающие друг друга установки: с одной стороны, стремление к единству всех канадских провинций, а с другой – лидер реформистов был готов обсудить варианты отделения Квебека от Канады и т. д. Эти взгляды в научной литературе получили название парадокса Партии реформ¹.

Правые консерваторы подвергли критике существующее положение вещей и обратили внимание своих избирателей на несколько важных, по их мнению, моментов.

Во-первых, на недостаточное влияние провинций канадского Запада на процесс принятия политических решений федеральными правительствами, что, по их мнению, означает забвение интересов Запада, с одной стороны, и несправедливое отражение экономических и политических приоритетов провинции Онтарио – с другой.

Во-вторых, на неправильную политику канадских консерваторов во главе с Б. Малруни по разрешению франко-канадского вопроса с точки зрения предоставления Квебеку статуса самобытной общности и прочих уступок, что является, по мнению правых консерваторов, нарушением прав англо-канадцев.

В-третьих, на несправедливое федеральное вмешательство в области здравоохранения, пенсионного обеспечения, культуры и т. д. В связи с этим правые консерваторы рассматривали схему определенной децентрализации федерации, где провинции канадского Запада обладали бы исключительной юрисдикцией в данных сферах².

Показательной в этой связи является история становления Партии реформ, которая была создана осенью 1987 г. в провинции Манитоба П. Мэннингом. Реформисты пользовались поддержкой мелкого и среднего бизнеса Запада, недовольного политикой канадского правительства, которое, по их мнению, традиционно отражает экономические и политические ценности Онтарио, игнорируя, таким образом, интересы остальных субъектов федерации³.

Идейно-философская концепция реформистов, их глобальное видение будущего страны были отражены как в выступлениях са-

мого П. Мэннинга, так и в изданном им сборнике «Новая Канада»⁴. В частности, в этом документе было указано, что «только сбалансированная, демократическая федерация провинций, основанная на развитой экономике, равных правах и социальных гарантиях, отвечает поступательному развитию канадского общества»⁵. В частности, П. Мэннинг подчеркивал: «Предоставление статуса “самобытной общности” Квебеку только усилит аналогичные требования со стороны коренных народов и других многочисленных этнических групп, проживающих на территории страны. Мы окажемся перед лицом конституционно-правового кризиса, который разделит Канаду на англоязычную и франкоязычную, Канаду аборигенных народов и различных этносов, проживающих на ее территории»⁶.

Свои многочисленные выступления П. Мэннинг сочетал с активной работой с потенциальными избирателями, чему способствовал ряд поездок по стране. В частности, решающими в этом отношении явились его поездки в западные провинции в 1990–1991 гг., и более того – в Онтарио и Атлантическую Канаду, где руководство рассчитывало завербовать определенную долю электората. В целом Партия реформ собиралась вести агитацию по всей стране. Если летом 1990 г. партия насчитывала 40 тыс. членов, то весной 1991 г. это количество увеличилось до 65 тыс., а в июне этого же года достигло 77 тыс.⁷ В конце 1991 г. уже более 100 тыс. человек указывали на себя как принадлежащих к Партии реформ⁸.

Всеобщие выборы 1993 г. были успешными для Партии реформ. Выступления П. Мэннинга, обвинявшего правительство Б. Малруни и К. Кэмпбелл в социально-политической напряженности в стране, находили все больше сторонников среди избирателей. Предвыборная кампания лидера Партии реформ включала в себя три направления. Первое было посвящено идеалам этого объединения, заключавшимся в демократическом популизме, основанном на текущих требованиях избирателей: реформированном избираемом Сенате, национальном единстве, выступлении против предоставления Квебеку статуса самобытной общности⁹. Второе направление строилось на экономической программе партии, связанной с сокращением бюджетного дефицита, созданием новых рабочих мест¹⁰. Рецепты П. Мэннинга не представляли собой принципиально новых идей, но на фоне бездарной избирательной кампании ПКП, ее несвоевременно опубликованной программы они создали впечатление о реформистах как о перспективных политиках, обладающих собственным мнением. Третье направление предвыборной кампании Партии реформ было целиком сосредоточено на поездках и беседах с избирателями. В основе выступлений П.

Мэннинга лежало стремление убедить электорат в том, что Партия реформ представляет собой достойную альтернативу федеральным партиям, приведшим страну к катастрофическому положению. На всеобщих выборах 1993 г. Партия реформ получила 52 места в Палате общин и 18,69% голосов избирателей¹¹.

Заняв третье место вслед за Либеральной партией и Квебекским блоком, Партия реформ повела борьбу за дальнейшее расширение своего влияния среди избирателей с целью формирования себя именно как общенациональной партии, альтернативы либералам. На партийной ассамблее 1994 г. П. Мэннинг представил Партию реформ как альтернативу традиционным политическим партиям в стране¹². Партия реформ удалось существенно поднять свой рейтинг среди избирателей в период осеннего референдума 1995 г. о суверенитете Квебека. В частности, П. Мэннинг эффективно выступил в парламенте против предоставления Квебеку статуса самобытной общности, но в то же время лидер Партии реформ использовал свойственный ему популизм, когда заявил о том, что поддержит правительственные конституционные предложения, если они будут утверждены пятью канадскими провинциями. По сути дела, это означало отход от концепции равенства всех провинций, неоднократно высказываемой реформистами¹³.

Вдохновленный ростом популярности Партии реформ после популистских выступлений в ходе референдума 1995 г., П. Мэннинг начинает подготовку своей партии ко всеобщим выборам 1997 г. В середине октября 1996 г. Партия реформ публикует свой программный 24-страничный манифест, в котором излагает свое понимание стоящих перед Канадой насущных проблем¹⁴. В документе реформисты выступают за децентрализацию государства с точки зрения предоставления провинциям исключительной юрисдикции в области налогообложения, создания новых рабочих мест, иммиграции и т. д.

Вся избирательная кампания Партии реформ была основана на трех основных моментах: доведение до избирателей основных положений программы партии, масштабная политическая реклама на телевидении, а также освещение в прессе поездок по стране П. Мэннинга¹⁵. На телевизионную рекламную кампанию реформистами был выделен бюджет в 1,3 млн канад. долл., который был пропорционально разделен между регионами, находившимися в центре внимания Партии реформ. Печатная и радиореклама была для реформистов второстепенной, а приоритетное значение уделялось именно телевидению, которое должно было провести основную идею Партии реформ о том, что она является реальной альтернати-

вой консерваторам и либералам¹⁶. В связи с этим основной лозунг рекламной кампании реформистов звучал так: «Теперь у вас есть альтернатива»¹⁷.

Всю избирательную кампанию реформистов можно условно разделить на три основных стадии. На первой из них (приблизительно с 36-го до 27-го дня) акцент был сделан на основном содержании программы реформистов и разъяснения ее избирателям. Эта стадия была поддержана телевизионной рекламой, которая обращала внимание электората на программу реформистов и подчеркивала, что они являются не региональной, а общенациональной партией¹⁸. На второй стадии избирательной кампании (приблизительно с 26-го по 8-й день) в телевизионной рекламе началась атака на консерваторов и либералов, причем реформисты представили свой знаменитый ролик, показывающий лица лидера либералов Ж. Кретъена, лидера ПКП Ж. Шаре, лидера Квебекского блока Ж. Дюсепа и премьера Квебека Л. Бушара и подчеркивающий, что Партия реформ, выиграв всеобщие выборы, не будет способствовать более выдвижению выходцев из Квебека на политическую арену и прекратит квебекский фаворитизм в политике¹⁹. Во время третьей (начиная с 8-го дня) и наиболее запоминающейся части избирательной кампании реформисты еще более усилили атаки на консерваторов и либералов, неоднократно повторяя свой ролик о политиках – выходцах из Квебека, а также подчеркивали, что предлагаемая программа Партии реформ контрастирует с устаревшими манифестами либералов и консерваторов²⁰. Общенациональная рекламная кампания реформистов была поддержана и на региональном уровне благодаря четким инструкциям из центра о том, чтобы представители региональных организаций партии не отходили от трех намеченных стадий кампании. Кроме того, ежедневно региональные представители Партии реформ и ее руководство обменивались корреспонденцией, отправляемой по факсу или электронной почте, в которой не только содержалась информация об общих направлениях проводимой избирательной кампании, но и были даны соответствующие установки на ближайшее будущее²¹. Кроме того, целый ряд функционеров Партии реформ, среди которых можно выделить Б. Миллса, М. Стерна, Ж. Сен-Лорана, активно пропагандировали в пользу интересов своей партии в Квебеке, Онтарио и остальных провинциях страны²². Не менее важными явились поездки П. Мэннинга по стране, а также его выступление в теледебатах. Необходимо отметить, что в Партии реформ был детально разработан план очень активных и насыщенных поездок по стране, с возможностью трех-четырёх остановок в день с целью вы-

ступлений перед избирателями²³. Например, в течение первой недели избирательной кампании партии маршрут поездок П. Мэннинга по стране начинался в Южном Онтарио, продолжался в Квебеке, Британской Колумбии, Манитобе и опять завершался крупнейшей канадской провинцией. В течение этой недели П. Мэннинг разъяснял основные положения партии, а также выступал с критикой либералов, по мере того, как была обнародована их предвыборная платформа²⁴. В течение второй недели поездок по стране во время своей избирательной кампании лидер Партии реформ параллельно с демонстрацией своего ТВ-ролика о выходах из Квебека подверг обструкции бывших лидеров, как консерваторов, так и либералов, и в том числе Ж. Кретьена, П. Трюдо, Ж. Шаре и Б. Малруни²⁵. В своей критике П. Мэннинг особенно выделил Ж. Кретьена, подчеркивая, что он – уставший и безразличный к интересам страны политик²⁶. Речи лидера Партии реформ были поддержаны и продолжающейся телевизионной кампанией, в течение которой в большинстве провинций, кроме Британской Колумбии, были показаны ролики, раскрывающие суть программы партии, а в последней в ТВ-эфире появился ролик, в котором ставилась под сомнение идея предоставления Квебеку статуса самобытной общности в рамках канадской федерации и озвучивалась идея единства всех провинций и территорий. По мере того, как набирали ход избирательные кампании консерваторов и либералов, последние стали отвечать П. Мэннингу и подвергли критике Партию реформ. В частности, лидер ПКП Ж. Шаре подчеркнул, что Партия реформ не является общенациональной, обладает типично региональной окраской и защищает только интересы провинций канадского Запада. Либералы во главе с Ж. Кретьеном заявили, что Партия реформ представляет собой правую партию в спектре политической жизни страны, которой чужды интересы избирателя²⁷. Однако, отвечая на высказывания своих политических оппонентов, П. Мэннинг с настойчивостью продолжал утверждать, что его партия является действенной альтернативой либералам и консерваторам.

Существенным моментом избирательной кампании Партии реформ явилось также участие их лидера в теледебатах, проводившихся в Канаде накануне всеобщих выборов 1997 г.²⁸ Во время теледебатов на английском языке, имевших место 12 мая 1997 г., в своем вступительном слове к избирателям лидер Партии реформ обрушился с критикой на старейшие федеральные партии – Прогрессивно-консервативную и Либеральную – за их, с его точки зрения, неспособность управлять страной. В связи с этим П. Мэннинг подверг сомнению, во-первых, экономическую поли-

тику либералов. Они, как он выразился, рассматривают большие расходы государственного бюджета как путь для создания новых рабочих мест и формирования социальной защищенности. В результате, по его мнению, это приводит к высоким налогам, безработице и социальной напряженности. Выход, который предлагает Партия реформ, заключается в определенной децентрализации канадской федерации с точки зрения предоставления провинциальным правительствам исключительной юрисдикции в сферах налогообложения, занятости, образования и т. д.²⁹

Во-вторых, П. Мэннинг упрекнул как предыдущее консервативное правительство Б. Малруни, так и нынешний либеральный кабинет Ж. Кретьена за проект представления Квебеку статуса самобытной общности в рамках канадской федерации³⁰.

Помимо этого, лидер Партии реформ пытался применить интересный популистский метод контроля над теледебатами и старался беседовать, тем самым, один на один с премьер-министром Канады Ж. Кретьеном, однако лидеры других политических партий не позволили ему это осуществить в полной мере³¹.

Результаты всеобщих выборов, состоявшихся в мае 1997 г., принесли Партии реформ противоречивые результаты. С одной стороны, впервые эта партия стала официальной оппозицией и получила 60 мест в Палате общин и 19,35% голосов избирателей. Это позволило ей улучшить свой предыдущий результат, так как после всеобщих выборов 1993 г. она была представлена 52 местами в Палате общин и 18,69% голосов³². Кроме того, Партия реформ опередила консерваторов во главе с их лидером Ж. Шаре, которые получили только 20 мест в Палате общин и 18,8% голосов избирателей³³. Деятельность реформистов не дала возможности одержать реванш прогрессивным консерваторам, которые желали оправиться от своего сокрушительного поражения на всеобщих выборах 1993 г. С другой стороны, реформисты не смогли выполнить предвыборную установку П. Мэннинга о том, что они представляют собой политическую альтернативу находящимся у власти либералам, и, соответственно, победить их на всеобщих выборах. Если Партия реформ смогла опередить консерваторов, которые еще не оправились от трагических для них событий 1993 г., то перед общенациональной Либеральной партией, несмотря на яркие выступления своего лидера, она оказалась бессильной. Реформисты П. Мэннинга, подобно консерваторам Ж. Шаре, не смогли преодолеть тенденцию регионализации голосования в Канаде, проходившую уже через вторые всеобщие выборы и активно проявившую себя как в 1993, так и в 1997 г. Партия реформ не сумела опровергнуть обви-

нения своих политических оппонентов в том, что она является типично региональной, и полностью проиграла политическую борьбу за избирателей провинции Онтарио, не получив от нее ни одного места в Палате общин³⁴. По-прежнему, как и в 1993 г., региональную базу Партии реформ определяли избиратели провинций Манитоба, Саскачеван, Альберта, Британская Колумбия, т. е. канадского Запада³⁵. При данном положении вещей и отсутствии электоральной поддержки в густонаселенной провинции Онтарио, реформисты не смогли стать правящей партией в стране. Кроме того, голосуя как за Партию реформ, так и за ПКП в отдельности, избиратели, тем самым, способствовали вторичному приходу либералов к власти в 1997 г.

Поэтому, учитывая все вышеперечисленные факторы, П. Мэннингом был сделан акцент на формирование новой политической партии с приблизительным названием «Объединенная альтернатива», которое могло бы привлечь, прежде всего, избирателей Онтарио³⁶.

По мнению лидера Партии реформ, успеху нового политического объединения будет способствовать и тот факт, что, скорее всего, ПКП исчезнет с общественно-политической арены страны как самостоятельная политическая сила и только вместе с реформистами прогрессивные консерваторы смогут бросить вызов либералам³⁷. На ассамблее Партии реформ в 1998 г. П. Мэннинг представил проект новой политической партии, подчеркнув, что это должна быть не региональная, а общенациональная партия, которая сменит либералов у власти. Однако точка зрения П. Мэннинга встретила сопротивление лидера ПКП Дж. Кларка, который считал, что объединение реформистов и прогрессивных консерваторов чревато для последних потерей избирателей, а также части реформистов, которые высказали мнение о том, что это противоречит принципам их партии³⁸. В ответ П. Мэннинг сразу же подчеркнул, что у него нет более интереса к Партии реформ, и если новый проект не состоится, то он покинет пост лидера партии и не будет претендовать на новый властный мандат³⁹.

Поскольку П. Мэннинг настаивал на создании новой политической партии, то в мае 1999 г. на внутривластной референдуме, проведенном Партией реформ, было принято решение о создании новой политической партии на основе Партии реформ⁴⁰. В итоге в начале 2000 г. только на базе этой партии, без фактического участия прогрессивных консерваторов, был создан Канадский консервативный альянс реформ (ККАР) – правоконсервативная политическая партия, которая повела борьбу за избирателей, конкурируя

с либералами и ПКП. Лидером ККАР в июле 2000 г. стал политик С. Дэй, который на партийном конвенте опередил П. Мэннинга, получив во втором туре в общей сложности более 63% голосов⁴¹.

В научной литературе отмечается, что в основе программы ККАР находились правоконсервативные убеждения, эволюционировавшие как из предыдущих установок Партии реформ, так и из современного неоконсерватизма в целом⁴². ККАР выступал за децентрализацию канадской федерации с точки зрения усиления юрисдикции провинций в области здравоохранения, образования, миграции и т. д.⁴³ В экономической сфере ККАР предполагал сокращение налогов с граждан и корпораций, введение единой ставки дохода налога на доходы физических лиц, борьбу с бюрократией и т. д. В новой политической партии считали, что 75% федерального бюджета должно идти на погашение государственного долга, а 25% – на социальные программы⁴⁴.

Сформировавшись в начале 2000 г. ККАР сразу же повел интенсивную борьбу с либералами и ПКП за голоса избирателей. Однако с самого начала некоторые негативные моменты воздействовали на политическую деятельность ККАР.

Во-первых, назначение премьер-министром Ж. Кретьеном даты всеобщих выборов 27 ноября 2000 г. застало ККАР врасплох, поскольку ни С. Дэй, ни его партия не были к ним готовы⁴⁵. Как отмечают канадские политологи Дж. Памметт и С. Дорнан, «если бы у С. Дэй было бы шесть или восемь месяцев для подготовки своей предвыборной программы, формирования своего общественного имиджа, а также критики либералов за экономический спад (который наступил зимой 2001 г.), то результаты были бы иными и это выглядело бы как конкурентная партийная борьба, а не продолжение нахождения у власти одной партии»⁴⁶.

Во-вторых, недавнее появление новой политической партии на общественном горизонте сразу же дало либералам и прогрессивным консерваторам во время предвыборной кампании возможность утверждать, что у нее есть скрытая повестка дня, неизвестная избирателям⁴⁷.

В-третьих, общественное внимание было приковано к некоторым неосторожным высказываниям С. Дэй. В частности, средства массовой информации донесли до избирателей высказывание лидера ККАР о том, что гомосексуализм является ментальным беспорядком. Либералы сразу же упрекнули С. Дэй в том, что для демократического общества такие высказывания неприемлемы⁴⁸. Лидер ККАР вынужден был дать опровержение, в котором подчеркнул, что он никогда не спрашивает людей об их сексуальной ори-

ентации⁴⁹. Следующим моментом для общественного обсуждения явились научные взгляды С. Дэя. Во время избирательной кампании телеканал СВС показал интервью с профессором естественных наук П. Хайесом, который заявил, что во время своего выступления в колледже Ред Деар лидер ККАР подчеркнул, что существуют научные доказательства того, что планете Земля шесть тысяч лет и что первобытный человек существовал одновременно с динозаврами. В ответ С. Дэй в очередной раз вынужден был сделать оговорку, что он никогда не говорил этого и вообще его научные взгляды не подлежат обсуждению в период избирательной кампании⁵⁰.

Кроме того, политические оппоненты подвергли критике предложения ККАР о том, что необходимо проводить общенациональный референдум по вопросам, за которые высказываются не менее 3% канадских избирателей. Критики С. Дэя подчеркнули, что этим могут воспользоваться специальные группы людей для реализации своих узкокорыстных интересов. Предложение С. Дэя было высмеяно также в прессе, в которой предложили провести национальный референдум с целью изменения С. Дэем своего имени Стоквелл на Дорис⁵¹.

Телевизионные ролики Канадского консервативного альянса реформ, как уже было отмечено ранее, преследовали двойную цель – представить С. Дэя широкой аудитории избирателей, особенно в Онтарио, где правые консерваторы собирались вступить в борьбу с либералами за электорат этой провинции, а также разрекламировать готовящиеся меры по сокращению налогов с граждан и корпораций. В связи с этим в телерекламе был сделан упор на лидерские качества С. Дэя, его представительность, энергичность, современность⁵². Телерекламу дополнял интернет-сайт ККАР, который на первый взгляд был красочным и интересным, так как там была представлена информация о лидере партии, программе, его поездках по стране. Однако, как отмечают Дж. Памметт и С. Дорнан, домашняя страница ККАР открывалась в течение нескольких минут, т. е. значительно дольше, чем среднестатистический пользователь Интернета был готов ждать⁵³. Кроме того, как и ПКП, ККАР фактически не оставлял места для форумов и обмена мнениями⁵⁴.

В итоге результаты всеобщих выборов 2000 г. оказались крайне противоречивыми для ККАР. С одной стороны, ККАР получил 66 мест в Палате общин, а также 25,4% голосов избирателей и продолжал, как и Партия реформ ранее, оставаться официальной оппозицией Ее величества⁵⁵. С другой стороны, линия на создание общенациональной партии, которая могла бы составить конкуренцию либералам, не оправдала себя. ККАР, созданный на базе

Партии реформ, по-прежнему оставался региональной партией, отвечающей интересам провинций канадского Запада, поскольку на всеобщих выборах 2000 г. он получил 4 места от провинции Манитоба, 10 мест от провинции Саскачеван, 23 места от провинции Альберта и 27 мест от провинции Британская Колумбия. От провинции Онтарио ККАР получил всего 2 места⁵⁶. Как и прогрессивные консерваторы Дж. Кларка, ККАР С. Дэя не смог переломить тенденцию регионализации голосования, характерную для Канады после 1993 г. Поэтому, как подчеркивают Дж. Памметт и С. Дорнан, многие члены ККАР были обескуражены итогами выборов, в результате которых партия не осуществила желаемый электоральный прорыв в провинцию Онтарио и заняла только второе место после либералов. Часть членов ККАР полагала, что это произошло, возможно, из-за малопрфессиональной избирательной кампании и скорее всего слабого лидерства в партии, однако свою роль сыграла именно вышеупомянутая политическая тенденция⁵⁷. Поэтому после всеобщих выборов 2000 г. перед ККАР встала дилемма: либо расширять сотрудничество между двумя существующими консервативными партиями и идти на возможное объединение, либо продолжать свой настоящий путь и в итоге исчезнуть в качестве политической силы, предоставив либералам постоянно управлять страной. Ни участие Партии реформ во главе с П. Мэннингом во всеобщих выборах 1993 и 1997 гг., ни избирательная кампания ККАР с С. Дэем накануне всеобщих выборов 2000 г. не дали искомым результатов и не способствовали завершению политической монополии Либеральной партии, уже в третий раз подряд одерживающей весомую победу. Поэтому наступало время принятия стратегических решений как для ПКП, так и для ККАР в целом. Учитывая все вышеуказанное, канадские политики приступили к подготовке проекта объединения двух партий, которое состоялось в декабре 2003 г. и явилось результатом длительных и кропотливых переговоров. В связи с этим стоит отметить гражданскую позицию лидеров двух партий, поскольку они смогли поступиться своими личными интересами ради общественных и решились на столь значительный шаг ради будущего своей страны исходя из необходимости развития ее демократических ценностей и двухпартийной системы.

- ¹ *Frizzell A., Pammet J.H., Westell A.* The Canadian general election of 1997. Toronto; Oxford; Buffalo: Dundurn press, 1998. P. 111.
- ² *Ажаева В.С.* Эволюция партийно-политической системы Канады в 90-е гг. // Канада: взгляд из России. Экономика, культура, политика. М.: Институт США и Канады РАН, 2002. С. 72, 78.
- ³ *Harrison T.* Of passionate intensity. Right-wing populism and the Reform Party of Canada. Toronto; Buffalo; L.: University of Toronto press, 1995. P. 190–191.
- ⁴ *Ibid.* P. 161–164.
- ⁵ *Ibid.* P. 145.
- ⁶ *Ibid.* P. 146.
- ⁷ *Ibid.* P. 193.
- ⁸ *Ibid.*
- ⁹ *Ibid.* P. 244–245.
- ¹⁰ *Ibid.*
- ¹¹ *Комаров А.Н.* Канадский консерватизм в эпоху Б. Малруни в 1984–1993 годах. М.: РУДН, 2010. С. 208.
- ¹² *Frizzell A., Pammet J.H., Westell A.* Op. cit. P. 114–115.
- ¹³ *Ibid.* P. 115.
- ¹⁴ *Ibid.*
- ¹⁵ *Ibid.* P. 121.
- ¹⁶ *Ibid.*
- ¹⁷ *Ibid.*
- ¹⁸ *Ibid.* P. 122.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 87.
- ²⁰ *Ibid.* P. 123.
- ²¹ *Ibid.*
- ²² *Ibid.*
- ²³ *Ibid.* P. 125.
- ²⁴ *Ibid.*
- ²⁵ *Ibid.*
- ²⁶ *Ibid.*
- ²⁷ *Ibid.*
- ²⁸ См.: English Leader's Debate // StenoTran. URL: <http://www.stenotran.com/tsb/db1e.html>; *Frizzell A., Pammet J.H., Westell A.* Op. cit. P. 215.
- ²⁹ *Frizzell A., Pammet J.H., Westell A.* Op. cit. P. 215.
- ³⁰ См.: English Leader's Debate.
- ³¹ *Frizzell A., Pammet J.H., Westell A.* Op. cit. P. 215.
- ³² О результатах всеобщих выборов 1997 г. см.: *Ажаева В.С.* Указ. соч. С. 69.
- ³³ Там же; *Комкова Е.Г.* Выборы в Канаде: чистая победа Жана Кретьена // США и Канада: Экономика, политика, культура. 2001. № 2. С. 37.
- ³⁴ См.: *Ажаева В.С.* Указ. соч. С. 69.
- ³⁵ Там же.

- ³⁶ *Pammet J., Dornan C.* The Canadian general election of 2000. Toronto; Oxford; Buffalo: Dundurn press, 2001. P. 60.
- ³⁷ *Ibid.* P. 61.
- ³⁸ См.: *Harrison T.W.* Preston Manning // The Canadian Encyclopedia. URL: <http://www.thecanadianencyclopedia.com/articles/preston-manning>.
- ³⁹ *Pammet J., Dornan C.* Op. cit. P. 68.
- ⁴⁰ *Ibid.*
- ⁴¹ См.: *Harrison T.W.* Op. cit.
- ⁴² *Комкова Е.Г.* Проблемы Канады в платформах ведущих политических партий // США и Канада: Экономика, политика, культура. 2001. № 6. С. 18.
- ⁴³ *Ажаева В.С.* Указ. соч. С. 78.
- ⁴⁴ *Комкова Е.Г.* Проблемы Канады... С. 18, 20.
- ⁴⁵ *Комкова Е.Г.* Выборы в Канаде... С. 36–37.
- ⁴⁶ *Pammet J., Dornan C.* Op. cit. P. 8–9.
- ⁴⁷ *Ibid.* P. 179.
- ⁴⁸ См.: Stockwell Day // Wikipedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Stockwell_Day
- ⁴⁹ См.: *Ibid.*
- ⁵⁰ *Ibid.*
- ⁵¹ *Ibid.*
- ⁵² *Pammet J., Dornan C.* Op. cit. P. 219–220.
- ⁵³ *Ibid.* P. 228.
- ⁵⁴ *Ibid.*
- ⁵⁵ *Комкова Е.Г.* Выборы в Канаде... С. 37.
- ⁵⁶ *Ажаева В.С.* Указ. соч. С. 69.
- ⁵⁷ *Pammet J., Dornan C.* Op. cit. P. 84.

О.В. Охошин

«ОБЩЕСТВО СОУЧАСТИЯ»
КАК НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
(1995–2005 гг.)

Статья посвящена проблеме становления в Великобритании концепции «общества соучастия» и ее применения в рамках социальной политики «новыми» лейбористами во главе с Тони Блэром. Данная концепция во многом отвечала потребностям лейбористов в кардинальной смене партийной идеологии, поиске нового подхода к решению острых экономических и социальных проблем, в частности проблемы массовой безработицы. Актуальность темы обусловлена тем, что «общество соучастия» отражало заинтересованность британского правительства в использовании популярной теории менеджмента на государственном уровне, которая на практике помогла британцам приспособиться к условиям рыночной экономики и глобализации в начале XXI в.

Ключевые слова: Тони Блэр, «общество соучастия», новый лейборизм, Великобритания, социальная политика, корпорации, реформа образования, борьба с безработицей, пенсионный фонд.

Изначально концепция «общества соучастия» носила исключительно корпоративный, а не государственный характер. Она представляла собой такой способ управления компаниями, когда каждый ее служащий мог иметь право на часть получаемой прибыли за счет приобретения ее активов. Фактически слово «соучастник» впервые появилось в тексте меморандума Стэнфордского исследовательского института в 1963 г. и обозначало те группы лиц, без которых организация не могла существовать: держателей акций, служащих, потребителей, кредиторов, поставщиков и общество в целом¹. В современной концепции «соучастия» центральное

место занимало представление о компании как о системе взаимных обязательств, в которую вовлечены акционеры и наемные работники, банкиры и поставщики, управляющие и клиенты. Отношения между ними представлялись гораздо шире, чем интересы акционеров. Согласно этой концепции, цель управляющих структур больших промышленных организаций – регулирование отношений между этими группами. В 1967 г. проблема «соучастия» была раскрыта американским экономистом Джоном Гэлбрейтом в работе «Новое индустриальное общество», где он настаивал на слиянии индивидуалистических и коллективистских начал в управлении обществом². «На практике “соучастие” вылилось тогда в популяризацию института акционерного капитала. В Европе аналогичные идеи разрабатывались в рамках концепции социального рынка. Предприятия рассматривались как социальные организации, которые представляли долговременные интересы заинтересованных сторон», – пишет А.А. Громыко³.

К началу 1980-х годов ряд американских исследователей, изучавших теорию менеджмента, в частности Ч. Фомбрун, Р. Чаран, Э. Фриман, Дж. Махон, А. Мюррей и другие, в своих статьях отмечали возрастающую сложность в управлении современными корпорациями и повышение требований «соучастников», предъявляемых этим корпорациям. Чтобы найти компромисс, они предлагали стратегию, основанную на объединении экономических, политических и социальных целей⁴.

В Британии до середины 1990-х годов концепция «соучастия» привлекала мало внимания. Поскольку различные общественные группы, прежде всего рабочие и владельцы предприятий, расценивали друг друга как противники, а не как партнеры, эта концепция была противоположна идеологии тэтчеризма, ориентированного на поддержку предпринимательской инициативы⁵.

С середины 1990-х годов термин «соучастие» находит употребление в крупных британских компаниях – «Маркс энд Спенсер», «Бритиш телеком», «Бритиш петролиум». В 1995 г. был опубликован доклад Королевского общества гуманитарных и математических наук под названием «Компания завтрашнего дня», в котором подчеркивалось, что конкурентную борьбу могут выдержать только те предприятия, которые будут не только уделять внимание финансовым показателям и интересам своих акционеров, но и совершенствовать механизм взаимоотношений между всеми соучастниками⁶.

Вскоре концепция «совладения» вышла за рамки теории корпоративного управления и стала обсуждаться в политических кругах как новый подход к развитию национальной экономики. Идеолог

британской социал-демократии Дэвид Маркуэнд в работе «Беспринципное общество» определял «совладение» как экономику, в которой право собственности включает признание ряда обязательств перед обществом⁷.

Большой общественный резонанс получила работа профессора Лондонской школы бизнеса Джона Кея «Бизнес экономики», сохранившая отзывы о концепции «соучастия». Он определял микроэкономику приоритетной сферой реализации этой концепции. При анализе деятельности компаний он считал важным рассматривать их в качестве «социальных институтов»⁸. Фрэнк Филд, советник Тони Блэра, считал, что концепция «общества соучастия» поможет создать в Британии новую систему государственного обеспечения. Он предлагал, чтобы служащие и работодатели вкладывали ресурсы в новые корпорации, которые могли бы создать частные инвестиционные фонды, чтобы оплачивать государственные пособия по страхованию и пенсии. Соучастники стали бы спонсорами, так как деньги оставались в их собственности, а не передавались Казначейству⁹.

После вступления на пост лидера Лейбористской партии Великобритании в 1994 г. Тони Блэр начинает энергично модернизировать программные установки лейбористов, стремясь вернуть широкую поддержку электората и победить на парламентских выборах 1997 г. Лейбористы находились в поиске новых идей и концепций, которые должны были стать основой их социальной политики. На экономическом саммите в Сингапуре в январе 1996 г. Тони Блэр впервые заявил о своей приверженности концепции «общества соучастия». Он уточнил, что она поможет Британии приспособиться к процессам, происходящим в рамках глобальной экономики. С этого момента «общество соучастия» стало предметом обсуждения в выступлениях «новых лейбористов» и публикациях Лейбористской партии в 1996 г., о нем говорили как о новой большой идее. Хотя никто из главных фигур лейбористской партии не объяснял в деталях, что оно означает, термин первоначально использовался для того, чтобы обеспечить эгалитарное распределение власти в экономических отношениях или изменить формы корпоративного управления таким образом, чтобы усилить позиции потребителей, рабочих и поставщиков относительно акционеров¹⁰.

Тони Блэр и его ближайшие соратники по партии, в частности Гордон Браун и Энтони Гидденс, активно использовали концепцию «общества соучастия» в своих выступлениях и интервью, во многом способствовали ее популяризации в Великобритании. В интервью газете «Геральд Скотлэнд» Гордон Браун заявил, что «общество соучастия» должно быть не просто «системой поддерж-

ки для нескольких людей, а трамплином для многих. Наиболее отчетливо это можно наблюдать в потребности людей получить новые навыки»¹¹. Интересы «новых лейбористов» объяснялись тем, что «общество соучастия» представляло собой противоположность неолиберальному курсу консерваторов, которые использовали в экономике «принцип невмешательства»¹² и пошли по пути широкомасштабной приватизации общественной собственности. За годы работы консервативных правительств Маргарет Тэтчер и Джона Мейджора удалось добиться значительных результатов во внутренней политике страны: сократился уровень инфляции, была улучшена система образования и здравоохранения, выделялись дополнительные инвестиции для развития мелкого и среднего бизнеса. Однако консерваторы не смогли решить проблему массовой безработицы, а также высокого подоходного налога, который к середине 1990-х стал очень обременительным для большинства англичан.

Концепция «общества соучастия» как нельзя лучше подходила для конструктивной критики правительственной политики и назревших общественных проблем. Лейбористы точно угадали настроения большинства избирателей, которые были недовольны колоссальной разницей в доходах граждан. Даже приватизация промышленности и коммунальных служб, флагман «тэтчеризма», уже потеряла свою привлекательность. «Народ видел, что поезда на железных дорогах, принадлежавших частным владельцам, ходят не по расписанию, приватизация служб водоснабжения привела к перебоям с водой во время засушливых летних месяцев, а заработная плата управляющих компаниями значительно выросла»¹³.

Блэр заявил, что концепция «общества соучастия» поможет Британии приспособиться к процессам, происходящим в рамках глобальной экономики¹⁴. Тони Блэр считал, что «общество соучастия» должно решать три главные задачи. Во-первых, оно должно гарантировать каждому гражданину и его семье достойный уровень жизни, который будет достигнут благодаря увеличению количества рабочих мест. Во-вторых, государство должно предоставить своим гражданам возможность повышать свой умственный потенциал за счет улучшения системы образования. В-третьих, «общество соучастия» должно обращаться к теме коммунитаризма¹⁵ и гражданского долга¹⁶.

По мнению британского исследователя М. Бича, существует несколько причин, которые объясняют, почему «новый лейборизм» вновь обратился к принципу «сообщества», который содержался в книгах о социал-демократии, но не применялся на практике в тече-

ние последних 60 лет. Во-первых, «новый лейборизм» возник после «тэтчеризма». Консервативные кабинеты Маргарет Тэтчер и Джона Мэйджора, которые в своей политике опирались на неолиберальную философию, сдержанно относились к понятиям «сообщество», «общественная взаимопомощь» и «совместные действия»¹⁷.

Во-вторых, неолиберальная философия рассматривала в первую очередь моральное и политическое превосходство отдельного индивида и сознательно умалчивала о социальной ответственности граждан, поэтому «новому лейборизму» потребовалось найти альтернативную социальную философию, основанную на идеях коммуитаризма.

Лейбористы в своих выступлениях подчеркивали, что обществу должно быть предоставлено больше возможностей следить за экономической политикой, которую проводит правительство. Предлагалось установить тщательный контроль над действиями правительства со стороны агентств, представляющих независимых специалистов, таких как Банк Англии, или владельцев акций предприятий общественного пользования¹⁸.

Лейбористы настаивали на установлении налога на сверхприбыль приватизированных корпораций и контроля над ценами, чтобы избежать резкого обогащения крупных боссов, даже если их прибыль растет не за счет потребителей, а за счет акционеров¹⁹. Были внесены предложения по замене генеральных директоров крупных корпораций, таких как «Офтел», «Офгаз» и т. д., обладавших большой монопольной властью, экспертными группами, которые будут выдвигать более последовательные решения. Лейбористы хотели создать условия для слияния отделов, регулирующих деятельность корпораций, связанных с общественными службами, энергетикой и коммуникациями, в единую комиссию. В результате создается новая форма регулирования, которая делит сверхприбыль между потребителями и акционерами, а не отдает ее всю акционерам, как это было ранее.

В сентябре 1996 г. был опубликован манифест Лейбористской партии «Новые возможности для бизнеса», в котором лейбористы заявили, что собираются стать взамен тори «партией делового мира»²⁰. Они обещали проводить эффективную макроэкономическую политику, увеличить инвестиции в производство, инфраструктуру и образование, развивать в дальнейшем отношения с Европой.

Тони Блэр полагал, что в первую очередь правительство должно наладить прочные отношения с бизнесом, так как это позволит привлекать долгосрочные инвестиции и повысить уровень нацио-

нального богатства, в перспективе расширение корпораций приведет к увеличению количества рабочих мест, что поможет справиться с безработицей. Тем не менее Блэр считал, что государство должно обеспечивать социальные гарантии населению, поэтому правительству принадлежит ведущая роль в сохранении экономической стабильности. Блэр писал, что долгое время отношения бизнеса и государства омрачались тем, что предприниматели опасались, что государство заберет их бизнес, а государство боялось, что предприниматели не будут нести социальную ответственность²¹. Он отмечал, что в условиях капитализма важно, чтобы руководство фирм вкладывало больше инвестиций в своих сотрудников и рассматривало их не только как производительную силу, но и как источник творческих инноваций. Фирма должна рассматриваться как сообщество, в котором каждый служащий имеет свою долю, а обязанности фирмы перед сотрудниками должны быть более четко прописаны.

Тони Блэр считал, что в «общество соучастия» помимо крупных корпораций должен входить и мелкий бизнес, который может быть представлен как небольшой фирмой, так и отдельным предпринимателем. Мелкий и средний бизнес становился новой силой в структуре хозяйства Великобритании. Он успешно уживался с крупными монополиями, дополнял их в самых современных отраслях, а также в сфере услуг.

По мнению Блэра, обязанность государства в условиях современной экономики заключается в том, чтобы оказывать поддержку мелкому бизнесу, которая выражается во вкладе инвестиций, предоставлении кредитов, оснащении современными технологическими устройствами и проведении консалтинговых услуг. Тони Блэр утверждал, что мелкие предприниматели «могут работать в одиночку или в рамках небольших объединений, но они все равно являются частью крупной экономической системы»²².

В пользу организации трудовых отношений на базе концепции «общества соучастия» выдвигались весомые аргументы. В частности, по мнению А.А. Громыко, практика долговременного найма упрощала задачу повышения квалификации рабочих. Включение их представителей в управляющие органы компании способствовало атмосфере сотрудничества. Сокращение рабочей силы не вело, как правило, к усилению социальной напряженности. Перекрестное владение акциями облегчало инвестиционные процессы, улучшало координацию различных участников процесса производства. В совокупности эти факторы помогали предприятиям справляться

с трудностями в процессе структурных преобразований, избегая популярной в Британии и США практики крупномасштабного сброса акций или поглощения одной компании другой. В данных условиях средние и мелкие фирмы, которые считаются наиболее динамичной силой рыночной экономики, чувствуют себя достаточно уверенно²³.

Консерваторы обрушились с критикой на концепцию «общества соучастия», обвиняя Блэра в плагиате. Майкл Портилло заявил, что Блэр подражает тэтчеристскому кредо: «У нас родилась эта идея еще в 1979 г., когда мы разрешили британцам покупать акции приватизированных промышленных предприятий и общественных служб»²⁴. Тори полагали, что концепция «общества соучастия» является всего лишь успешным политическим ходом в подготовке предвыборной кампании, переходом лейбористов на центристские позиции. Консерваторы сходились во мнении: «Блэр – безусловно, не социалист. Всё, что он делает, – заимствует и развивает некоторые наши идеи. Мы должны посорить его с лейбористской партией»²⁵. Джон Мэйджор и Майкл Хезелтайн говорили, что Блэр возродил идею «старого лейборизма»²⁶ и восстановил мощь профсоюзов и других влиятельных групп, оказывающих давление на государство²⁷.

Некоторые известные британские экономисты скептически смотрели на концепцию «общества соучастия», считали ее аморфной, так как ее содержание и дальнейшее воплощение в рамках государственной политики были не вполне ясны. Профессор Лондонского университета Найджел Харрис отмечал, что эта идея «взята с потолка»²⁸, а редактор экономических новостей в журнале «Обозреватель» Уильям Киган отмечал, что концепция «общества соучастия» имеет так много значений, что любой может использовать ее по собственному усмотрению²⁹.

На практике концепция «общества соучастия» нашла свое отражение в социальной политике «новых лейбористов», в частности в создании частного пенсионного фонда, в реформе образования, борьбе с безработицей.

К середине 90-х годов миллионы пожилых людей в Британии сталкивались с финансовыми затруднениями, так как размер государственной пенсии был низким. Согласно официальной статистике и докладам благотворительных организаций, половина семей пенсионного возраста зависела от пенсий и страховых пособий, которые составляли по меньшей мере 75% их дохода, в то время как две трети пенсионеров жили настолько бедно, что были не в состоянии платить подоходный налог³⁰.

По мнению Блэра, главной проблемой, которая приводила к бедности среди пенсионеров, был размер государственных пенсий, который вычислялся правительством в соотношении с ценообразованием, а не суммой заработной платы. Кроме того, многие пенсионеры должны были получать материальную помощь, которая основывалась на проверке нуждаемости³¹ и часто выплачивалась в дополнение к государственной пенсии. Однако, как пишет Блэр, примерно 600 тыс. человек были внесены в список получающих материальную помощь, но так и не увидели своих денег³².

Блэр предложил провести реформу пенсионного обеспечения, которая смогла бы обеспечить стабильный доход пожилым людям. Он обещал отменить проверку нуждаемости для пенсионеров и сочетать государственное и частное финансирование пенсионных фондов³³.

Лейбористская партия поддержала проект финансирования «дополнительных пенсий» вместо Государственной схемы пенсионного обеспечения (State Earnings Related Pension Scheme – SERPS)³⁴. Это решение отражало резкий поворот в социальной политике лейбористов, которые более 20 лет выступали за сохранение SERPS, утвержденной Барбарой Кастл в 1975 г. в результате межпартийного соглашения. Новый проект предлагал финансировать «вторые пенсии» за счет личных сбережений граждан, а не взносов в фонд социального страхования, как это практиковалось SERPS, что помогло бы снизить уровень государственного налогообложения. Старая схема SERPS требовала с каждым годом все больше вложений. С 1988 г. правительство сократило на три четверти ее финансирование, так как опасалось, что по прогнозам число пожилых людей к 2030 г. возрастет настолько, что будущие налогоплательщики не смогут вносить каждый год дополнительные 50 млрд фунтов для их материального обеспечения. Новый проект был призван помочь растущему числу рабочих, в том числе низкооплачиваемым, которые все еще рассчитывали на свою долю в инвестиционных фондах SERPS.

К середине 1990-х годов английская система среднего образования включала частные, общеобразовательные муниципальные и общеобразовательные грантовые школы. Частные школы предлагали платное образование, в них обучалось около 7% детей по всей стране, но их выпускники составляли около половины студентов престижных Оксфордского и Кембриджского университетов³⁵. Тони Блэр считал, что государство должно добиться, чтобы качество преподавания в частных и государственных школах достигло одинакового уровня. Он подчеркивал, что хорошее образование

поможет любому гражданину независимо от его социального статуса добиться успеха в жизни: «Мы верим, что люди должны расти благодаря своим талантам, а не за счет своего происхождения или привилегий. Мы понимаем, что люди не рождаются в одинаковых условиях, таким образом, основная задача государственного образования – предоставить всем равные возможности независимо от их происхождения»³⁶.

Лейбористы выступали против благотворительного статуса частных школ, сохранявшегося в британском законодательстве с XVII в., который освобождал их от уплаты налогов. Они аргументировали это тем, что государство не должно субсидировать более богатых родителей, которые могут позволить своим детям получать частное образование³⁷.

При консерваторах в систему государственного образования были внедрены элементы рыночной экономики. Школы имели право выхода из-под контроля муниципалитетов и получения дотаций и грантов напрямую от Министерства образования. Местные органы власти, большинство которых находилось в руках у лейбористов и либеральных демократов, отодвигались в сторону. В результате этой реформы ухудшилось положение школ, расположенных в бедных районах. Из них начался отток учителей в поисках лучшего заработка. Как уточняет британский исследователь Стивен Филдинг, именно низкий статус общеобразовательных школ, а также отсутствие стремления у учителей обеспечивать высокие стандарты преподавания для детей из необеспеченных семей вызвали критику Тони Блэра³⁸.

«Новые лейбористы» выступили с резкой критикой селективного отбора и заверили граждан, что в случае победы на предстоящих выборах откажутся от создания школ, которые поддерживают эту практику. В 1998 г. «новые лейбористы» разработали собственную программу развития образования. Школьные программы были пересмотрены с упором на индивидуальные способности детей и ориентацией на их будущую профессиональную деятельность.

Одно из базовых утверждений британского варианта концепции «общества соучастия» о том, что государство должно предоставить всем гражданам равные возможности, применялось на практике в программе по борьбе с безработицей, подготовленной «новыми лейбористами». Эта программа, которая получила название «Новый курс», была представлена лейбористами в ноябре 1995 г. и была призвана обеспечить рабочими местами четверть миллиона человек. С апреля 1998 г. лейбористское правительство проводит «Новый курс» в рамках всей страны, выделяя на него

значительную часть национального бюджета. Как первоначально было сформулировано, «Новый курс» был направлен на молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет, кто в течение 6 месяцев не мог устроиться на работу и получал пособие. «Новый курс» предоставлял им бесплатные консалтинговые услуги и тренинги, занимался поиском работы, в том числе волонтерской. Как уточняет Л.А. Бунькова, молодым людям предлагали на выбор работу в частном секторе с еженедельным пособием в размере 60 фунтов, работу в общественных организациях с еженедельным пособием в размере 15 фунтов или прохождение полного курса обучения по выбранному профилю, которое могло продолжаться до 1 года³⁹.

Если человек отказывался от услуг, предоставляемых правительственной программой «Новый курс», не имея уважительной причины, ему приостанавливали выплату пособия по безработице или даже отказывали в нем⁴⁰.

Как со стороны профсоюзов, так и со стороны крупного бизнеса было многое сделано для поддержки «Нового курса». Правительство стремилось построить «Новый курс» в умеренном ключе, чтобы представить его как инновационный подход в борьбе с безработицей, который отличал бы их от консерваторов. Гордон Браун описывал «Новый курс» как самую амбициозную программу трудоустройства, которую только видела Великобритания, в то время как консерваторы платили людям несколько фунтов пособия по безработице, а затем забывали о них⁴¹.

Как отмечали сами создатели программы «Новый курс», во многом она была заимствована у похожих схем, которые использовались в Австралии и некоторых штатах США. В то же время они указывали на то, что «Новый курс» является проектом «новых лейбористов» и совершенно отличается от предложений консерваторов по борьбе с безработицей. Как отмечал в своих выступлениях Тони Блэр, по своим масштабам «Новый курс» значительно превосходил программу консерваторов. Финансируемый налогом на сверхприбыль, которым облагались приватизированные компании, «Новый курс» представлял собой самое тесное сотрудничество между государством и бизнесом, чем когда-либо ранее⁴². Он предложил реальные рабочие места и программы профессионального обучения, возможности, которые имели огромную экономическую и социальную значимость для всей страны. Успех программы «Новый курс» лучше всего проиллюстрировала статистика спада безработицы в период работы лейбористского правительства. Как пишет Л.А. Бунькова, за годы деятельности первого кабинета

Т. Блэра лейбористы сократили безработицу до 1 млн чел. Это стало лучшим показателем в Великобритании за весь период с 1975 г.⁴³

Таким образом, концепция «общества соучастия», которая ранее рассматривалась как один из подходов в управлении корпорациями и увеличении их прибыли, была переосмыслена Тони Блэром и «новыми лейбористами», которые применяли ее, чтобы адаптировать национальную экономику Британии к процессу глобализации. Концепция «общества соучастия» стала значительной вехой в истории трансформации лейбористской идеологии и оказалась объектом повышенного внимания общественности в период премьерства Тони Блэра. Привлечение широких слоев населения к участию в экономическом развитии страны отражало на практике коммунитарные ценности, которые прочно закрепились в идеологии Лейбористской партии в период лидерства Блэра. В рамках концепции «общества соучастия» правительством была оказана помощь социально не защищенным слоям населения, достаточно успешно решена проблема безработицы, создан новый пенсионный фонд и улучшена система образования. Концепция «общества соучастия» теоретически обосновывала социально-экономический курс «новых лейбористов», подробно объясняла принцип «равенства возможностей», который был ключевым в понимании идеологии «нового лейборизма». Основные принципы «общества соучастия» нисколько не противоречили развитию рыночной экономики в Великобритании, несмотря на то что данная концепция использовалась «новыми лейбористами» как альтернатива экономическому курсу консерваторов. Как пишет О.Ю. Павлова, «новые лейбористы» в ряде вопросов (снижение прямых налогов, автономия Центробанка, подавление инфляции, поощрение конкуренции) оказались еще более последовательными и успешными сторонниками свободного рынка, чем консерваторы. В то же время они отличались от предшественников большей социальной ориентированностью в некоторых других сферах (дополнительная поддержка пенсионеров и работающих семей, борьба с безработицей с помощью налога на сверхприбыль отдельных корпораций)⁴⁴.

Вопрос о том, что на самом деле представляет собой концепция «общества соучастия», предложенная Тони Блэром и «новыми лейбористами», до настоящего времени остается открытым. По мнению британского политолога Яна Адамса, необходимость применения концепции «общества соучастия» стала следствием того, что начиная с 1979 г. свободная рыночная экономика в период правления консерваторов создала общество, где возростала разница в доходах богатых и бедных, происходило дальнейшее социаль-

ное расслоение, увеличивалась категория граждан, которые выпадали из общественной жизни⁴⁵. В свою очередь, современный британский исследователь Эллисон Тикер в работе «Руководство по пиару» пишет, что не существует окончательно утвердившегося определения «концепции соучастия», по мнению различных ученых она может основываться как на кейнсианской макроэкономической модели⁴⁶, так и на идеях коммунитаризма⁴⁷. По мнению Джоэла Кригера, заимствование и использование Тони Блэром и его соратниками «модных слов» в своем политическом лексиконе приводит к смешиванию различных концепций, но тем не менее обеспечивает лейбористам популярность. Иногда «общество соучастия» ассоциируется с основными нормативными темами «нового лейборизма», такими как взаимозависимость и общность целей и ценностей⁴⁸.

Применение Тони Блэром в социальной политике концепции «общества соучастия» можно также считать ярким примером того, что лейбористское правительство более активно обращается к широкому слою населения и быстро переходит на центристские позиции.

Примечания

¹ *Freeman E., Harrison J., Wicks A., Parmar B., Colle S.* Stakeholder Theory: The State of the Art. N. Y., 2010. P. 31.

² *Громько А.А.* Политический реформизм в Великобритании (1970–1990 гг.). М., 2001. С. 120.

³ Там же.

⁴ *Freeman E., Harrison J., Wicks A., Parmar B., Colle S.* Op. cit. P. 36.

⁵ *Громько А.А.* Указ. соч. С. 120.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 121.

⁸ Там же.

⁹ *Cohen N.* Has he found his big idea? // The Independent. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/has-he-found-his-big-idea-1323912.html> (дата обращения: 07.02.2013).

¹⁰ *Coates D., Lawler P.* New Labour in power. N. Y., 2000. P. 122.

¹¹ *McGregor S.* Stakeholder policy is way forward for Britain, says Brown // Herald Scotland. URL: <http://www.heraldscotland.com/sport/spl/aberdeen/stakeholder-policy-is-way-forward-for-britain-says-brown-1.470949> (дата обращения: 07.02.2013).

¹² «Принцип невмешательства» (фр. *laissez-faire*) – экономическая доктрина, согласно которой государственное вмешательство в экономику должно быть минимальным.

¹³ История Великобритании / Под ред. К. Моргана. М., 2008. С. 624.

- ¹⁴ *Blair T.* *New Britain: My Vision of a Young Country.* L., 1996. P. 296.
- ¹⁵ Коммунитаризм – идеология, которая появилась в XX в. Ее основой является утверждение о том, что на развитие общества должны в большей степени влиять местные сообщества и неправительственные общественные организации, а не отдельные индивиды.
- ¹⁶ *Blair T.* *Op. cit.* P. 294–295.
- ¹⁷ *Beech M.* *New Labour // The Struggle for Labour's Soul. Understanding Labour's Political Thought Since 1945 / Ed. by R. Plant, M. Beech, K. Hickson.* L., 2004. P. 94.
- ¹⁸ *Ibid.*
- ¹⁹ *Economist.* 1995. Sept. 20. P. 24.
- ²⁰ *Громько А.А.* Указ. соч. С. 140.
- ²¹ *Blair T.* *Op. cit.* P. 295.
- ²² *Ibid.* P. 291.
- ²³ *Громько А.А.* Указ. соч. С. 123.
- ²⁴ *Cohen N.* *Op. cit.*
- ²⁵ *Macintyre D.* *Labour turns tables in war of words // The Independent.* URL: <http://www.independent.co.uk/news/labour-turns-tables-in-war-of-words-1323365.html> (дата обращения: 07.02.2013).
- ²⁶ «Старым лейборизмом» принято называть внутриполитический курс и программные установки Лейбористской партии, которые существовали до избрания на пост лидера Тони Блэра в 1994 г. «Старый лейборизм» опирался, прежде всего, на государственное планирование, национализацию предприятий, увеличение количества социальных пособий, перераспределение доходов и связи с профсоюзами. «Новые лейбористы», наоборот, отходили от этих принципов, признавали рыночную модель экономики, стремились обеспечить стабильный уровень экономического роста за счет обеспечения низких темпов инфляции и государственных расходов, сотрудничества с бизнесом.
- ²⁷ *Macintyre D.* *Op. cit.*
- ²⁸ *New Statesman.* 1996. March 29. P. 20.
- ²⁹ *Ibid.*
- ³⁰ Pensioners 'facing harsher life' // *The Independent.* URL: <http://www.independent.co.uk/news/pensioners-facing-harsher-life-1568507.html> (дата обращения: 07.02.2013).
- ³¹ Проверка нуждаемости для пенсионеров стала применяться в Великобритании после 1986 г., когда в стране была проведена реформа системы обязательного пенсионного обеспечения, которая осуществила переход от распределительной к накопительной системе, способной генерировать средства для пенсионных выплат за счет инвестиционного дохода. Проверкой дохода пенсионера занимались органы социального страхования или социальной помощи, которые выплачивали ему пособия по вспомоществованию.
- ³² *Blair T.* *Op. cit.* P. 144.
- ³³ *Ibid.* P. 145.

- ³⁴ *Timmins N.* Labour to adopt 'stakeholder' pension reform // The Independent. URL: <http://www.independent.co.uk/news/labour-to-adopt-stakeholder-pension-reform-1325962.html> (дата обращения: 07.02.2013).
- ³⁵ *Громько А.А.* Указ. соч. С. 127.
- ³⁶ *Blair T.* Op. cit. P. 173.
- ³⁷ *Gerard L.* Heads warn of school closures // The Independent. URL: <http://www.independent.co.uk/news/uk/heads-warn-of-school-closures-1566343.html> (дата обращения: 07.02.2013).
- ³⁸ *Fielding S.* The Labour Party: Continuity and Change in the Making of 'New' Labour. N. Y., 2003. P. 194.
- ³⁹ *Бунькова Л.А.* Социальная программа «новых лейбористов» Великобритании: подготовка, приоритетные направления, реализация (1994–2001 гг.). Нижневартовск, 2007. С. 92.
- ⁴⁰ *Hindmoor A.* New Labour at the centre: constructing political space. Oxford, 2004. P. 109.
- ⁴¹ Ibid.
- ⁴² Ibid. P. 111.
- ⁴³ *Бунькова Л.А.* Указ. соч. С. 95.
- ⁴⁴ *Павлова О.Ю.* Экономическая политика британских лейбористов при первом правительстве Э. Блэра: 1997–2001 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2009. С. 25.
- ⁴⁵ *Adams I.* Ideology and politics in Britain today. Oxford, 1998. P. 150.
- ⁴⁶ Кейнсианская макроэкономическая модель была разработана английским экономистом Дж. Кейнсом в его основополагающей работе «Общая теория занятости, процента и денег» (1936), в которой обосновывалась необходимость государственного регулирования капиталистической системы за счет поддержания совокупного спроса, увеличения денежной массы, снижения ставок процента. С 1940-х до первой половины 1970-х годов концепция Дж.М. Кейнса занимала доминирующие позиции в правительственных и академических кругах наиболее развитых индустриальных стран Запада.
- ⁴⁷ *Theaker A.* The Public Relations Handbook. L., 2004. P. 87.
- ⁴⁸ *Krieger J.* British Politics in the Global Age: Can Social Democracy Survive? Oxford, 1999. P. 30.

История мировых цивилизаций в зеркале исторической науки

Е.В. Балущкина

ОТ СРЕДНЕВЕКОВОГО МИЛЛЕНАРИЗМА К РЕВОЛЮЦИОННОЙ УТОПИИ

Данная статья представляет собой изложение и обоснование метода, который может быть применен исследователями, занимающимися как революциями в целом, так и анализом отдельных аспектов революционных процессов или революционной политики. С его помощью мы можем рассматривать революцию не как единомоментное событие, а как эволюционирующий исторический и социально-политический феномен, имеющий свой собственный набор дискурсивных элементов, в европейском контексте берущих свое начало в средневековых протестных движениях и приобретающих новую трактовку на каждом новом витке развития феномена революции.

Ключевые слова: Английская революция, Французская революция, Англия XVII в., Франция XVIII в., Оливер Кромвель, Максимилиан Робеспьер, политический словарь, кальвинизм, пуритане, милленаризм, протестные движения.

Исследователи, занимавшиеся проблемой утопий и социальной справедливости в Англии революционного времени, – Т.А. Павлова, Э. Бернштейн, У. Шенк и другие, указывали на тесную связь идущих из Средних веков милленаризма и революции как попытки преодоления социальных проблем: неравенства, несправедливости и т. п.

Великий исследователь истории и культуры средневековой Европы А.Я. Гуревич говорит, в частности, о милленаризме как об одном из основополагающих элементов мышления средневекового человека, вытекающем из своеобразия восприятия времени в Средние века. «Хилиазм – неотъемлемая принадлежность Средних веков, форма, в которую отливались социальные чаяния угнетенных

и обездоленных <...> Само течение истории миллениарии толковали вразрез с официальной церковной доктриной, утверждая, что дню Страшного суда будет предшествовать тысячелетнее Царство Христово на земле, отрицающее все феодальные и церковные учреждения, собственность и социальный строй»¹.

Собственно, термин «миллениаризм» у А.Я. Гуревича вводится именно для того, чтобы сделать акцент на социальном аспекте этого феномена в противовес сугубо теологическому термину «хилиазм». Тем самым, используя этот термин, мы подчеркиваем, что для нас важна не столько богословская, сколько историко-социальная сторона средневекового миллениаризма, точнее, его протестная природа.

А.Я. Гуревич подчеркивает именно этот аспект, подводя итог своим рассуждениям таким образом: «Поэтому и сопротивление господствующему классу в Средние века выливалось в протест против его контроля над временем»².

И действительно: именно в миллениаристских воззрениях лежат основы многих проявившихся впоследствии социальных, а зачастую и политических протестов.

И что есть идея революции до столкновения ее с реальностью, как не утопия? Можно было бы даже сказать, что революция – это акт попытки воплощения утопии в жизнь, что революция – это результат эволюции и постепенной секуляризации хилиазма.

Именно этот процесс хорошо заметен при сравнении категорий политической власти в условиях Английской и Французской революций: первая все еще несет в себе ярко выраженные религиозные мотивы (это не атавизмы даже, а явственная движущая сила революции), вторая смещается в сторону светской интерпретации основных проблем, сохраняя при этом их смысловую основу.

В одной из своих работ «Проблема справедливости в пуританской революции»³ упомянутый английский исследователь У. Шенк достаточно прямо заявляет свою позицию, называя Английскую революцию «пуританской»

Указанная работа – одно из немногих исследований, напрямую посвященных детальному изучению важного аспекта политической и социальной жизни общества в условиях революции. Связь с религией в вопросе справедливости у Шенка не случайна. Он доказывает, что даже те, кого можно было бы назвать радикалами, в Англии XVII в. стремились прежде всего к христианскому равенству, к нравственному усовершенствованию человеческого рода, а не к социальным или экономическим преобразованиям общества.

Большинство историков, писавших о социальных проблемах во времена Английской революции, подобно Шенку указывали на непосредственную связь религиозных и социальных идеалов в условиях Англии XVII в. И тем не менее его однозначное соотнесение того и другого не является единственным способом трактовки. В своей диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук⁴. Т.А. Павлова говорит о двух основных направлениях рассмотрения английского революционного утопизма в историографии: одни авторы, подобно Шенку, поддерживают принципиальные различия между религиозными миллениаристскими устремлениями народных масс и собственно утопией как попыткой организации общественной жизни; другие – напротив, подчеркивают тесную связь этих двух феноменов. Наиболее ярким исследователем из второй группы⁵ можно по праву считать Кристофера Хилла, крупного специалиста по истории Английской революции, автора большого количества работ, в которых раскрывается не только процесс революции, но и ее предпосылки. В своей работе о радикальных идеях, бытовавших во времена Английской революции⁶, Хилл указывает на тесную связь религиозного и политического радикализма.

В другой своей работе – «Англичанин Господа: Оливер Кромвель и Английская революция», далеко выходящей за рамки обычной биографии, Кристофер Хилл пишет: «Сила революционного кальвинизма лежит в особом ударе на солидарность в объединении против своих мирских врагов тех, кто распознал друг в друге святых»⁷. Это заявление подводит нас к аналогии с одним из самых известных проявлений протестного движения Средневековья – к феномену катарской, или альбигойской, ереси. Как бы далеко ни стояли катары от последователей миллениаризма в богословском отношении, в этих движениях нельзя не увидеть очевидных общих черт.

Во-первых, оба они являлись протестными движениями по отношению к господствовавшей в Средние века как в духовной, так и в социально-политической сфере католической церкви.

Во-вторых, оба движения имеют ярко выраженную социальную основу – они предлагают некоторую идеализированную модель общества, основанную на единстве этических идеалов, являющуюся одновременно репликой с первых христианских моделей и враждебной альтернативой по отношению к модели современного им христианского общества. Идея общины, существующая в миллениаризме в виде идеи, в альбигойской среде обретает жизнь.

И наконец, в-третьих, – на наш взгляд, это наиболее интересно и менее всего рассмотрено в литературе – милленаристские воззрения и воззрения альбигойцев, при почти противоположных представлениях о мире вообще, являют собой пример мировоззрения, где сходится предельный идеализм с предельным материализмом так, что одно не противоречит другому. Более того, такое противоречие возведено в этих движениях в принцип. Основу милленаризма, как мы говорили выше, составляет представление о тысячелетнем царстве Бога на земле, т. е. идеальный рай, о котором говорит католичество, фактически заменяется раем земным, где люди смогут жить под идеальной властью – властью не земных королей или князей церкви и где все они в полной мере будут пользоваться земными же благами.

Альбигойская же церковь, напротив, представляет, согласно своему учению, материальный мир клеткой и ищет спасения для души в идеальном надмирном рае. Однако путь туда обставлен предельно материально – абсолютную уверенность в собственном спасении можно получить посредством специального обряда, именуемого «консоламентум»⁸.

Все перечисленные выше черты, роднящие милленаризм и катарскую церковь, в полной мере относятся и к протестантским движениям, но более всего проявляются они именно в кальвинизме, где организация жизни общины, земное, социальное не уступало по своей значимости анализу богословских противоречий с католической церковью.

Именно через призму милленаризма и прочих протестных движений Средневековья разрешается одно из тех противоречий кальвинизма, на которое указывали многие исследователи. В частности, о нем говорит М.А. Барг в работе «Кромвель и его время». С одной стороны, кальвинизм является достаточно аскетичной верой, менее настроенной на чудеса, менее обремененной идолами и легендами по сравнению с католичеством. И в то же время ее жесткость рождает экстатический религиозный фанатизм и религиозное же единство, которые уже не порождались современным тому времени католичеством. Это противоречие кажется таковым только на первый взгляд; в действительности, мы имеем дело все с тем же сочетанием идеального и реального, о котором говорили выше. Как и в альбигойской среде, «святые люди», исповедовавшие пуританизм, были уверены в собственном спасении. И что характерно, одним из основных сигналов, о которых Бог, по их мнению, давал это понять, – это материальное благополучие и процветание.

Вернемся теперь к признанному в исторической науке представлению о кальвинизме в его пуританской форме как о движущей силе Английской революции XVII в. Благодаря именно той роли, которую играло религиозное, традиционное мировоззрение в революции в Англии, об Английской революции можно говорить как о переходном этапе между протестными движениями Средневековья и революциями Нового времени.

Понятия, являвшиеся неотъемлемой частью миллениаризма, трансформировались в категории революционного дискурса, который, в свою очередь, с развитием революции как феномена претерпевал дальнейшие изменения. Именно этот процесс хорошо заметен при сравнении категорий политической власти в условиях Английской и Французской революций.

Проследим это на примере наиболее ярких категорий «революционного словаря», прототипы которых существовали и в средневековых протестных движениях. Прототипы эти будут существовать в чистой, идеальной форме в воззрениях миллениариев, представлять собой попытку реализации в альбигойских общинах, в революциях Нового времени они уже приобретут известные нам социальные формы, расширят границы своего бытования, станут политическими категориями в современном понимании.

Революция ставит основной своей задачей реорганизацию общественной жизни. Так кого же она хочет видеть во главе этого нового образования? Какими именно качествами обладает вождь революционного общества? Вспомним, что идеальным обществом миллениариев руководит сам Бог – идеальное существо, не имеющее изъянов. Не удивительно, что социальное революционное большинство каждой революции хочет видеть в своем вожде если не Бога, то свой этический идеал.

Здесь можно вспомнить такие слова Ламартина: «Фанатики выбирают для себя не самых умных, а самых фанатичных лидеров, что и было доказано выбором Робеспьера французскими якобинцами и выбором Кромвеля английскими пуританами»⁹. И мы бы приняли это заявление с одной поправкой: «самых фанатичных из среды большинства». И уже то, что современники о своих таких избранниках говорили не «фанатичный», а «добродетельный», в некоторой степени указывает на отмежевание этой группы от настоящих «ультрареволюционеров». Так по какому же критерию определялись эти наиболее «добродетельные» люди? Вероятно, по тому, который являлся наиболее значимым из всего спектра человеческих качеств для данной группы. Примечательно, что и Кромвель, и Робеспьер почитались своими сторонниками как об-

разец для подражания, идеал человека и политика. Кромвель виделся современникам-пуританам «святым», т. е. тем человеком, о котором наверняка известно, что его ждет христианское спасение, что разом ставило его выше и своих братьев по вере, и тем более католиков и им сочувствующих. Таким образом, «святость» Кромвеля – это отражение представлений о религиозных добродетелях, а также о близкой сознанию пуритан семейной верности и даже об умении организовать и вести работу в своем поместье. К этому добавилось уважение к Кромвелю как к сильному и умелому военачальнику, и в итоге мы получаем образ, мало отличающийся от образа идеального лорда для средневековых крестьян. С той лишь разницей, что никакая вкуче взятая группа средневековых крестьян не могла быть так строга к своему лорду по части набожности, как община пуритан в Англии XVII в. За исключением все той же альбигойской общины, где именно наличие знания о спасении души являлось определяющим фактором в оценке человека сообществом как «святого». Именно это наслоение, когда владелец замка одновременно являлся и «старейшиной», т. е. вождем по праву рождения, и вождем по праву своих добродетелей в одном лице, породило те самые отличительные черты, которые делают катарскую церковь столь уникальным явлением.

Французские якобинцы и их поддерживающие революционные массы как в городах, так и на фронте выдвигают к своим «святым» совершенно другие требования. И Максимилиан Робеспьер – тот человек, соответствие которого им быстро становится общепризнанным. Французская революция требует от своего ставленника добродетелей не христианских, а гражданских. Робеспьер чувствуется как человек высоких политических принципов, аскет, не ищущий для себя материальных выгод, законник, патриот и беспощадный враг контрреволюции, откуда бы последняя ни исходила.

Конечно, ничто не мешает нам добавить в список добродетелей Кромвеля и известный аскетизм последнего, и несомненный его патриотизм. Но хотелось бы сразу заметить, что и то, и другое будет стоять в ином контексте и носить характер обычный или традиционно религиозный. Иными словами, на протяжении XVII–XVIII вв. происходит перемещение, а вернее заимствование этих понятий в политический дискурс. Аскетизм понимается теперь как отсутствие попыток нажиться за счет революции, государства и граждан, а патриотизм из традиционного его значения любви к своей земле или стране и защиты ее превращается в синоним сторонника революции, имевшей, конечно, в XVIII в. сугубо национальную окраску.

Категория образа вождя чрезвычайно важна для изучения революционного процесса во многом потому, что он при всем желании не может действовать только от своего имени.

Отождествляет ли себя лидер с обществом или ставит над ним, но в своем сознании и в полемике он неизменно выделяет своего рода референтную группу – категорию лиц, определяемую им условно как «добро» и подразумевающую под собой лояльность как к самому лидеру, так и к его убеждениям, т. е. революции вообще.

В своих речах и письмах Кромвель употребляет преимущественно три наименования такой группы – «добрые люди», «добрые англичане» и «добрые христиане». Эти определения весьма четко очерчивают круг, в котором оказываются англичане, разделяющие веру Кромвеля.

Примечателен тот факт, что словосочетание «добрые люди» приобрело широкое применение в Средние века именно в альбигойской среде.

Вот так характеризует устройство альбигойской общины исследователь Жан Мадоль: «Катарская церковь состоит из двух типов людей. Одна часть – это простые верующие, которые надеются на освобождение своей души, но живут в ожидании этого почти так же, как все, за исключением того, что они воздерживаются от участия в любой католической службе; другая часть – это пастыри, которых инквизиция называет “совершенными”, хотя сами они себя так не величали, они именуются просто “добрыми людьми”, или еще “старцами”»¹⁰.

Добрыми людьми называли альбигойцев, принявших *consolamentum*, и окружавшие их люди – из тех, которые сочувствовали идеям катаров и поддерживали их, но по разным причинам откладывали обряд на конец своей жизни. Ведь быть «добрыми людьми» могли не все: это положение обязывало не только к проповеднической деятельности, но и к строжайшему уставу, который надлежало соблюдать в своей повседневной жизни.

«Добрые люди» Кромвеля обозначают буквально то же самое, что и «добрые люди» катарских проповедников: это праведники, «святые», то есть те, кто несет волю Всевышнего, живет строго по его заветам и кто предназначен к спасению. Однако время диктует свои условия, и в устах вождя Английской революции Оливера Кромвеля бывшие когда-то сугубо этическими, духовными категориями слова «добрые люди» или «добрые христиане» приобретают отчетливое политическое значение. Они переходят из средневековой лексики в революционный словарь Нового времени.

Но разве можно утверждать, что словосочетание «добрые люди» не несло политической нагрузки в XII–XIII вв.? Ведь альбигойцы в истории Европы – это не только религиозное учение, не только противопоставление себя Римской церкви и самому Папе на словах. Это целый регион, богатый, процветающий, готовый сражаться. Церковь любви – это целый конгломерат княжеств, ошетилившийся цепью готовых к осаде замков. И «добрые люди» в связи с этим означали протагонистов в борьбе, в которой в рамках Средних веков не было четкой границы между религией и политикой.

Робеспьер, хоть и изредка, тоже использует характеристику «добрый». Однако используемое им в этих случаях “bons citoyens”¹¹ – «добрые граждане» – в словаре Робеспьера скорее тавтология. Ведь «гражданами» он именует только сторонников революции, только тех, кто и без приставки “bon” входит в группу протагонистов. Плохих граждан для Робеспьера нет, ведь таковые были бы уже не достойны высокого звания «гражданина».

«Добрые люди» Кромвеля, кроме того, категория весьма архаичная. “Good men” – здесь, как и в русском переводе, мы видим в прилагательном два значения: “good” как совершенный, отвечающий заданным требованиям к человеку, христианину и т. д., и “good” как принадлежащий к категории добра в дихотомии «Добро–Зло» (“Good and Evil”). Используя такую лексику, оратор уже не нуждается в том, чтобы подыскивать термин для представителей антагонистической группы, так как анти-добро – это по умолчанию зло.

На первый взгляд, термин «патриоты» также отвечает этому требованию, но это не проявлено так на лингвистическом уровне. В сознании человека к «добру» автоматически подбирается антоним «зло» – так же просто, как ко «дню» подбирается «ночь», а к «белому» – «черное». «Патриот» – конечно, слово, окрашенное в светлые тона, но ему не хватает той самой архаичной чистоты и прозрачности. Именно поэтому рождаются наименования «враги Революции», «спекулянты», «подозрительные».

Интересно, что, очертив данные рамки на одной плоскости, мы не получим однозначной области, описывающей эту анти-группу. Выходит, что друзья революции во все времена вполне определены, хотя и в рамках различных представлений, а круг врагов имеет достаточно зыбкие границы.

Общество «добрых людей», пуритан, как и идеальная община альбигойцев, построено на жестких границах, четком очерчивании рамок, отделяющих святых праведников от враждебного им неправедного мира. В этом сила альбигойской церкви, в этом сила кальви-

низма и именно в этом основная сила английского революционно-го пуританизма. В отличие от «граждан» категория «добрые люди» по-средневековому замкнута, в нее нет возможности проникнуть извне. Во Франции за лояльность делу революции «гражданином» мог стать иностранец и даже аристократ. Французская революция знала гражданина Клоутса и знала гражданина Эро де Сешеля. В эпоху Английской революции «добрым человеком» не мог стать ни один католик, ни один кавалер и тем более ни один ирландец.

Обозначив свои этические идеалы, круг своих сторонников и врагов, протестное движение приступает к собственно протесту. И направление такого протеста, если движение не является искусственно спровоцированным, отнюдь не случайно: оно направлено на устранение главных социальных бедствий общества – неравенства и несправедливости. Интересно, что на каждом новом этапе развития протореволюционных, а после и революционных движений эти две проблемы снова всплывали словно на новом витке, видоизменяясь, но неизменно вызывая самое большое недовольство народа. Именно эти две категории каждый раз появлялись в «политическом словаре» вождей революции и имели огромное влияние на массовое сознание, но каждый раз этим проблемам предлагались все более смелые решения.

Миллениаристская идея равенства – это представление о всеобщем благоденствии и достатке, когда блага распределяются самим Богом и без учета социального или финансового положения. На практике эта категория эволюционирует в рамках политического дискурса революций Нового времени от представлений об излишках собственности до идеи о равенстве имуществ.

Сам Кромвель и его референтная группа в этом отношении были по-средневековому сдержанны. Даже представления об излишках собственности были ему чужды, не говоря уже о нетерпимом его отношении к уравнителям. Левеллеры и диггеры, по мнению Кромвеля, были опасными смутьянами и заговорщиками, безумцами, проповедовавшими в народе безрассудные и взрывоопасные идеи.

Робеспьер также отрицательно относился к идеям «равенства имуществ», которые были в эпоху Французской революции весьма маргинальными, настолько, что даже самые левые политики, сколько-нибудь знавшие чаяния народа, стремились отмежеваться от них. Эбер, под давлением которого Робеспьер был вынужден пойти на такой акт равенства как принятие «максимума цен», в своей газете «Папаша Дюшен» иронично заявлял о своем несогласии с тем, что называют равенством имуществ.

Однако тот же Робеспьер уже открыто говорил о связи равенства и справедливости. Собственно, для него вопрос равенства был, в первую очередь, вопросом справедливости. «Неподкупный» всегда поддерживал идею неприкосновенности частной собственности и всячески защищал ее. В то же время именно этот человек яростно нападал на аристократов, толстосумов-торговцев, перекупщиков. Все эти люди были для него потенциальными изменниками, их он и подозревал в первую очередь в стремлении нажиться за счет бедных людей или, что принципиально для Робеспьера, за счет революционной армии, ведущей непрерывную войну, подкупить возможных предателей и в прочей антигосударственной и контрреволюционной деятельности. Робеспьер, как мы уже отметили, не говорил всерьез о «равенстве имуществ», но все же задачей политика видел устранение экономических и имущественных излишков, сглаживание пропасти между имущественными состояниями граждан.

Категория справедливости – второй краеугольный камень простого движения.

Миллениаристское представление о тысячелетнем царстве Бога на Земле подразумевает распространение высшей справедливости на всех живущих. На практике же именно справедливость является наиболее многогранно толкуемой категорией революционного дискурса.

Для речи Кромвеля было характерно использовать «справедливость» (“justice”) в значении «суд» (“judgment”) в словосочетаниях “in His righteous justice” или “in a righteous judgment of God”¹². Фактически, Кромвель никогда не использует «справедливость» в ее юридическом значении, говоря о справедливости, он имеет в виду Божий суд. А прилагательное «just» в данном случае также означает не «справедливый», а «истинный» или «праведный». Это, вероятно, объясняется тем, что для Кромвеля нет никакой отдельной «справедливости», существующей автономно от справедливости божественной, поэтому он и использует эти слова как синонимы, применяя к обоим значение второго.

Как следует ожидать, словарь Французской революции определял слово “justice” в значительно более секулярном значении. И тем не менее для массового сознания вообще и для Робеспьера в частности само понятие «справедливости» еще не превратилось в сухое и формальное, сугубо земное «правосудие». Говоря “trône de la justice”, Робеспьер имеет в виду «трон справедливости», противопоставляя его «тронам тиранов». Но справедливость Робеспьера зиждется не только на человеческом законе. Он подкрепляет его в духе своего времени идеей некоего вселенского закона, миропо-

рядка, или Бога, если слушателям так привычнее его называть. Эту форму Робеспьер предоставил своей аудитории еще на заре революции, в 1789 г.:

Господь – творец всего. Его устремление было в том, чтобы человек был счастлив. Счастье может быть найдено только в жизни в обществе, и все Богом данные качества человека устремлены, разработаны и подходящи для жизни в качестве общественного животного. Правильная организация общества стоит на уважении к божественным принципам справедливости и нравственности. Только такое общество будет соответствовать цели Господа, позволяя человеку демонстрировать и совершенствовать данные Богом качества и достичь таким образом счастья.

Из этого следует, что любая форма правления или общества хороша лишь до тех пор, пока она отвечает этой божественной цели.

Если она этого не делает, то тогда она не только подлая и бесполезная, но и подпадает под божественное проклятье¹³.

Иными словами, справедливость Кромвеля – это атрибут Бога, акт его суда. Политически эта связка работает таким образом, что враги Кромвеля гибнут справедливо в том смысле, что их гибель есть результат действия божественной справедливости.

Так это выглядит, например, в отчете Кромвеля о взятии Вексфорда. «Господь в праведной справедливости своей осудил их, сделав жертвами солдат, уничтоживших столь многие семьи и заставивших кровью искупить жестокости, учиненные над бедными протестантами»¹⁴.

Робеспьер же, хотя и использует иногда в речах образ Бога как символ миропорядка и, следовательно, заложенной в нем справедливости, все же считает, что справедливость – это атрибут общества, т. е. это идея, воплощаемая в мире не Богом, а людьми.

Но надо отметить, что «справедливость» для Робеспьера – категория, при всей своей социальности, идеальная. Это идея, а вовсе не юридическая формула, хотя подобной трактовки можно было бы ожидать от Робеспьера-адвоката.

Если взглянуть еще раз на приведенные примеры, вырисовывается определенная картина эволюции политических категорий, заимствованных революцией из протестных движений Средневековья. Сначала они бытуют в виде утопических идеальных конструкций. Именно такими их хотят видеть люди, но когда дело доходит до попытки реализации их в жизни, когда они становятся категориями революционного дискурса, оказывается, что даже за малейший шаг по направлению к их осуществлению должна вестись ожесточенная борьба. От одной крупной революции до другой исторические условия изменяются, претерпевают изменения материальная,

культурная, социальная и политическая жизнь общества. Представим себе, что революция существует постоянно, параллельно историческому процессу, с тем лишь отличием от, скажем, культурной жизни или социального устройства общества, что большую часть времени она существует в скрытой форме, действуя по принципу накопления. Собственно, то, что называется революцией в общепринятом смысле, будет в таком случае только внешне проявленным ее этапом. Именно он является наиболее ярким и наиболее доступным для изучения.

Проводя приведенные выше и другие подобные сравнения категорий революционного словаря Английской и Французской революций, мы можем увидеть, как происходило пошаговое перемещение акцентов в решении тех или иных проблем, поставленных перед революцией. Имея в своей основе утопические, протокоммунистические трактовки категорий власти, справедливости, равенства и др., заимствованные из средневековых протестных движений, в том числе и через Реформацию, революция имеет ярко выраженную тенденцию смещаться влево. Причем такое смещение происходит постепенно. Революционная эпоха дает несколько ответов на каждый из поставленных перед ней вызовов. Тот, который озвучен вождем революции от имени и для слуха своей референтной группы – социального революционного большинства, является центристским. Ни Кромвель, ни Робеспьер не являлись проповедниками радикальных взглядов. Из приведенных примеров: идея равенства имуществ в своем классическом виде была неизвестна Английской революции, однако вопросы о социальной справедливости и об излишках активно обсуждались на политической периферии, пользовались популярностью в народе. Они были слишком радикальны, чтобы революционное большинство признало их, и вождь этого большинства – Оливер Кромвель решительно их отвергал. Во времена революции во Франции эти идеи были уже общим местом в политике, всякий, кто ставил их под сомнение, перемещал себя в лучшем случае в правое крыло революции, а в худшем – в стан ее врагов. В то же время на периферии зарождается маргинальная идея «равенства имуществ» не как утопии, а как реальной политической и социальной возможности. Но ее радикализм отталкивает от нее даже левых политиков, поддержки же в обществе она практически не находит, хотя Коммуна и пытается насадить ее в Париже и других крупных городах. Общество, даже революционная его часть, не готово к такому решению, и Робеспьер, его вождь, искренне считает эти воззрения опасными. Однако в будущих революциях именно эту трактовку ждет наибольшее признание.

Это лишь несколько примеров, как работает такая модель в качестве метода изучения феномена революции. С его помощью мы можем рассматривать революцию не как единомоментное историческое событие, зависящее только от непосредственного контекста, а как эволюционирующий исторический и социально-политический феномен, имеющий свой собственный набор дискурсивных элементов, проследив за процессом эволюции которых, исследователи могут углубить свои представления в области истории революций.

Примечания

- ¹ *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры // Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб., 2007. С. 127.
- ² Там же.
- ³ *Shenk W.* The Concern for Social Justice in the Puritan Revolution. L., 1948.
- ⁴ *Павлова Т.А.* Народная утопия в Англии второй половины XVII в. Представления о социальной справедливости: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989.
- ⁵ См. также работы А.Л. Мортон. Например: *Morton L.A.* The World of the Ranters: Religious Radicalism in the English Revolution. L., 1970.
- ⁶ *Hill C.* The World Turned upside down. Radical Ideas during the English Revolution. L., 1972.
- ⁷ *Hill C.* God's Englishman: Oliver Cromwell and the English Revolution. L., 1970.
- ⁸ Consolamentum – «утешение», обряд крещения духом. По смыслу соответствует не столько крещению, сколько обряду пострига в монахи.
- ⁹ *Lamartine A.* Life of Oliver Cromwell. N. Y., 1886. P. 284.
- ¹⁰ *Мадоль Ж.* Альбигойская драма и судьбы Франции. СПб., 2000. С. 97.
- ¹¹ См., например: *Robespierre M.* Œuvres complètes: Ep 10t. P., 1910–1967. T. 8. P., 1954. P. 47.
- ¹² *Cromwell O.* The writings and speeches of Oliver Cromwell / Ed. by W.C. Abbot. Vol. 2. Cambridge, 1939. P. 127.
- ¹³ Об анализе этой речи см. также: *Tallet F.* Robespierre and religion // Robespierre / C. Haydon, W. Doyle. Cambridge, 1999. P. 93–95.
- ¹⁴ *Cromwell O.* Op. cit. P. 142.

Abstracts

G. Agapov

ARAGON KINGDOM IN THE SYSTEM OF ENGLISH-FRENCH CONTRADICTIONS OF THE XIII CENTURY

The aim of this article is to clarify the role and the place of Aragon kingdom in the system of English-French contradictions of XIII century. Almost total absence of Russian researches devoted to the history of middle-aged Aragon makes the conception of European diplomacy of this time incomplete in Russian science. This study is made to fill the gap partly. The role of Aragon kingdom will be considered on the background of the struggle of Frederick II of the House of Hohenstaufen for the inheritance.

Key words: Aragon, the Mediterranean, Staufen, papacy, Charles of Anjou, Sicily.

O. Akopyan

GIOVAN BATTISTA DELLA PORTA'S "DE COELESTIA PHYSIOGNOMIA" AND THE RENAISSANCE TRADITION OF "MAGIA NATURALIS"

The article is dedicated to Giovan Battista della Porta's treatise "De coelestia physiognomia" within the context of so-called "magia naturalis" concept for the first times described in the in the works of Marsilio Ficino and Giovanni Pico della Mirandola and summarized but, in a different way, in other della Porta's text "De magia naturali".

Key words: magic, astrology, philosophy, physiognomics, determinism.

E. Balushkina

FROM MEDIEVAL MILLENARIANISM TO REVOLUTIONARY UTOPIA

This article presents and grounds a method that may be useful for those who make researches into revolutions in general as well as into particular aspects of revolutionary processes or politics. By means

there of we can consider revolution not as a single one-time occasion but as a social and political historical phenomenon undergoing evolution-like changes. In the context of European history this phenomenon's discourse's elements originate from medieval protest movements and assume a new interpretation on each turn of the revolution's spirals.

Key words: English revolution, French revolution, XVII century England, XVIII century France, Oliver Cromwell, Maximilian Robespierre, revolutionary vocabulary, Calvinism, puritans, millenarianism, protest movements.

M. Birkin

A BISHOP AND SECULAR POWERS IN THE VISIGOTHIC KINGDOM OF TOLEDO AT THE BEGINNING OF THE VII CENTURY IN THE WORKS OF ISIDORE OF SEVILLE

The article is dedicated to the relationship of the bishop and the secular powers in the Visigothic Kingdom of Toledo in the light of the works of Isidore of Seville (about 560–636). He was one of the first in the barbarian West who while working on church dogma formulated the original doctrine of episcopacy. According to Isidore a bishop was not only a pastor, but at the same time a public agent of the royal power thus competing the city commit. Together with Christian dogmas and beliefs the bishop was to strengthen in consciousness of his flock loyalty and to create new identity, related to belonging to *Regnum Gothorum*. So crucial role of the bishop in that process was one of main preconditions for harmonic interaction between the Church and Royal power in Visigothic Spain of VII.

Key words: Isidore of Seville, Kingdom of Toledo, "Etymologies", "Sentences", "On Ecclesiastical Offices", oppressors pauperum, potentes.

E. Bulycheva

THE PARTICIPATION OF THE ORGEONES IN THE ECONOMIC LIFE OF THE GREEK POLIS IN THE IV B.C.

The article is devoted to the problem of the participation orgeones in the economic life of the Greek polis in the IV B.C. The orgeones is the religion community for people from various social groups. The article is analyses the inscriptions from Attica IV B.C. about transactions on rent

and sale of public land in which orgeons played specific role, acting as lessors and sellers of real estate. The community was financially active dealing in crediting and taxpaying. Generally the conclusion is drawn that orgeons regulated many questions in the economic life of Greek polis.

Key words: orgeones, religion community, Greek, Attica, rent, sale, polis, themenos.

I. Ermolova

THE EMPEROR VALENT'S WAR WITH TERVINGI

This article is the analysis of the Roman Empire relations with Goth's tribes Tervingi in the 70-th years of the IV century in the context of the general tendencies of Roman state policy toward barbarians.

Key words: the Later Roman Empire, barbarians, Goths, Tervingi, war, trade, limitations.

L. Klepikova

THE JESUIT MISSIONS IN CHINA AND THEIR ROLE IN THE SPREADING OF THE ENLIGHTENMENT IDEAS IN THE HEAVENLY EMPIRE (ON THE EXAMPLE OF THE CORRESPONDENCE OF G.W. LEIBNIZ WITH PERE J. BOUVET)

The article deals with the problem of the European human's perception of the Chinese Civilisation in the age of the early Enlightenment, on the example of the correspondence of the famous German enlightener Gottfried Wilhelm von Leibniz and the French Jesuit J. Bouvet. The author is trying to find out in which way people of that time got acquainted with unknown culture and which place they allocated for it in their worldview.

Key words: China, *Leibniz*, *Bouvet*, Book of Changes, Enlightenment, Christianity, Academy.

S. Knyazeva

FREEDOM AND *JUSTE MILIEU* IN THE THEORIES AND PRACTICES OF THE EUROPEAN LIBERALS OF THE XIX CENTURY

This article is dedicated to the origins and occurrence of liberal doctrine and liberalism philosophy, occurrence and evolution of the European liberalism, analysis of basic meaning of freedom for liberalism of what is common in the meanings “liberalism” and “democracy”, interactions between liberalism and democracy, interpretations of liberalism in various regions and areas of the Europe, in other words, in the countries with absence or lack of traditions of respect for the natural human rights: life, freedom of human being, property of the person, law, in the countries with “traumatic experience”. The major analytical problem of this article – freedom parity in liberal perusal, balances of freedom according to liberalism and the idea of “*juste milieu*” – “golden mean”, which has become one of most important political tools of liberals used for reconciliation and achieving compromise between various forces and movements.

Key words: liberalism, liberal traditions, reforming, policy of reforms, freedom, democracy, manipulations, traumatic experience, business, European liberals, Russia.

E. Kolishevskaya

NATIONAL VARIANT OF IRISH HISTORY IN THE WORKS OF IRISH CONSTITUTIONALISTS. (IN THE PAMPHLETS OF J.E. REDMOND “THE TRUTH ABOUT ’98” AND “IRELAND SINCE ’98”)

The article represents a brief analysis of two rare publicistic works written by the leader of the Irish Parliamentary Party, John Edward Redmond. The following pamphlets are an interesting vision of national Irish history made by Irish constitutionalists after the adoption of the Acts of Union 1800. The analysis allows to prove that national Irish idea was constructed by the common points between the constitutional and the republican branches of Irish nationalism.

Key words: Ireland, nation, national myth, national variant of history, the Acts of Union 1800, Home Rule, Irish Parliamentary Party, Society of United Irishmen.

A. Komarov

THE RIGHT-WING CONSERVATISM IN CANADA AT THE END OF THE XX – BEGINNING OF THE XXI CENTURIES. THE REFORM PARTY OF CANADA AND CANADIAN CONSERVATIVE ALLIANCE OF REFORMS IN STRUGGLE FOR POWER DURING THE GENERAL ELECTIONS OF 1993, 1997 AND 2000

The ultimate goal of this article is to analyse basic postulates of the right-wing conservatism in Canada during the period from 1993 till 2000. The author draws attention to the tactical and the institutional principles of the Reform Party and the Canadian Conservative Alliance of Reforms, especially to their participation in the debates before the general elections of 1993, 1997 and 2000, as well as the particular features of their electionship campaigns and the leader ambitions of Preston Manning and Stockwell Day. The social and political situation in Canada during the period of the general elections of 1993, 1997 and 2000, is also taken into consideration by the author.

Key words: the Reform Party, Preston Manning, the Canadian Conservative Alliance of Reforms, Stockwell Day, right-wing conservatism, the provinces of Canadian West, populism.

P. Lebedev

CITIES AS PLACE OF MANIFESTATION OF THE EMPEROR'S POWER (ON THE BASE OF THE WORKS OF ROMAN HISTORIANS OF 3rd–4th CENTURIES A.D.)

This article discusses forms of manifestation of the emperor's power in the cities of the Roman Empire, as it was presented by roman historians of the 3rd and 4th centuries A.D. The municipal philanthropic activities of the Roman emperors were necessary for recognition of the imperial rule by urban population of the Empire. And participation of urban communities in different forms of the emperor worship furthered to form the imperial identity. A number of extracts from the above sources show us how symbolic center of the Empire actually followed the emperor in his travellings. During the emperor's visit cities acquired special status, in some traits similar to Rome.

Key words: the Roman Empire, Roman emperors, cities, manifestation of power, Roman historians, III–IV centuries A.D.

S. Malkin

THE HIGHLANDS ON THE SCALE OF THE HISTORICAL PROGRESS. ETHNOGRAPHY OF THE “HIGHLAND PROBLEM” OF GREAT BRITAIN IN 1689–1759

In article representations of British administrators about features of the ethnographic reading of the history of the rebellious Highlands of Scotland in 1689–1759 are analysed. Efforts of British military and civil officials responsible for pacification of the region on studying and analysing the history and ethnography of the Highlands of Scotland in 1689–1759 are looked as necessary intellectual practice of the age. Analysis of academic practice as imperial practice, and of rhetoric methods as instruments of intellectual colonisation helps to understand many aspects in the solution of the “Highland Problem” in Great Britain in 1689–1759.

Key words: Great Britain, Highlands, “Highland Problem”, ethnography, empire, modernisation, intellectual colonisation.

E. Marey

GRAMMAR AND THEOLOGY IN THE “DIFFERENCES” OF ISIDORE OF SEVILLE

This article is dedicated to the “Differences” of Isidore of Seville – a grammatical treatise in two books written for synonym’s distinction. A structure of Isidore’s work, his goal, his sources and methods are studied. But in fact the “Differences” are more complicated than just a grammatical treatise. A grammar is an instrument for comprehension of the world. According to Isidore, an etymology and a strict word meaning gives a chance to understand the true sense of each phenomenon and in series comprehend the God’s project.

Key words: Isidore of Seville, “Differences”, antique grammars, history of education.

O. Ohoshin

“STAKEHOLDER SOCIETY” AS A NEW CONCEPT OF SOCIAL POLICY ON AN EXAMPLE OF GREAT BRITAIN (1995–2005)

The article is dedicated to the problem of the formation of concept of “stakeholder society” in Great Britain and its application within social policy by New Labour under Tony Blair. This concept in many respects responded to the necessities of New Labour for cardinal change of party ideology, searching for a new approach to the solution of sharp economic and social problems, in particular, the problem of mass unemployment. Relevance of this subject is connected with the fact, that “stakeholder society” reflected the interest of the British government in using of the popular theory of management at the state level which in practice helped British nation to adapt to the conditions of market economy and globalization at the beginning of the XXI century.

Key words: Tony Blair, stakeholder society, New Labour, Great Britain, social policy, corporations, reform of education, fight against unemployment, pension fund.

N. Rostislavleva

FORMS OF THE STATE IN THE GERMAN EARLY LIBERAL DOCTRINE (FIRST HALF OF THE XIX CENTURY)

The article deals with theoretical approaches to forms of states of German liberals of the first half of XIX century in particular K. von Rotteck, K.Th. Welcker, F.C. Dahlmann, W. von Humboldt. According to the author differences in their views were determined by their philosophical orientations as well as political demands of respective German regions where the said liberals came from.

Key words: early German liberalism, the forms of the state, K. von Rotteck, K.Th. Welcker, F.C. Dahlmann, W. von Humboldt.

S. Seregichev

BETWEEN THE KORAN AND THE “KALASHNIKOV”. FEATURES OF THE EGYPTIAN ISLAMISM IN 1970–1981

The article is devoted to the specifics and peculiarities of the formation of the Egyptian Islamic-fundamentalist movement in the 1970s. Particular emphasis is placed on the analysis of the causes of radicalisation of Islamist theory and practice, which resulted in the emergence of armed groups who saw in the jihad against the “infidel” regime and society the only way for the triumph of Islamic norms and orders on Egyptian land.

Key words: Sayyid Qutb, the association “Muslim Brotherhood”, islamism, Shukri Mustafa, “Group of the Military Academy”.

N. Tanshina

THE COUNT J.-J. DE SELLON AND THE CAMPAIGN FOR THE ABOLITION OF THE DEATH PENALTY

The purpose of the article is to investigate the life and work of the Swiss philanthropist and publicist count J.-J. de Sellon, who stood at the origins of the European pacifism, was the founder of the first Peace society on the European continent, and who can rightly be called the harbinger of the “spirit of Geneva”. According to de Sellon, the struggle for the promotion of peace among nations and the prevention of war as a means of conflict resolution was closely linked to protection of the idea of the inviolability of a human life, and which was put into practice in his campaign for the abolition of the death penalty. That is the main point of the article.

Key words: count J.-J. de Sellon, campaign for the abolition of the death penalty, pacifism, *Geneva peace society*, inviolability of a human life, protestantism, liberalism.

Yu. Vin

WHO IS THE “MASTER OF THE HOUSE”? BYZANTINE CONCEPT OF “HOUSEHOLDER”

The article exposes the distinctive features of the Byzantine concept “the master of the house”. There are several terms, meant “the master of the house”. He had significant position in native village, determined by his economic and legal status. “The master of the house” represented interests of his neighbors and “the rest people” in the local self-government. The data on “the masters of the houses” are followed almost in the whole history of Byzantium.

Key words: social and cultural concept, “householder”, “oikodespot”, rural community.

Сведения об авторах

Агапов Глеб Александрович – аспирант РГГУ, korsar231@yandex.ru.
Акопян Ованес Львович – аспирант МГУ им М.В. Ломоносова, ovanes.akopyan@gmail.com.

Балушкина Екатерина Владимировна – аспирант РГГУ, andoch@yandex.ru.

Биркин Михаил Юрьевич – соискатель Института всеобщей истории РАН, mbirkin@gmail.com.

Булычева Елена Владимировна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории РГГУ, bulychevalena@yandex.ru.

Вин Юрий Яковлевич – канд. ист. наук, ст. научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Ермолова Ирина Евгеньевна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории РГГУ, merira@mail.ru.

Клетикова Любовь Владимировна – аспирант РГГУ, sevell1@rambler.ru.

Князева Светлана Евгеньевна – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории РГГУ, omegaalfa777@aol.com, omegaalfa7577@gmail.com.

Кольшевская Елена Юрьевна – специалист по учебно-методической работе Института лингвистики РГГУ, gatekey@mail.ru.

Комаров Андрей Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории РГГУ, ruslan10@inbox.ru.

Лебедев Павел Николаевич – канд. ист. наук, преподаватель кафедры всеобщей истории РГГУ, apollonb10@list.ru.

Малкин Станислав Геннадьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Поволжской государственной социально-гуманитарной академии (г. Самара), malkins@samtel.ru.

Марей Елена Сергеевна – канд. ист. наук, методист Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», elena.fontis@gmail.com.

Охошин Олег Валерьевич – аспирант РГГУ, ohoshin89@gmail.com.

Ростиславлева Наталия Васильевна – д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории РГГУ, ranw@mail.ru.

Серёгичев Сергей Юрьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории РГГУ, sers80@mail.ru.

Таньшина Наталия Петровна – д-р ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории РГГУ; профессор кафедры новой и новейшей истории МПГУ, horoshovo@mail.ru.

General data about the authors

- Agapov Gleb A.* – postgraduate student, Russian State University for the Humanities, korsar231@yandex.ru.
- Akopyan Ovanes L.* – postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, ovanes.akopyan@gmail.com.
- Balushkina Ekaterina V.* – postgraduate student, Russian State University for the Humanities, andoch@yandex.ru.
- Birkin Mikhail Ju.* – applicant, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Center of Eastern Christian Culture), mbirkin@gmail.com.
- Bulycheva Elena V.* – Ph.D. in History, associate professor, Department of World History, Russian State University for the Humanities, bulychevalena@yandex.ru.
- Ermolova Irina E.* – Ph.D. in History, associate professor, Department of World History, Russian State University for the Humanities, merira@mail.ru.
- Klepikova Liubov V.* – postgraduate student, Russian State University for the Humanities, sevell1@rambler.ru.
- Knyazeva Svetlana E.* – Ph.D. in History, associate professor, Department of World History, Russian State University for the Humanities, omegaalfa777@aol.com, omegaalfa7577@gmail.com.
- Kolishevskaya Elena Yu.* – specialist on methodical work, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities, gatekey@mail.ru.
- Komarov Andrey N.* – Ph.D. in History, associate professor, Department of World History, Russian State University for the Humanities, ruslan10@inbox.ru.
- Lebedev Pavel N.* – Ph.D. in History, lecturer, Department of World History, Russian State University for the Humanities, apollonb10@list.ru.
- Malkin Stanislav G.* – Ph.D. in History, associate professor, Department of World History, Samara State Academy of Social Sciences and Humanities, malkins@samtel.ru.
- Marey Elena S.* – Ph.D. in History, teaching methods specialist, National Research University Higher School of Economics, elena.fontis@gmail.com.
- Ohoshin Oleg V.* – postgraduate student, Russian State University for the Humanities, ohoshin89@gmail.com.
- Rostislavleva Natalia V.* – Dr. in History, professor, Department of World history, Russian State University for the Humanities, ranw@mail.ru.

Seregichev Sergey Y. – Ph.D. in History, associate professor, Department of World History, Russian State University for the Humanities, sers80@mail.ru.

Tanshina Natalia P. – Dr. in History, associate professor, Department of World History, Russian State University for the Humanities; professor, Department of Modern and Contemporary History, Moscow Pedagogical State University, horoshovo@mail.ru.

Vin Yuri Ya. – Ph.D. in History, senior researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *Н.П. Гаврикова*

Компьютерная верстка *И.Г. Кирикова*

Формат 60×90 ¹/₁₆

Усл. печ. л. 16,5. Уч.-изд. л. 17,0.

Тираж 1050 экз. Заказ № 166

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rggi.ru

www.knigirggi.ru

